

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ
международных отношений,
истории и востоковедения

Высшая школа
иностранных языков и перевода

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

УДК 81
ББК 81.2
И88

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, доцент *Тахтарова С.С.*
доктор филологических наук, профессор *Сакаева Л.Р.*
кандидат филологических наук *Мубаракишина А.М.*

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской
филологии ФГОУ "Башкирский государственный университет"
Фаткуллина Ф.Г.
доктор филологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Казанский
энергетический университет»
Лутфуллина Г.Ф.

Авторы:

ГЛАВА 1: *Сабирова Д.Р., Сакаева Л.Р., Яхин М.А., Бушканец Л.Е.,
Исмагилова Г.К.*

ГЛАВА 2: *Тахтарова С.С., Мубаракишина А.М., Закирова Р.Р., Фахрутдинова
А.В., Кондратьева И.Г., Хакимзянова Д.Ф.*

ГЛАВА 3: *Иванова Т.К., Абдрахманова А.А., Хабибуллина Э.К.*

Исследования в области разноструктурных языков: функциональный и
когнитивно-дискурсивный аспекты: коллект. научн. монография; [Под ред.
С.С. Тахтаровой]. – Казань Отечество, 2017. – 349 с.

ISBN 978-5-9222-1191-8

Данная монография может представлять интерес для лингвистов,
занимающихся широкого круга вопросами: от структурной лингвистики и
лингвокультурологии до когнитивистики и прагмалингвистики, а также для
аспирантов и студентов филологических специальностей.

УДК 81
ББК 81.2

ISBN 978-5-9222-1191-8

© Коллектив авторов, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. Вопросы языкового сознания и межкультурной коммуникации	5
1.1. Английский язык в контексте языковой глобализации (<i>Сабирова Д.Р.</i>).....	5
1.2. Исследование фразеологических единиц английского, русского и испанского языков как структурных единиц лексико-семантической системы (<i>Сакаева Л.Р., Яхин М.А.</i>).....	28
1.3. Актуальные исследования в лингвистике в области ритма прозаического текста и перспективы развития художественного перевода (<i>Бушканец Л.Е.</i>).....	44
1.4. Генетические пласты лексики в произведениях Г. Исхаки (<i>Сакаева Л.Р., Исмаилова Г.К.</i>).....	65
ГЛАВА 2. Теоретические аспекты когнитивных и концептуальных исследований	90
2.1. Иллокутивные градации: когнитивно-дискурсивный аспект (<i>Тахтарова С.С.</i>).....	90
2.2. Теоретические основы изучения лексики чувственного восприятия в системе научных исследований (<i>Мубаракишина А.М.</i>).....	115
2.3. Лингвокультурологический анализ эмоциональных концептов. Эмоции как объект научного исследования (<i>Закирова Р.Р., Фахрутдинова А.В., Кондратьева И.Г.</i> ...).....	136
2.4. Существование базового и добавочного семантических признаков в вербальном слове (<i>Хакимзянова Д.Ф.</i>).....	171
ГЛАВА 3. Актуальные тенденции современного словообразования	200
2.1. Сложное слово: сопоставительный анализ в синхронии (на материале сложных слов русского и немецкого языков) (<i>Иванова Т.К.</i>).....	200
2.2. Оказиональное словообразование в современной русской поэзии (<i>Абдрахманова А.А.</i>).....	221
2.3. Особенности трансформации гендерно-маркированной лексики (<i>Хабибуллина Э.К.</i>).....	248
Заключение	282
Библиография	283
Список словарей.....	328
Список источников.....	334
Список электронных ресурсов.....	341
Список условных сокращений.....	344
Сведения об авторах	348

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена рассмотрению семантики, фразеологии, словообразованию и прагматики разноструктурных языков. Объектами анализа выступают как европейские, так и восточные языки: русский, английский, немецкий, испанский, татарский, турецкий.

Некоторые работы представляют собой исследования, выполненные на стыке наук лингвокультурологии и социолингвистики, что позволяет осмыслить межкультурные связи не в принудительном отделении формы от содержания, а в синтезе. Функционализм, пришедший на смену структурализму, актуализировал интерес к человеку говорящему и созданному им тексту. Изучение текста в аспекте его детерминированности экстралингвистическими условиями, выявление когнитивных моделей текстопорождения осуществляется в рамках когнитивно-дискурсивного направления – одного из актуальных направлений функционализма (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, М.Л. Макаров, Т. ван Дейк и др.). Однако нельзя забывать, что «правильное отображение реальных явлений в языке – вот тот исходный тезис, который должен лежать в основе анализа структуры языка и элементов его системы. Рассмотрение способности языка репрезентировать всю полноту познавательного содержания, добытого человеком в практической и теоретической деятельности, предполагает необходимость изучения языка в целом, то есть организации и состава его элементов» [Колшанский 1975: 14]. Разного рода подходы к языку в рамках когнитивной и антропоцентрической научных парадигм позволяет рассмотреть широкий круг вопросов, связанных с аккумулярованием и хранением в языке целого ряда социальных, индивидуальных, собственно языковых и экстралингвистических знаний.

Авторами установлено, что действительность не только находит опосредованное отражение в структуре разных языков, она членится и организуется, основываясь на лингвистическом мировоззрении каждого этноса.

ГЛАВА 1. ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сабирова Д.Р.

*“If you talk to a man in a language he understands,
that goes to his head.
If you talk to him in his own language,
that goes to his heart”*

Нелсон Мандела

«Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива», которое складывалось длительное время, вместе с изменением самого языка и с развитием общественных условий.

Постепенно складывалось и формировалось осознание того, что язык способен объединять людей, может подчинять и управлять массами. Этот концепт постепенно привел к образованию понятия «языковая политика».

В книге Джеймса Кроуфорда, активного сторонника многоязычного образования, приводится следующее определение: «Языковая политика (также иногда называется языковое планирование) включает в себя все, что правительство делает официально, чтобы определить, как языки используются в общественной среде и установить как отдельные личности или группы, используют, изучают и сохраняют языки».

Через рычаги воздействия языковой политики осуществляются попытки приспособления языка к нуждам социума. Свобода выбора языка гражданами многонационального общества и принцип равноправия всех языков составляют основу наиболее прогрессивной языковой политики.

Существует мнение, что, в современном Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии вопрос о формировании языковых умений для будущего, просто не стоит. И на это есть причины: частично потому, что статус английского языка в качестве языка международного общения непререкаем.

Так, предсказывают, что в ближайшее время 10 языков крепко займут свое место в языковом поле страны – испанский, арабский, французский, китайский, немецкий, португальский, итальянский, русский, турецкий и японский. Вместе с этим, интересен следующий факт: по данным опроса, проведенному по заказу Британского Совета, 75% взрослого населения Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии не способны поддерживать коммуникацию ни на одном из указанных 10 языков.

Каковы **внешние факторы** такого развития языкового поля?

– *текущее состояние экспортной торговли* (среди лидеров экспортного рынка – США, Германия, Нидерланды, Франция, Ирландия, Бельгия и Люксембург, Китай, Испания). Рейтинг языков с точки зрения экспортной торговли – немецкий, голландский, французский, китайский, испанский, итальянский, шведский, русский, арабский, японский (по убыванию).

– *требования бизнес сообщества* (по данным исследования, проведенного Конфедерацией британской индустрии, 70% бизнес компаний отметили приоритет языковых навыков своих работников).

– *торговые приоритеты государства* (отмечается продолжение торгового сотрудничества со странами ЕС, особенно с Германией, Францией и странами Бенилюкса), а также странами Северной Европы и Балтии. В списке торговых партнеров числятся: Индия, Бразилия, Корея, Мексика, Южная Африка, Турция, Индонезия.

– *появление быстрорастущих рынков;*

– приоритеты дипломатии и национальной безопасности (рейтинг языков, используемых в этой сфере - арабский, китайский, испанский, португальский, фарси, корейский, турецкий (по убыванию)).

– языковые пристрастия населения (согласно обзору Евробарометра, среди языков, избираемых для изучения у населения популярностью пользуются – испанский, немецкий, китайский, итальянский и русский).

– приоритеты правительства в области стратегий образования (в 2013 г. правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии опубликовало результаты исследования Международной образовательной стратегии. В качестве 8 стран-приоритетов в области образовательного партнерства выбраны – Китай, Индия, Бразилия, Саудовская Аравия, Колумбия, Турция, Мексика, Индонезия, страны Персидского залива).

Таблица 1.

Уровень владения английским языком в других странах

Уровень владения языком	Страна	Языки
Very low	Chile, Kuwait, Brazil, Egypt, UAE, Colombia, Saudi Arabia	Spanish, Arabic, Portuguese
Low	Indonesia, Iran, Russia, Taiwan, Vietnam, Turkey, China, Qatar, Mexico	Spanish, Indonesian, Farsi, Russian, Chinese, Vietnamese, Turkish, Arabic
Moderate	Spain, Portugal, Japan, France, Italy	Indian languages, French, German, Spanish, Portuguese, Japanese, Italian
Hugh	Belgium, Austria, Germany, Poland, Singapore, Malaysia	Dutch, French, German, Polish, Malaysian
Very high	Sweden, the Netherlands, Norway	Swedish, Dutch, Norwegian

– *язык интернета* (по мере убывания частоты использования – английский язык, китайский, испанский, японский, португальский, немецкий, арабский, французский, русский, корейский и др.)

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – лингвистически богатый край. Не забывая ни на минуту о существовании валлийского, гэльского, ирландского, языка скотс, языка скотс Ольстера свое пребывание на Британских островах отметило по разным оценкам – от 200 до 300 языков. Интересный факт, что после перечисленных языков национальных меньшинств, можно смело отметить мощное представительство носителей польского языка.

Все вышеназванные языки будут оставаться востребованными в ближайшие 10–20 лет, исходя из экономических и неэкономических факторов.

Языковая политика будет строиться на том, что правительство будет проводить стратегически более выверенную языковую политику, увязывая национальное видение и международный формат в сфере бизнеса, образования и культуры. Трудно не согласиться с мнением британских лингвистов, что языкам надо уделять такое же внимание как науке, технологиям, инженерному делу и математике. Мир меняется, а вместе с ним подвергается изменению мировая роль языков.

На протяжении многих веков носителями английского языка были лишь жители Великобритании. Даже во времена У. Шекспира английский язык не был столь значимым, его едва ли знали за пределами Соединенного Королевства. Однако двухсотлетняя экономико-политическая мощь Великобритании и Соединенных Штатов Америки способствовали процессу становления английского языка в качестве доминирующего языка современного мира. Его широко используют в печати, науке и технологиях, торговле и дипломатии. Контроль движения воздушного транспорта осуществляется на английском языке. Это и многое другое свидетельствует о том, что английский язык постепенно занял позиции **мирового языка**.

Вторжение англо-саксов на территорию Британии, а позднее скандинавов и французов, обусловило установление новых связей с другими странами, а также смешение языков. Колонизация также имела большое значение в распространении языка: для укрепления собственной власти колонисты навязывали изучение английского языка местному населению. Процесс глобализации, начавшийся после Второй мировой войны, способствовал дальнейшему его распространению.

Разработка феномена **глобализации** имеет небольшую историю, если считать со времени постановки глобальных проблем, – всего около трех десятков лет. Однако процесс глобализации оказывает огромное влияние на все сферы жизни общества, и на языковую ситуацию в том числе. Глобализация английского языка позволяет говорить о том, что он выступает в качестве агента **языковой глобализации**. Влияние английского языка ощущается даже в странах с крепкой политической системой и развитым письменным языком, например, таких как Германия, Италия. В наши дни эмиграция способствует развитию различных вариантов английского языка. Однако такое взаимодействие языков приводит не только к появлению нового языка, но и к исчезновению уже имеющегося.

В настоящее время в государствах, обладающих сильной централизованной властью, скорым транспортом и системой связи, влиятельными средствами массовой информации, языки умирают с беспрецедентной скоростью. Исчезновение языков есть неотъемлемый процесс истории человечества. Люди забывают свой родной язык в пользу другого языка, который считают более престижным и перспективным.

Мировой статус английского языка определяет отношение к нему окружающих: многие воспринимают его в качестве **языка-убийцы**. **Язык-убийца** – это доминирующий язык, приобретенный субтрактивно (за счет родного языка), а не аддитивно (совместно с родным языком). Однако исчезновение языков может происходить независимо от присутствия английского языка. Этот факт четко прослеживается в немецком языке, в

котором изобилуют англицизмы. Тем не менее, употребление английских слов в немецком языке не приводит к исчезновению немецкого языка.

1. Об актуальности изучаемой проблемы свидетельствует целый ряд научных работ, посвященных исследованию роли английского языка в мировом сообществе (Б. Качру «Алхимия английского языка» [Kachru 1999], Д. Кристал «Английский язык как глобальный» [Crystal 2003], К. Майерс «Языковая политика английского языка в качестве международного» [Mair 2002], А. Пенникук «Культурная политика английского языка в качестве международного» [Pennycook 1994], Р.Л. Траск «Изменения в языке» [Trask 1994]). Изменения в английском языке в результате его мажоритарной роли по отношению к другим языкам изучаются Траджиллом и Дж. Ханна «Международный английский язык» [Trudgill 1985]. Ученые лингвисты обращают особое внимание на проблему исчезновения языков.

Английский язык как доминанта современного этапа языковой глобализации

Происходящие глубокие изменения в геополитических структурах и трансформации социально-политических систем дают основание говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития. Наиболее зримым проявлением и показателем этих перемен является глобализация.

Появление термина «глобализация» связывают с именем американского социолога Р. Робертсона: «**Глобализация** – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах». Краткий Оксфордский словарь английского языка дает следующее толкование данного понятия: «процесс объединения».

Х.А. Барлыбаев рассматривает процесс глобализации в контексте структуры человеческой жизни и выделяет 18 видов этого феномена [Барлыбаев 2003]. Эти сферы и направления не равноценны, разнородны и

находятся в определенной иерархии, субординации по отношению друг к другу. Однако, необходимо отметить, что сферы и направления глобализации выступают не сами по себе, не фрагментарно и изолированно друг от друга, а в тесном взаимном переплетении, как правило, однонаправленно, как единый процесс и являются, хотя и разнородными, но органически взаимосвязанными и взаимодействующими атрибутами жизни человечества как глобальной общности в единстве с природной средой планеты Земля.

Процесс глобализации никогда не рассматривался однозначно. Доктор философии Д. Когбэрн [Cogburn 1998] полагает, что глобализация - это явление, которое трансформирует мировую экономическую и политическую системы. С появлением новой модели развития, в промышленно развитых странах в частности, все большую роль играют знания и образование. Таким образом, век глобализации вносит неотъемлемый вклад в процесс увеличения значимости образования. Особое внимание Д. Когбэрн уделяет принципу целостного подхода и обучению посредством глобальной сети Интернет. Такая система обучения подразумевает собой наличие универсального языка, доступного и понятного каждому образованному человеку.

Поскольку воспринимаемая человеком реальность задается в языковых нормах и конструктах, а каждая культура ассоциируется с неким языком как механизмом ее выражения, представляет особый интерес выявление особенностей взаимовлияния социокультурных трансформаций, вызванных глобализационными процессами, и качественных изменений языковых систем на современном этапе общественного развития.

Многие ученые лингвисты-глобалисты занимаются исследованием процесса языковой глобализации. Среди них особое место занимают Дж. А. Данн, Б.Б. Качру, которые занимаются изучением влияния одного языка на системы других языков мира. Для таких исследователей характерен акцент не на частные факторы, вызывающие заимствования или способствующие им, а на попытку осмыслить мировые лингвистические процессы и их устройство. Одной из самых интересных в этом плане является теория

концентрических кругов Б.Б. Качру, позволяющая оценить степень проникновения системы английского языка в системы многих языков мира.

Все многообразие вариантов современного английского языка учёный предлагает представить в виде внутреннего, внешнего и расширяющегося кругов (*inner, outer and expanding circles*). Основаниями для включения варианта языка в ту или иную зону являются отношение к языковой норме и набор выполняемых коммуникативных функций. Так, «внутреннюю зону» образуют варианты английского языка, на которых говорят в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Это так называемые «нормообразующие» страны (*norm-providing countries*), где английский язык является исконным языком на территории проживания нации и играет роль средства общения во всех без исключения функциональных сферах, а кодифицированное языковое употребление на различных уровнях языковой системы принимается англоговорящим сообществом как норма, которой нужно следовать и подражать. При этом, естественно, игнорируются различия между национально-территориальными вариантами в пределах самой внутренней зоны.

«Внешнюю зону» образуют такие страны, как Индия, Южноафриканская республика, Пакистан, Малайзия, Филиппины, Нигерия, Гана, Бангладеш, Сингапур и некоторые другие, где английский язык имеет статус официального или второго государственного языка, наряду с исконным национальным языком. Диапазон коммуникативных функций в этом случае несколько сужен, по сравнению со странами внутренней зоны; по отношению к языковой норме варианты английского языка в данном случае рассматриваются как «норморазвивающие» (*norm-developing countries*).

Наконец, к странам наиболее динамично развивающейся «зоны расширения», именуемой «нормозависимыми странами» (*norm-dependent countries of the expanding circle*), относятся Индонезия, Тайвань, Китай. Израиль, Египет, Саудовская Аравия, страны Европейского Союза, ряд

бывших республик СССР. В этих странах английский язык имеет статус вспомогательного средства общения, принятого относительно недавно и выполняющего ограниченный набор коммуникативных функций.

Концентрическая модель Б. Качру помогает представить распространение английского языка в современном мире; разнообразие его существующих вариантов; неодинаковый статус английского языка в различных геополитических регионах; проникновение системы английского языка в системы других языков. Эта модель носит прогностический характер, в ней заложена принципиальная возможность отражения перехода варианта английского языка из одной зоны в другую. Так, по мнению, Б. Качру английский язык, все более широко используемый в Германии, Швейцарии, Люксембурге, скандинавских и балтийских государствах, приобретает определенные специфические черты и не исключено, что в ближайшем будущем сформируются новые варианты английского языка, которые займут место в «зоне расширения». С другой стороны, варианты английского языка из «внешней зоны» могут быть пополнены вариантами, которые сейчас отнесены к «зоне расширения». Единственная зона, которая закрыта для количественных изменений — это «внутренняя зона».

По мнению М.Ю. Семеновой языки проникают друг в друга вследствие языковой глобализации, которая: стирает границы между языками (причем не только в маргинальных сферах) и влияет на появление псевдозаимствований на разных лингвистических уровнях; порождает «регионализацию», в результате которой возникают постстандартные языки (т.е. системы, содержащие псевдоэлементы, имеющие усложненную структуру, что позволяет передавать множество значений и использовать разного вида каламбуры); способствует исчезновению слов, не обладающих оценочной коннотацией; открывает новые возможности для языковой игры: например, игры слов, аллюзий, стилистических игр.

Языковая глобализация находит отражение в классификации заимствований с учетом их ассимиляции: полностью ассимилированные

слова; слова, вошедшие в систему языка, но сохранившие специфические черты этимона и воспринимаемые носителями заимствующего языка как иностранные; варваризмы и экзотическая лексика. В зарубежной лингвистике выделяют еще одну группу: псевдозаимствования [Семенова 2007].

Основываясь на утверждениях М.Ю. Семеновой и Р. Робертсона, а также модели концентрических кругов Б. Качру, можно дать следующее толкование понятия **языковой глобализации**: это процесс возрастающего воздействия и проникновения системы одного доминирующего языка в системы языков мира, в результате которого лексические, грамматические, синтаксические уровни языка подвергаются изменениям.

Язык, наделенный мощным потенциалом эффективного достижения экономических и политических целей международных отношений, приобретает сегодня особую значимость как инструмент овладения сознанием. Следует отметить, что конкурентная борьба приобретает в современных условиях своеобразный характер: языки не навязываются силой, что было присуще завоевателям на более ранних этапах развития человеческого сообщества. Изменения в языковых ситуациях сегодня являются, как правило, следствием «столкновения» различных цивилизаций, культурных картин мира.

По мнению В.М. Алпатова, процессы глобализации могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на языковую ситуацию. Всеобщее распространение одного языка ведет к взаимопониманию, которого всегда не хватало человечеству, и это, безусловно, положительный момент, который будет положительным до тех пор, пока данный язык будет оставаться вторым языком. Но, как только он начнет вытеснять родной язык, его распространение затронет национальные чувства людей, нарушит «естественную человеческую потребность - потребность идентичности, т.е. стремление во всех ситуациях пользоваться своим родным языком, освоенным в раннем детстве» [Алпатов 2004], что объективно будет

способствовать росту национального самосознания малых народов и повышению национальной идентичности каждого конкретного человека [Алпатов 2007].

В. М. Алпатов в своей статье «Глобализация и развитие языков» утверждает, что распространение «второго родного языка» нарушает естественную человеческую потребность - потребность идентичности, то есть стремление во всех ситуациях пользоваться своим родным языком, освоенным в раннем детстве. Навязывание глобального языка добавляет еще два аспекта проблемы: во-первых, люди, владеющие единым языком, оказываются в более выгодном положении при глобализации: им не нужно учить какой-либо язык дополнительно. В.М. Алпатов обращает внимание на тот факт, что жители развитых стран меньше всего интересуются иностранными языками. Во-вторых, глобальный язык не может не ассоциироваться с политикой и системой ценностей той страны, где этот язык является государственным.

Глобализация распространяет на мировой уровень объективное неравенство. В наиболее выгодном положении оказываются носители господствующего (официально или фактически государственного) языка, а наибольшие затруднения испытывают одноязычные носители языков меньшинств, лишенные возможности делать карьеру [Алпатов 2004].

Имея тенденцию к разрушению языкового многообразия, глобализация одновременно с этим создает условия и необходимость для изучения нескольких языков. Знание иностранных языков является своеобразным капиталом. Этот капитал - потенциальная финансовая и нефинансовая прибыль, которую может извлечь человек, владеющий несколькими языками. Однако непременным условием гармоничного развития личности является чувство принадлежности к определенной культурно-языковой группе, которое закреплено в родном языке.

Вышеизложенное, позволяет говорить о существовании противоречия между стремлением людей к возрождению и сохранению национально-

этнической культуры, языка, обычаев и традиций своего народа и желанием как можно больше узнать о других культурах, глобальных, общечеловеческих ценностях, и стремлением к совместному решению проблем, касающихся всего человечества.

Факторы развития языковой ситуации в странах Британского содружества (на примере африканского континента)

Язык как средство коммуникации появился примерно 150 тыс. лет назад в Восточной Африке, а затем распространился по планете.

Колониальная политика Британской Империи оказала сильнейшее воздействие на языковую ситуацию в захваченных территориях. На сегодняшний день английский язык является государственным языком Южной Африки (с 1822 г.); а также стран Западной (Нигерии, Камеруна, Либерии, Гамбии, Ганы) и Восточной Африки (Ботсваны, Кении, Лесото, Танзании, Замбии и др.), где английский язык завоевал статус официального языка лишь после обретения этими странами независимости [Crystal 2003:43-54].

Африканский континент отличается своим лингвистическим многообразием. Здесь представлено, по меньшей мере, 25% существующих в мире языков. По мнению известного американского лингвиста Джозефа Гринберга, африканские языки принадлежат к четырём основным лингвистическим семьям: *нигер-конго*, *афро-азиатской*, *нильско-сахарской* и *койсан* [Graddol 1997].

Организация Африканского Единства выделяет 50 языков, которые необходимо развивать в качестве действующих и активно используемых африканских языков. Универсальный язык в Африке бывает 2 типов: африканского происхождения (Тип А) и получившего распространение в результате иностранной экспансии (Тип Б). Большинство африканских *лингва франка* сочетают в себе черты первого и второго типов, так как эти языки использовались и навязывались местному населению солдатами, военными, а также европейскими завоевателями и колонистами [Lodhi 1993:79].

Экономико-политические факторы оказали сильнейшее воздействие на выбор государственного языка в Африканских странах; таким образом, территорию Африки можно условно поделить на следующие регионы: *англоязычные, франкоязычные, португалоязычные, арабоязычные и суахилиязычные*. В 19 из них государственным языком является английский язык, в 22 - французский язык, в 5 - португальский язык, в 7 - арабский язык [Там же:80].

Необходимо отметить, что люди предпринимали попытки по вытеснению колониальных языков и заменой его местным языком. Ярким примером служит язык суахили, который стал государственным языком Танзании после борьбы её жителей за свою независимость и национальную идентичность.

Будучи миноритарным языком, язык суахили превратился в *lingua franca* всей Восточной Африки уже в XIX веке. Этот язык аборигенов в настоящее время является преобладающим языком, так как получил широкое распространение в качестве второго языка. Тем не менее, число его носителей невелико; они не занимают лидирующих позиций на политической арене и не принимают активного участия в экономической жизни страны, поэтому не могут являться оппозицией существующей власти. В отличие от суахили, доминирующие языки, такие как *бамбара* в Мали или *моор* в Буркина-Фасо, а также *хауса* в Нигерии, никогда не являлись языками национальной интеграции, так как они лишены политического нейтралитета.

Статус «государственный язык» непременно значит, что это язык закона, средств массовой информации, в то время как «национальный язык» является средством повседневного общения, и круг его использования весьма ограничен, хотя он может получить широкое распространение в период антиколониальной политики в борьбе за освобождение.

Язык попадает под угрозу, если количество его носителей составляет менее 400 человек. В случае с 46 африканскими языками, ситуация становится сигнальной, в связи с тем, что ни на одном из них не говорит и

сотни человек. Таким образом, языки *бикья*, *бишуо*, *нгонг* и *луо* уже обречены на вымирание.

Потеря языка не может пройти бесследно. Язык – есть опыт человечества и основа для будущего развития. Языковое многообразие Африки отражает ее богатое культурное наследие и должно использоваться в качестве средства единения. Развитие Африки невозможно без поддержки самобытного характера её языковых, культурных и научных институтов.

Историческое развитие многоязычия на территории современной Африки отражает отношения, получившие развитие в результате политики колонизаторов и является доказательством теории лингвистического империализма.

Приход английских колонизаторов и развитие лингвистического империализма в XVIII веке отрицательно сказался на жизни континента. В настоящее время мышление и жизнь африканцев находится под контролем чужого языка, особенно в вопросах использования его в сфере образования, философии, литературы, управления страной и органов юстиции [Adedimeji 2003].

Рост его популярности заключается в разумном выборе самих жителей Африки. Несомненно, африканцы озабочены тем, что распространение английского языка ведёт к снижению функционирования коренных языков и утрате этнической идентичности. Однако стремление к лучшей жизни заставляет их делать выбор в пользу английского языка.

С. Маккей отмечает, что распространение английского языка в Африке ведет к расслоению общества. Существует неразрывная связь между экономическим потенциалом страны, уровнем владения иностранным языком ее граждан, а также языковой политикой.

В Африке распространены не только европейские языки, но и коренные языки, такие как *суахили*, *зулу*, *африкаанс*, *йоруба* и др.

Исследователь Х. Батибо полагает, что отношение к языку его носителей является одним из основополагающих факторов

жизнеспособности языка, о чем говорилось выше. Престиж языка выражается, прежде всего, в реализации языком своих функций в различных сферах жизни: государственной политике, историческом наследии, образовательном процессе, произведениях искусства [Batibo 2008:2].

Глобализация английского языка влияет на процесс исчезновения миноритарных африканских языков. Анализ языковой ситуации этого региона показал, что серьезную угрозу испытывают языки многоязычных стран, таких как Нигерия, Камерун, Ботсвана, Судан, Эфиопия.

Мажоритарная роль английского языка в Африке обусловлена колониальной политикой Британской империи. Насильственное насаживание английского языка колонизаторами, экспорт учебной литературы, книг, преподавателей английского языка в африканские страны, несомненно, изменяет языковую картину этого континента, препятствуя изданию книг на местных языках, понижая интерес к произведениям африканских писателей. Несмотря на тенденции роста числа желающих изучать английский язык, именно экономический потенциал населения Африки затрудняет повсеместное овладение данным языком. Статистические данные также показывают, что лишь 30% населения Африки владеет английским языком.

Английский язык соединяет Африку с внешним миром, способствует поддержке коммуникаций в сфере торговли, науки, технологий и культурных обменов континента с другими странами. Сохранение африканских языков в условиях глобализации английского языка возможно лишь при условии четко сформулированной и реально функционирующей языковой политики государства, положительного отношения к языку его носителей, отсутствии этнолингвистического противоборства внутри страны.

Особенности использования языка «Хинглиш»

Английский язык – это один из официальных языков Индии. Индийцы говорят и пишут на английском гласные и согласные на одном из их местных языков. Телевидение, издаваемая литература, фильмы используют кодовые

смешивания и переключение с одной системы кодов на другую, получая в результате новый вариант английского языка.

Индийский английский состоит из диалектов местного наречия, на котором говорит местное население. Этот диалект развился во время британского господства в Индии. Английский язык является вторым государственным языком Индии. Несмотря на это, только 4% процента населения используют английский язык в повседневном общении. В основном, это люди, которые занимают руководящие посты, а также, занимающиеся преподавательской деятельностью.

Хинглиш – это смесь местного языка *хинди* и английского. В хинди активно используется лексика обоих языков. Чаще всего, хинглиш наблюдается в городах Индии и в пригородах, но постепенно хинглиш распространяется и в сельской местности, благодаря телевидению и печати. Многие ораторы не осознают, что в своей речи они используют английские слова, при этом применяя структуру предложения хинди. Хинглиш – это новый этап заимствования английского языка при взаимовлиянии местных культур.

Хинглиш – это результат языковой глобализации. Индия занимает второе место по количеству человек, говорящих на английском языке. Такая коллизия языков создала большое количество необычных выражений, которые постепенно набирают популярность уже в британском варианте английского языка. Например, если Вы говорите, что чувствуете себя “glassy”, то это означает, что Вы хотите пить. Таким образом, в британском английском языке появляются новые слова и выражения, которые заимствуются им из индийских местных языков. Лексика британского английского языка значительно обогатилась. Отчасти в этом заслуга языка хинглиш, так как благодаря именно этому языку происходит активная ассимиляция не только английских слов в индийские языки, но также и индийских слов в английский. Эти слова активно используются в

разговорной речи, и мало кому известно, что они индийского происхождения.

Следует отметить, что не следует путать язык хинди с языком *бомбея*, который включает в себя большое количество фраз из ряда других языков, таких как *махарати*, *гуджарати* и другие. В последнее время оба этих языка становятся все более популярными в болливудских фильмах.

Хинглиш – это язык не только язык молодого поколения и индийской элиты, но также и тех, кто хочет стать ближе к Западу. Хинглиш активно используется различными маркетинговыми компаниями и крупными корпорациями. Международные компании, имеющие дочерние компании в Индии перевели свои рекламные слоганы на хинглиш, а не на британский вариант английского языка. Это дало им возможность стать ближе к населению Индии, а также увеличить свою популярность среди молодежи. Благодаря такому рекламному ходу, им удалось увеличить продажи и привлечь новых покупателей. Более того, хинглиш, также стал более востребованным, вследствие перевода рекламных слоганов на язык хинглиш. Например, компания “Pepsi” перевела свой лозунг “Ask for more” на язык хинглиш как: “Yeh Dil Maange More” (Hearts want more). В результате, продажи газировки в Индии возросли, а каждый тинэйджер цитирует эту фразу.

Также, хинглиш набирает популярность в киноиндустрии. В болливудских фильмах, как ни в одной другой области, встречаются самые разнообразные выражения с английскими словами и претерпевшими фонетическую интерференцию в хинди.

Смешение слов из языка хинди и английского, также, можно часто встретить в названиях фильмов, например:

“Love aaj kal” – «Любовь сегодня завтра»;

“Jab we met” – «Когда мы встретились».

Молодые режиссеры предпочитают снимать ленты на хинглише, а не на местном языке, так как благодаря этому методу им удастся расширить

свою аудиторию и привлечь как можно больше людей к просмотру выпущенного фильма.

В рамках проводимой всемирно известной кампании «Невероятная Индия» была разработана письменность хинглиша, которая представляет собой гибрид английского алфавита и алфавита деванагари, который используется в хинди. Этот проект называется “The Hinglish Project”, который имеет свой собственный сайт и каждый желающий может посетить этот сайт бесплатно. Работа этого сайта была отмечена несколькими наградами.

В сфере науки и образования хинглиш также укрепляет свои позиции и становится востребованным.

Необходимо отметить, что хинглиш употребляется не только в Индии, но и в Великобритании, США, России и других странах и постепенно он набирает все большую популярность. Претерпев различные модификации, английские слова приобрели новые возможности употребления. Так, английский язык, взаимодействуя с местными языками Индии, отражает новые реалии, а для индийцев, которые не владеют английским языком, хинглиш позволяет им связываться с внешним миром.

Хинглиш – гибрид английского и хинди уже давно знаком мировому сообществу. На сегодняшний день 350 миллионов человек общаются на языке хинглиш. С 2012 г. британские дипломаты, работающие в консульствах Индии, обязаны понимать хинди, соответственно понимать и хинглиш. Этот факт свидетельствует о том, что Индия смогла занять свое место среди развивающихся стран, чье экономическое развитие смогло привлечь и другие страны.

Итак, английский язык сыграл важную роль в становлении Индии, и именно английский язык оказался той нитью, которой объединяет воедино многонациональную Индию, где говорят более чем на 400 языках и 2000 диалектах. Разумеется, нужно понимать, что индийский вариант английского языка еще не сформировался до конца, и в будущем он может сильно

видоизмениться. Мы считаем, что такой процесс неизбежен, так как Индия обладает огромным количеством местных языков, которые активно контактируют с английским языком. В результате, английский язык ассимилирует не только лексику региональных языков, но также и разнообразные фонетические, морфологические и синтаксические особенности, которые делают его таким неповторимым.

Лингвокультурное явление «Чинглиш»

Чинглиш – вариант английского языка, созданный под влиянием китайского языка, используется для обозначения изменений в грамматическом строе языка, не встречающихся в английском, а также – бессмысленных с точки зрения английского языка фраз, используемых на английском в контексте китайского языка [Kachru 1990].

Китайский пиджин-инглиш зародился в XVII в., тогда чинглиш был языком торговли между британцами и большинством кантоноговорящих китайцев. Термин пиджин появился из-за неправильного произношения китайцами английского слова «бизнес». Во времена первой и второй опиумных войн (1839–1842 гг.) чинглиш был распространен на севере Шанхая и в портах, которые были открытыми для торговли в соответствии с международными договорами. Термин «чинглиш» ввел в обиход китайский филолог Гэ Чхуан Гуй. Он разделяет два понятия «китайский английский» и «чинглиш». По его мнению, «китайский английский» — это стандартный английский язык, он более богат лексически и сфера его употребления гораздо шире «чинглиша», который является лишь искаженным языковым явлением, крайне ограниченным и нестабильным.

Несколько причин функционирования чинглиша на территории Китая. Во-первых, использование устаревших китайско-английских словарей, в которых содержатся большое количество ошибок. Во-вторых, некачественное преподавание английского языка в школах и университетах. Чаще всего английский язык преподавали китайцы, из поколения в поколения, передавая ошибки и формируя «неправильный» английский

язык. Двадцать лет назад было очень сложно представить, чтобы в обычной школе английский язык преподавал носитель языка. Нельзя не отметить, что в последние 5-7 лет, ситуация в Китае меняется в положительную сторону. В школы и университеты приглашаются все больше квалифицированных преподавателей из США и Англии.

В свою очередь О. Л. Радтке, который несколько лет занимался изучением развития английского языка на территории Китая, выделял следующие причины употребления чинглиша:

1. Недостаточное включение носителей английского языка в процесс редактирования учебников, газет, учебных пособий и др.

2. Некачественный перевод и недостаток прагматических знаний. Причины некачественного перевода – различия между исходным языком и языком перевода.

3. Большие различия между культурами запада и востока.

4. «Твой учитель – это твой Бог, стремись к тому, чтобы быть как твой учитель» - именно по такому принципу преподают в Китае. Однако в случае с чинглишем это создает лингвистическую традицию, которая обязывает говорить всех на английском языке так, как говорили представители прошлого поколения, без исправления наиболее часто встречающихся ошибок.

Также, существует еще один термин, который был введен в 2008 г., обозначающий понятие чинглиш.

Чинглиш – комбинация китайской культуры и английского языка [Language Vitality and Endangcrment 2003]. У китайского английского языка есть лингвистические особенности, которые отличают его от классического английского языка на всех лингвистических уровнях, включая фонологию, грамматику и лексику.

На фонологическом уровне главным отличием чинглиша от классического английского языка, является ряд отсутствующих гласных на китайском языке. Для носителей китайского языка слова ‘shear’ и ‘chip’

звучат абсолютно одинаково. Также, хотелось бы отметить ярко выделяющийся акцент носителей китайского языка при говорении на английском языке, что искажает значительную часть слов.

На лексическом уровне чинглиш проявляется через такие варианты переводов как транслитерация и калькирование. Перевод с помощью транслитерации, стал одной из главных причин появления китайских выражений на английском языке. Носители китайского языка при выражении мыслей на английском языке смешивают китайские иероглифы и латинский алфавит, в результате чего получаются достаточно интересные вариации слов. Еще одной причиной развития чинглиша, является перевод слов и выражений китайского языка, которые не имеют эквивалента в английском языке. В китайской грамматике не существует понятий определенный и неопределенный артикль, поэтому очень часто вы можете увидеть вот такие предложения: "The Eric is going to the China" (Эрик едет в Китай).

Еще одним ярким различием чинглиша от классического английского является порядок слов в предложении. Если в английском языке, чаще всего, основная информация (подлежащие) содержится в начале предложения, то в чинглише, подлежащие стоит в самом конце предложения.

Давно известно, что язык и культура тесно связаны. Лингвисты соглашаются с мнением, что язык формируется культурой, которую стремится отразить. Китайцы не являются исключением. Пытаясь изучить английский язык, они все равно делают это в своей уникальной манере. История китайской культуры насчитывает более 5000 лет, ни одно культурное явление не способно разрушить столь внушительное число культурных особенностей, потому что это культурное наследие является автономным. Даже находясь в Англии и изучая английский язык, он останется для них не более чем просто объектом изучения или средством выражения мыслей. Этим объясняется тот феномен, что китайцы, говоря на английском языке, пытаются выразить «китайские» мысли.

Чинглиш широко распространен в современном Китае: в названиях магазинов и в слоганах, на табличках и парках в туристических зонах, в рекламе и на упаковках, в названиях ресторанов и, особенно, в меню, в аэропортах, на вокзалах и в такси, на улицах и дорожных знаках, а также в брошюрах для туристов.

Чинглиш стремительно распространяется не только в городах КНР, но и в Интернете. Есть фраза на чинглише «You can you up, no can no bb», которая известна по всему миру, благодаря Интернету. Согласно пояснениям эта фраза буквально означает: «Если ты не можешь сделать этого, тогда не критикуй». Лингвисты говорят, что этот пример доказывает, что чинглиш принимается остальной частью мира и постепенно вводится в повседневную жизнь. Некоторые журналы и газеты потребляют слова из чинглиша в своих изданиях. Так, в 2010 г., в статье, опубликованной в журнале «Economist», рассказывалось о термине «guanggun» (слово из чинглиш, обозначающее мужчин, не продолжающих родословное древо).

На сегодняшний день, многие лингвисты считают, что чинглиш – это результат отрицательного переноса опыта изучающих английский язык, материнский язык которых – китайский; пиджин, который является неизбежным при изучении иностранных языков. Мы не можем утверждать, что чинглиш является лингвистической ошибкой, это скорее некая разновидность ошибки, развитая в процессе изучения английского языка китайцами.

Те, кто изучают происхождения, скажут, что многие случаи объясняются ленью и крайней популярностью машинного перевода, а также нехваткой носителей языка при преподавании.

Основной результат влияние чинглиша – это его проникновения во все сферы общества, которые непосредственно связаны с английским языком (школы, университеты, международная торговля, научно-исследовательские работы и т.д) фактически замещение английского языка по территории всего государства. Чинглиш распространился по всему миру настолько, что в 2014

г. режиссер Лэй Сильвермен поставил комедию на Бродвее, которая называется «Чинглиш». Комедия идет сразу на двух языках: на английском и мандаринском диалекте (с английскими субтитрами).

Отсюда же и главный парадокс: с одной стороны, в современности в Китае есть большая необходимость в использовании английского языка, так как Китай становится все более вовлеченной в глобальную систему отношений. А с другой стороны, можно заметить, что употребление английского языка в скором времени может быть совсем утрачено из-за особенностей материнского языка КНР, и что более важно из-за их способа переводить с китайского языка на английский язык. Эта проблема требует оперативного решения. Ведь то, как они переводят с китайского на английский язык, определяет то, как они говорят по-английски.

Весьма сомнительно, сможет ли Китайская Народная Республика когда-нибудь избавиться от чинглиша. Основная причина – это широкое и стремительное распространение, что не позволяет Китаю стать «стандартизированным» государством. Чинглиш поддерживает китайский язык и культуру даже при использовании английского языка, но его географическое распространение ограничено территорией КНР.

Чинглиш и другие гибридные версии английского языка, несомненно, являются культурным феноменом, что ставит английский ближе к языку той или иной страны. Более того, в глобальном мире данная разновидность языка скорее затрудняет общение, чем способствует межкультурной коммуникации. Возможно, решение данной проблемы заключается в отделении английского языка от его культурной основы. Но может ли язык существовать без нее?

Вместо заключения

Человечество на современном этапе стоит на распутье. С одной стороны, оно осознает всевозрастающее влияние международного языка в процессе межкультурной коммуникации, с другой – необходимость сохранения родной культуры. «Язык не существует вне культуры, т.е. вне

социально наследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Nettle 2000:185]. Следовательно, сохранив культуру, социум сохранит свой родной язык, и наоборот. В.А Маслова утверждает, что «основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация». Значит, приспособившись к условиям бытия социума, его представитель, обретя статус языковой личности, должен осознать языковое богатство, накопленное в течение столетий его предками. Только усвоив ценности своего социума, языковая личность сможет противостоять мощному влиянию доминирующего языка, не допустив его вмешательства в пространство родного языка. В процессе межлингвокультурной коммуникации языковая личность каждого социума должна соблюдать «нормы поведения» в коммуникативном поле, не нарушая самобытности каждого из них. Бесспорно, международный язык необходим в современном мире, однако он не должен быть препятствием на пути к самосовершенствованию и саморазвитию остальных языков. Так что конструирование глобального языкового пространства будет зависеть не только от внутренней или внешней политики государств, но и от внутренних побуждений самой языковой личности, которая в данной ситуации выступает посредником между своей/чужой культурой и языком.

1.2. ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ, КАК СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Сакаева Л.Р., Яхин М.А.

В сравнительно-сопоставительном аспекте фразеологические единицы (ФЕ) привлекают внимание ученых в связи со значимостью выявления

универсалий и уникалий в разных языках для создания основы их изучения. Как справедливо отмечают лингвисты, сопоставление является обязательным мыслительным и познавательным приемом во всех науках.

ФЕ являются источником изучения культуры. Фразеологический состав языка является показателем, отражающим изменения в языке и обществе, указывающий на специфику и характерные черты определенной эпохи, страны или народа в целом. ФЕ обладают культурно-национальным своеобразием. Происхождение, существование и употребление ФЕ внутри языкового сообщества, соотносимое с культурой сообщества, олицетворяет сознание отдельной личности и национальной идентичности всего народа. Влияние культуры на формирование и функционирование ФЕ изучается в этнолингвистике, лингвокультурологии, стилистике языка, контрастивной лингвистике, переводе. Проблема взаимодействия фразеологического состава языка и культуры является доминирующей в настоящее время. Категории определенного этноса и реконструкции культуры по сохранившимся текстам, традициям, ритуалам, из которых извлекаются экстралингвистические данные, занимается этнолингвистика. Лингвокультурологические исследования направлены на изучение современных коммуникативных процессов, связанных с менталитетом народа.

Каждое ФЕ отмечено своеобразием восприятия мира через призму языка и национальной культуры. Фразеологический материал имеет лингвистическую ценность и общекультурную значимость. В своих трудах В.В. Виноградов обращает внимание на примеры, подтверждающие важность и правомерность исторических справок и сопоставлений в области фразеологии [Виноградов 1977]. Исследования фразеологического фонда языков проводятся в последнее время в ракурсе отражения в языке национально-культурного своеобразия, связанного с развитием теории лингвокультурологии, выдвигающей на первый план коммуникативную ориентацию и человеческий фактор.

В лингвистической литературе со времен Ф. де Сосюра неоднократно указывалось на неразрывную связь фразеологии с национальной культурой, на открытие во фразеологизмах национальной специфики, особенностей образа жизни и менталитета народа. Фразеологизмы, отражая длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Как считает Ф.И. Буслаев «ФЕ, своеобразные микромиры, содержащие в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, неповторимым образом выражающая дух и своеобразие нации [Буслаев 1954:128].

Х. Касарес сравнивает фразеологию с «таинственным миром, исследование которого является срочной, настоящей и неотложной задачей, поскольку слова могут ждать, они прикреплены к текстам подобно бабочкам, убитым парами камфоры и насаженными на булавки, а вот исследование модизмов не терпит отлагательств, потому что каждое вступающее в мир поколение менее чувствительно, чем предыдущее, к волнам прошлого, которое быстро удаляется и становится эфемерным» [Касарес 1958:255].

В.Н. Телия в своем исследовании выделяет три круга вопросов, наиболее важных при изучении фразеологии в контексте [Телия 1999:13]. Первый круг вопросов связан с выявлением в ФЕ различных типов экстралингвистических факторов, соотносимых с предметной областью культуры, определением тех внутриязыковых средств и способов, которые придают ФЕ способность отображать в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества. Второй круг вопросов уточняет корреспонденцию и различия в методах и результатах изучения и описания культурной семантики ФК, осуществляемых в рамках этнолингвистического, лингвокультурологического и контрастивного направлений в исследовании языка и культуры. Третий круг вопросов

охватывает проблемы, связанные с установлением общей методологической платформы, на базе которой разрабатываются методы изучения единиц фразеологического состава языка, которые, выступая в роли воспроизводимых из поколения в поколение знаков культуры, участвуют в передаче ментальности народа-носителя языка [Телия 1999].

ФЕ используются постоянно в повседневной речи. Для носителя языка ФЕ являются привычными в употреблении. Для человека, в достаточной мере обладающего знаниями в сфере лингвокультурного контекста, фразеологизмы воспринимаются так же легко, как и просто слова. Понимание ФЕ и корректное употребление в речи является одним из показателей владения языком [Сакаева 2004].

Историю фразеологии принято делить на два периода: классический и постклассический. Отсоединение фразеологии от других лингвистических дисциплин в качестве самостоятельной явилось целью классического периода. Фразеология очертила свои границы после выхода в свет первых научных работ В.В. Виноградова (1946-1947гг.). Классический период по праву считается результативным, однако в дальнейших работах фразеологов начали наблюдаться расхождения в методах исследования, вопросах типологии и др. Постклассический период исследования ФЕ характеризуется поиском отличий системной организации фразеологического и лексического фондов.

В России вопросы фразеологии являлись и продолжают быть объектом контрастивных исследований во многих вузах, где действовали и продолжают функционировать научные школы: Вологда (Р.Н. Попов), Волгоград (Н.Ф. Алефиренко), Москва (Д.О. Добровольский), Санкт-Петербург (В.М. Мокиенко), Казань (Э.М. Солодухо, Г.Х. Ахунзянов, Е.Ф. Арсентьева, Г.А. Багаутдинова, Л.К. Байрамова), Ростов (Ю.А. Гвоздарев, В.Л. Архангельский) и др.

ФЕ в речи воспроизводятся в отличие от свободных сочетаний слов, которые образуются. При использовании в речи ФЕ извлекается из языковой

памяти. Выступая в своеобразной роли «текста в тексте», ФЕ способствуют экономии языковых усилий. Одной из главных задач фразеологии как лингвистической дисциплины исследователи считают осмысление механизмов взаимодействия лексических, морфологических, синтаксических компонентов и семантических компонентов, которые вызывают характерные для ФЕ ограничения по сочетаемости и приводят к объединению этих компонентов в единое целое.

Устойчивые сочетания слов в языке лингвисты обозначают различными терминами: фразеологизм, фразема, идиома, устойчивое сочетание, существуют некоторые другие варианты. Разнообразие терминов говорит о разноплановости этого языкового явления и существовании различных типов ФЕ. В данной работе основными терминами являются *фразеологизм* или *фразеологическая единица*.

Фразеология включает в себя множество разноплановых аспектов, и дать точное определение фразеологизма – это весьма непростая задача. В определении понятия фразеологизма и по сей день исследователям не удалось достичь единого мнения.

Согласно Н.Ф. Алефиренко под ФЕ принято считать «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [Алефиренко 2009:15]. Принято считать, что ФЕ относительно устойчивое сочетание двух и более слов, близких по значению одному слову и существующих в языке как целая, неразложимая единица. Лексическое значение фразеологизма несут не отдельные слова, а весь фразеологизм в целом. В понятии В.В. Елисеевой, «фразеологическая единица представляет собой немоделированное словосочетание, связанное семантическим единством. В речи такое единство не создается, а воспроизводится в готовом виде и функционирует как единый член предложения» [Елисеева 2003]. Автор отмечает, что небольшие варьирования структуры ФЕ не влияют на эти основные ее признаки. По мнению М.П. Брандес: «фразеологическая

единица представляет собой устойчивое и воспроизводимое, оформленное раздельно, но семантически целостное сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Брандес 2004:354].

В.М. Мокиенко, выделяя основные свойства ФЕ, делит последние на пять групп: семантические, формальные, функциональные, стилистические, гносеологические. Одновременно существуют универсальные категориальные признаки фразеологизмов, присущие единицам различных уровней языка [Мокиенко 2012:29]. Поскольку ФЕ являются сложной и разносторонней категорией, целесообразным будет подробно рассмотреть их категориальные признаки:

1. Стабильность компонентного состава;
2. Устойчивость грамматической структуры (каждый фразеологизм входит в определенный грамматический разряд, соотносится с определенной частью речи и, как следствие, выполняет соответствующую этой части речи синтаксическую функцию);
3. Целостность (значение невозможно либо сложно вывести из значений составляющих компонентов);
4. Воспроизводимость (регулярная повторяемость существующих конструкций);
5. Раздельнооформленность (другими словами, структурная расчлененность);
6. Семантическая эквивалентность слову;
7. Непереводаемость [Мокиенко 2012].

Можно отметить, что часто лингвисты относят это свойство к разряду релевантных. Особенностью ФЕ является их способность к отображению национального менталитета в большей степени, чем отдельно взятые слова. Через ФЕ возможно проследить основные тенденции, характерные для мировосприятия того или иного народа. Как следствие – перевод ФЕ является весьма сложной задачей, при этом дословно или буквально переводить ФЕ зачастую бессмысленно.

В.Ю. Меликян отмечает, что ФЕ обнаруживаются на всех структурных уровнях языка, а именно: на уровне слова, на уровне номинативной единицы, на уровне предикативной единицы, на уровне предложения [Меликян 2013].

На сегодняшний день одной из важных проблем фразеологии считается вопрос о методах исследования ФЕ. Основные из существующих методов описаны В.Ю. Меликяном: контекстологический (семантические связи и отношения фразеологизмов), анализ по окружению (конструктивные связи фразеологизмов), трансформационный (структурное преобразование фразеологических единиц), дистрибутивный, вариационный (внутрикомпонентные лексические, семантические, морфологические, синтаксические отношения), идентификационный (другими словами, метод синонимического сопоставления: подбор лексико-семантического эквивалента фразеологизма), а также методы внутриязыкового и межъязыкового перевода, компонентный анализ семантической структуры и так далее [Меликян 2013].

Лингвисты склонны считать, что фразеология языка включает в себя самые разнообразные речевые средства, и до сих пор границы ее четко не определены. В целом, можно классифицировать существующие по этому вопросу мнения, разделив их на два основных направления:

1) Первое направление принято называть «узким» пониманием фразеологизма – его сторонники относят к ФЕ только идиомы: только те устойчивые сочетания, значения которых не определяются входящими в них словами.

2) Второй подход – «широкое» понимание фразеологии. При данном подходе к фразеологическому фонду принято относить все устойчивые сочетания слов.

В нашем исследовании мы придерживаемся «широкого» понимания фразеологии.

Работы В.В. Виноградова являются основополагающими для русской фразеологии. Классификация ФЕ, разработанная академиком Виноградовым,

до сих пор не утратила своей актуальности и лежит в основе многих классификаций, появившихся позднее:

1. Фразеологические сращения. Значения ФЕ, относящихся к данной группе, не зависят от их лексического состава. Они немотивированы и непроизводны и являются неразложимыми единицами.

2. Фразеологические единства. Целостная семантика такого рода ФЕ мотивируется отдельными образными значениями составляющих их слов, значения производны, компоненты относительно вариативны.

3. Фразеологические сочетания, включающие в свой состав как слова со свободным, так и со связанным значением. Семантически разложимы. Входящие в их состав слова с фразеологически связанным значением могут заменяться синонимическими [Кунин 1996].

А.В. Кунин разделяет ФЕ на две основные группы. В основу этой классификации положен характер их функционирования в речи:

1. Номинативные единицы. Эти ФЕ именуют предметы, явления, признаки. Они могут иметь различную структуру (*wolf in sheep's clothing; a cock-and-bull story; to stir up a hornets' nest; much cry and little wool*).

2. Номинативно-коммуникативные единицы. Они также разнообразны по структуре (*as hell; birds of a feather; this cat won't jump; the fat's in the fire*) [Кунин 1996].

М.П. Брандес предлагает классификацию фразеологизмов в зависимости от их стилистического тона, выделяя их в две группы, в каждой из которых можно выделить ряд подгрупп:

1. Фразеологизмы высокого стилистического тона (архаизмы, поэтизмы, книжные выражения и варваризмы);

2. Фразеологизмы сниженного стилистического тона (разговорные словосочетания, жаргонные выражения, просторечные выражения, вульгаризмы) [Брандес 2004: 354].

ФЕ можно разделять по сферам их функционального использования: ФЕ научного стиля, ФЕ официально-делового стиля, ФЕ публицистики, ФЕ

средств массовой информации, ФЕ языка рекламы и т.д. В целом, экспрессивно окрашенные ФЕ могут использоваться абсолютно во всех функциональных стилях, как в устной, так и в письменной речи.

С.И. Лубенская в своем исследовании отдельно обозначила группу ФЕ, называемых «этикетными формулами». Данный тип ФЕ можно считать ситуативно-обусловленным, употребляемым в определенном контексте:

- При приветствии – *It's been ages!*
- При прощании – *All the best!*
- При выражении просьбы – *Be so kind as to...*
- При выражении благодарности – *I humbly thank you*
- При ответе на выражение благодарности – *Don't mention it*

[Лубенская 2004].

Существуют «варианты фразеологизма» – один и тот же фразеологизм употребляется в разных вариантах, при этом отдельные его части (в некоторых случаях все части полностью) изменяются без ущерба для лексического значения: *висеть на волоске*. Лексема *висеть* может быть заменено на слово *держаться*, а сочетание *на волоске* – на *ниточке*.

Как показывает исследование, важным является тот факт, что достаточно часто ФЕ не имеют застывшей формы. Им присуща широкая вариативность.

Необходимо также рассмотреть классификацию фразеологизмов по структурным типам, предложенную А.В. Куниным. Автор рассматривает пять основных структурных типов ФЕ:

1. Одновершинные ФЕ. Состоят из одной знаменательной и одной, двух или трех незначительных лексем.
2. Фраземы. Эти ФЕ обладают структурой подчинительного либо сочинительного словосочетания.
3. ФЕ с частично-предикативной структурой.
4. Глагольные ФЕ.

5. ФЕ со структурой сложного или простого предложения [Кунин 1996].

Любая ФЕ вводится в речь в контексте. Важно дать определение самого понятия фразеологического контекста. Согласно определению А.В. Кунина, под фразеологическим контекстом следует понимать актуализатор, вычленимый на основе сочетаемости, соотнесенности или присоединения относительно семантически реализуемой в речи ФЕ. Можно рассмотреть несколько типов фразеологического контекста:

1. Внутрифразовый контекст (выражается словом, либо группой слов в составе простого или сложного предложения).

2. Фразовый фразеологический контекст (выражается простым или сложным предложением).

3. Сверхфразовый фразеологический контекст (выражается двумя и более предложениями) [Кунин 1996].

Н.Н. Амосова под фразеологическим контекстом предлагает понимать «сочетание семантически реализуемого слова (то есть слова, относительно реализации значения которого контекст вычленяется) с указательным минимумом (то есть элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание)» [Амосова 1963: 28].

Отметим также, что в случаях, когда контекст отсутствует, определить значение ФЕ помогает речевая ситуация.

Антропологическая направленность присуща многим лингвистическим исследованиям. Лингвистическая концепция, согласно которой в основе языковой деятельности находится человек, получила обоснование в работах Э. Бенвениста (1974), В.В. Виноградова (1986), Ю.С. Степанова (1997), Г.А. Золотовой (1982) и др. Проблема отражения познавательной деятельности человека в языке, сконцентрированной на исследование окружающей действительности, имеет большое значение в трудах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Д.О. Добровольский, Л.В. Правикова, Е.С. Кубрякова, Г.В. Колшанский, Мак Корман, М. Минский, Дж. Лакофф, Е.Л. Боярская, А.Н. Баранов,

А.Вежбицкая и другие. Картина мира, созданная в сознании отдельно взятого индивида, группы, коллектива или сообщества, вследствие его личных или национально-культурных особенностей, непременно приобретает субъективный характер и закрепляется при помощи лингвистических средств, в течение её отображения, в языковой картине мира, из чего и формируется актуальность темы антропоцентрического фактора в языке.

За последнее время интерес к человеческому фактору непрерывно возрос, что может свидетельствовать о появляющемся в современной науке методологическом перемещении, переходе от лингвистики к антропологической лингвистике (от установки исследовать язык «в самом себе и для себя» к исследованию языка в единой связи с сознанием и образом мышления человека). В ряде научных работ исследовались признаки, на основании которых может быть определена тематическая организация класса наименований лица: род занятий, принадлежность к общественным группировкам, участие в чем-либо, национальная принадлежность, место жительства, внутренние качества, личные отношения, социальное положение, имущественное положение, возраст, брачные отношения, внешние особенности, родственные отношения и др. (Л.И. Моисеев 1968; М.Н. Лапшина 1985; А.М. Чепасова 1985; Т.Ф. Ухина 2000 и др.).

Причина исследования человеческой концептосферы играет значительную роль в языковой картине, что помогает лучше изучить природу языка и интерпретировать её, исходя из окружающего мира человека. Внимание лингвистов к данной проблеме все более возрастает за последние годы, в результате чего появляются работы, которые посвящены изучению языковой репрезентации концептов «Характер человека» (Лычкина 2005), «Моральные качества личности» (Буянова 2004, Коваленко 2005), «Межличностные отношения» (Хайруллина 2000), «Человек» (Лебедева 1999) и многие другие.

Исследование фразеологического состава испанского языка ведётся интенсивно и разнопланово. Лингвист Л.Г. Зернова посвятила кандидатскую диссертацию исследованию контекстной реализации ФЕ испанского языка (на материале произведений Бенито Переса Гальдоса) (Киев 1984). В рамках диссертации автор изучила функционально-стилистические особенности фразеологии Гальдоса, разговорную фразеологию, книжные ФЕ, межстилевые ФЕ, крылатые выражения и афоризмы. Особое внимание уделено автором индивидуально-авторским стилистическим приемам употребления и преобразования ФЕ.

Е.Э. Рогулина изучила национально-культурную семантику цвета в испанской фразеологии: на материале пиренейского национального варианта испанского языка (Москва 2006). Е.А. Корман исследовала ФЕ с анималистическим компонентом в испанском языке, уделив внимание функционально-прагматическому и когнитивному аспектам (Ростов-на-Дону 2007). Важный вклад в изучение испанской фразеологии внесла диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук Н.Г. Мед, посвященная оценочной картине мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи) (Санкт-Петербург 2008).

В испанистике одним из первых классификацию ФЕ предложил Х. Касарес в работе «*Introducción a la lexicografía moderna*» (1950). Х.Касарес первым подверг испанскую фразеологию теоретическому анализу, представив классификацию устойчивых словосочетаний различных типов и показав их происхождение и функционирование в современном испанском языке. В своем исследовании автор детально проанализировал испанскую фразеологию и постарался предоставить лексикографам критерии для отбора и классификации различных видов устойчивых словосочетаний. В работе Х. Касарес делит устойчивые сочетания, воспроизводимые в речи, на 3 большие группы:

- 1) Речения – *locuciones*.

К ним автор относит «устойчивое сочетание двух или более слов, обладающих функцией части речи и заранее известным единым значением, которое не является простой суммой нормальных значений компонентов» [Касарес 1958:181]. Так, ученый говорит о том, что выражение *lengua de vaca* (букв. *коровий язык*) не является речением даже тогда, когда этим сочетанием называется определенное блюдо, так как означает язык этого животного. Однако, оборот *lengua de gato* (букв. *кошачий язык*), служит названием сорта печенья и его значение невыводимо из сочетания компонентов.

2) Провербиальные сочетания – *frases proverbiales*.

По мнению автора, данные сочетания находятся между областью речений и сферой поговорок. Х. Касарес считает, что большинство провербиальных сочетаний образовано из высказываний или текстов и, связаны с историческими событиями, с известными и выдающимися личностями, с обычаями, баснями: *Por la boca muere el pez* (букв. *из-за рта умирает рыба*) – *Язык мой – враг мой*.

3) Поговорки – *refranes*.

Х. Касарес к ним относит изречения, которые в прямом или аллегорическом смысле выражают мысль – результат опыта, поучения, наставления: *Asno de muchos, lobos le comen* (букв. *осла многих хозяев съедают волки*) – *У семи нянек дитя без глазу*; *Ni un dedo hace la mano, ni una golondrina verano* (букв. *ни один палец не делает руки, ни одна ласточка не делает лета*) – *Одна ласточка весны не делает*; *Por un perro que mate, mataperros me llame* (букв. *из-за того, что я убил одну собаку, я стал зваться убийцей собак*) – *Раз украл, навек вором стал*.

Внутри типа знаменательных или концептуальных речений Х. Касарес выделяет 7 структурно-семантических групп, основываясь на функционально-грамматических признаках фразеологизмов:

1. Субстантивные (именные) ФЕ – *locuciones nominales* (ФЕ со значением предметности): *gata de Juan Ramos* (букв. *кошка Хуана*

Ramosa) – притворщик, жеманница (о женщине), *cabeza de grillo* (букв. голова сверчка) – поверхностный человек.

2. Адъективные – locuciones adjetivales (ФЕ со значением качества или признака): *ranzo de burra* (букв. цвета брюха ослицы) – свинцового цвета.

3. Глагольные – locuciones verbales (ФЕ со значением действия, процесса): *volverse mono* (букв. превратиться в обезьяну) – из кожи вон лезть, *tener la mosca en la oreja* (букв. иметь муху в ухе) – быть подозрительным.

4. Причастные – locuciones participales или ФЕ с причастием *hecho* со значением состояния как признака предмета или лица: *hecho un buey* (букв. похожий на вола) – толстый, неповоротливый, неуклюжий; 2) тупой, тупоголовый; *hecho un burro* (букв. похожий на осла) – необразованный человек.

5. Наречные – locuciones adverbiales (ФЕ со значением признака действия): *soto boca de lobo* (букв. как волчья пасть) – темно, хоть глаз выколи.

6. Местоименные – locuciones pronominales (ФЕ, указывающие на предмет или признак в конкретной речевой ситуации и равнозначные местоимениям): *ni un gato, ni un perro* (букв. ни кот, ни собака) – ни одна живая душа; *ni una rata* (букв. ни одной крысы) – ни души.

7. Междометные – locuciones interjectivas (ФЕ со значением модальности): *por la paloma azul!* (букв. ради голубого голубя) – 1) клянусь, разрази меня гром, 2) черт возьми; *buena burra hemos comprado!* (букв. хорошую же ослицу мы купили) – нам повезло, убили бобра.

В своей диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук А. Сулуага (1975г.) дополняет классификацию Х. Касареса. Исследователь выделяет 2 большие группы устойчивых выражений, имея в виду их синтаксические функции, комбинации и оппозиции, в которые они вступают:

а) фразеологизированные высказывания, представляющие собой цельные высказывания;

б) речения (терминология Х.Касареса), или устойчивые выражения, комбинирующиеся с другими членами предложения для построения целостного высказывания [Zuluaga 1980:57].

В изучение фразеологии испанского языка большой вклад внесли труды З.В. Карнеадо Море и А.М. Триста Перес. В своих классификациях по семантическому признаку исследователи опираются на классификации В.В. Виноградова и Н.М. Шанского.

В зависимости от степени мотивированности и грамматической структуры ФЕ, З.В. Карнеадо Море выделяет следующие типы:

1. Фразеологические сращения, или немотивированные обороты, выполняющие функцию предложения (*salir rana* (букв. *выйти лягушкой*) – схитрить, *tamar gallo* (букв. *кормить грудью петуха*) – шутить, *pintar la cigüeña* (букв. *красить аиста*) – манерничать; *aquí está la madre del cordero* (букв. *здесь находится мать ягненка*) – вот где собака зарыта);

2. относительно мотивированные единства (*soltar el gallo* – *выпустить петуха, сфальшивить*);

3. сочетания, образованные несколькими словами, одно из которых актуализирует особое значение всего сочетания (*hablar como cotorra* – болтать без умолку);

4. фразеологические выражения, куда включены пословицы, поговорки, клише (*El buey suelto bien se lame* (букв. *свободный вол хорошо облизывается*) – Кто живет на воле, тот спит подоле).

Г. Корпас Пастор (1990) предлагает в качестве основы классификации ФЕ сочетание критерия высказывания, или речевого акта (*el criterio de enunciado o de acto de habla*), и критерия устойчивости в норме, в системе или в речи (*el criterio de fijación en la norma, en el sistema o en el habla*). Под высказыванием автор понимает минимальную коммуникативную единицу, продукт речевого акта, соответствующий простому или сложному предложению, но которая может состоять и из одной синтагмы или из одного

слова [G.Corpas Pastor 1996:51]. Исходя из этого положения, ФЕ подразделяются на 2 группы:

- 1) ФЕ, представляющие собой цельное высказывание;
- 2) ФЕ, не являющиеся таковыми.

К первому типу Г. Корпас Пастор относит ФЕ, не представляющие речевого акта, эквивалентные синтагме и в предложении комбинирующиеся с другими единицами языка: *tomar nota* – создавать заметки – синоним *apuntar*, *perder el tren* – опоздать на поезд, синоним *llegar tarde para el tren*. Каждая из составляющих их лексем может самостоятельно употребляться в других сочетаниях – *perder el concierto* – лишиться/не попасть на концерт, *tomar datos* – собирать/записывать сведения.

Ко второму типу относятся ФЕ, принадлежащие исключительно к социокультурному фонду языкового сообщества – фразеологические высказывания (*enunciados fraseológicos*), характеризующиеся устойчивостью в речи и реализованностью в виде законченных высказываний, обусловленных или необусловленных ситуативно [Corpas Pastor 1996:52].

Л. Руис Гурильо исследует ФЕ, отличая их от пословиц, поговорок и крылатых выражений. Термины *frase hecha* или *expresión fija* – «устойчивое выражение» – автор считает избыточными, отражающими способ человеческого общения, невозможный без составленных фраз (*frase hecha*), под которыми можно понимать как синтагму, так и целое высказывание [Ruiz Gurillo 1988].

Сопоставительный анализ трех базовых классификаций, созданных Х. Касаресом, А.Сулуагой и Г. Корпас Пастором, позволил Л. Руис Гурильо, на основе категориального и прагматического критериев, предложить свою классификацию ФЕ: номинативные ФЕ; адъективные ФЕ; глагольные ФЕ; адвербиальные ФЕ; маркирующие ФЕ; предложные ФЕ; периоды или предложения.

Подводя итог вышесказанному, антропоцентризм во фразеологии признается всеми исследователями фразеологического материала. В

исследовании сосредоточено внимание на человеческом факторе в ФЕ. Антропоцентрический аспект исследования языковых явлений позволяет подвергнуть рассмотрению человека во всем спектре его личностных качеств, эмоциональных и психических состояний, чувств. Сопоставляемые языки изучены не в одинаковой степени. Германские и славянские языки нашли освещение в научной литературе и лексикографических источниках, романская группа языков нуждается в подобной фиксации и исследовании. Изучение русской и английской фразеологии имеет давнюю историю и представлено фундаментальными трудами лингвистов: Н.Д. Арутюнова, И.В. Арнольд, В.Г. Гак, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, В.М. Мокиенко, Е.Б. Яковенко, Е.Ф. Арсентьева, Л.К. Байрамова, Р.А. Аюпова, М.И. Солнышкина, А.Г. Садыкова, Л.Р. Сакаева, Л.В. Базарова, Э.М. Вильданова, Е.М. Маклакова, Р.Р. Ялалова и др. Испанской фразеологии посвящены труды зарубежных и отечественных языковедов, о чём свидетельствует ряд работ: Х. Касарес, А. Сулуага, Г. Корпас Пастор, Л. Руис Гурильо, З.В. Карнеадо Море, А.М. Триста Перес, Л.Г. Зернова, Е.Э. Рогулина, Е.А. Корман, Н.Г. Мед и др. Однако фразеологию испанского языка нельзя считать изученной в полной мере.

1.3. АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ В ОБЛАСТИ РИТМА ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Л.Е. Бушканец

Одним из направлений в лингвистике, которые только недавно начали разрабатываться в науке, является изучение ритма прозы.

Ритм как основа стихотворной речи стал предметом исследования еще в работах начала XX века, прежде всего, Андрея Белого, Валерия Брюсова, затем стиховедение развивалось благодаря работам Ю. Н. Тынянова, В. М.

Жирмунского, Б. В. Томашевского, Ю. М. Лотмана, Л. И. Тимофеева, М. Л. Гаспарова, О. И. Федотова и многих других [см., например: Белый 1929, Жирмунский 1975, Лотман 1996, Томашевский 1923].

Но в последние несколько десятилетий внимание ученых привлекает анализ поэтики прозы и, в том числе, ритм прозы.

Долгое время исследователи стиха отказывали прозе в том, что ей присущ какой-либо значимый и ощутимый ритм: «А ритм – это порядок, гармония, равномерное и стройное движение. Люди постепенно проникались пониманием того, что окружающая их природа подчиняется законам ритма. Ритмично движется время: день сменяется ночью, ночь – днем, одно время года другим. <...> В "Анне Карениной" Толстой рассказывает о том, как Константин Левин пошел с мужиками косить, как ему поначалу было мучительно трудно, но как он, втянувшись в ритм крестьянского труда, стал ощущать огромное наслаждение от косьбы. Наслаждение это появилось только тогда, когда он понял красоту равномерной работы: <...> Левин, как видим, испытал благотворную силу двух ритмов: малого – и большого, частого – и редкого. Левин ощутил высокое наслаждение и от того, как "коса резала сама собой", и от того, как "наступала блаженная медленная прогулка с рукой на косе...". Первый, частый, совпадал с ритмом дыхания, потому он был очень определенно, очень непосредственно осязаем физически. Второй, редкий, давал не меньшую, а даже большую радость, но как ритм он был осязаем гораздо менее непосредственно, его физическое воздействие казалось не столь определенным, не столь осознанным <...> Проза говорит о ритме, но не выражает его напрямую. Иное дело – стихи. В стихах косьба может воплотиться со свойственной этому трудовому процессу ритмической регулярностью: в них получает звуковое выражение и малый ритм, и большой. Вот как это дано в поэме А. Твардовского "Дом у дороги" (1942 – 1946) <...> Здесь ритм труда звучит в четком чередовании четырехстопных и трехстопных строк ямба, в регулярном возвращении рифмующих окончаний, в членении многих стихов, распадающихся на равные

полустишия <...> Разумеется, и проза обладает своим ритмом. Но это ритм композиционный, столь же трудноуловимый непосредственно, на слух или на глаз, как трудно было Константину Левину уловить ритмичность чередований труда и отдыха, – он ее чувствовал, но не осознавал. В эпизоде из "Анны Карениной", который мы цитировали, есть несомненный ритм, мы его бессознательно чувствуем, но чтобы отдать себе в нем отчет, надо подвергнуть текст обстоятельному анализу. Ритм стихов, воспроизводящий в данном случае ритм трудового процесса, дан нам в непосредственном ощущении и осознается мгновенно – на слух и на глаз» [Эткинд].

Однако, несмотря на скепсис ряда исследователей стиха, было обнаружено, что между прозой и поэзией с точки зрения ритма существует не качественное, а количественное различие: ритм органически присущ прозе [см.: Иванова-Лукьянова 1971]. Более того, даже обычная разговорная речь подчинена ритму. Одним из первых об этом писал А.М. Пешковский, собственно, выдвинувший теорию ритма прозы: в ней движение «осуществляется посредством чередования более крупных речевых единиц – тактов, а не слогов, как в стихе», а тактом называется «ритмическое объединение слов от ударения к ударению» [Пешковский 1925а], далее такты объединяются в «фонетическое предложение или период» в соответствии со смыслом [Пешковский 1925б].

Но на какой основе строится ритм прозы?

М.М. Гиршман полагал: «Безусловно, в прозе нет и не может быть стихового членения на строки и вообще стиховых констант, не может быть таких же, как в стихе, «объективно повторяющихся единиц» и вообще не может быть *стихового* ритма. И если понимать ритм вообще как только и исключительно стихотворный ритм, то найти его в прозе действительно невозможно и нужно ввести для художественной прозы специальную категорию <...> мы исходим именно из широкого понимания ритма художественной речи как «единства в многообразии», как *организованности* речевого движения, которая опирается на периодическую повторяемость

отдельных элементов этого движения и охватывает закономерности членения на отдельные речевые единицы, следования этих единиц друг за другом, их взаимного сопоставления и объединения их в высшие единства. Наличие такого рода организованности в художественной прозе, по-видимому, не вызывает сомнений, и при сравнительной ясности негативной характеристики (это — *не стиховой ритм*) с особой остротой встают вопросы о том, какие же у этой организованности характеристики позитивные» [Гиршман 2002:260]. Для характеристики ритма прозы Гиршман предложил единицу под названием «колон» – это единица, в основе которой лежит синтагма, т.е. она отделена паузами от других единиц, и организована ударениями зачина и концовки. Кроме того, ритм организован повторами, симметричными и ассиметричными синтаксическими конструкциями. Таким образом, Гиршман признает соразмерность, возникающую за счет повторения элементов.

Другая концепция – это представление о том, что ритм создается «трудно объяснимым «чувством жизни», захватывающей силой устремления вперед, тогда ритм можно определить как реальное динамическое строение речи в противоположность отвлеченной ритмической схеме» [Болтаева 2003]. Такой – динамический – подход к ритму свойственен А. М. Антиповой, В. В. Васильевой, Н. Д. Климову, М. Г. Мирианашвили, М. Г. Харлап и др.

Предпочтительнее, на наш взгляд, говорить о том, что в прозе могут реализовываться оба понимания ритма.

Считается, что перевод стихотворного текста сложнее перевода прозаического, когда важнее всего передать смысл фразы. У перевода художественной прозы есть свои трудности: это и перевод реалий, и фразеологических оборотов, и сохранение стилистических особенностей текста и пр. Но если переводчики прозы, например, в XIX веке, когда требования к переводу только формировались, стремились прежде всего к передаче содержания, то с развитием национальных переводческих школ

стали обсуждаться проблемы сохранения авторского стиля и особенностей поэтики. Но традиционное восприятие прозы как текста, противоположного поэзии, до сих пор мешает увидеть важные особенности текста – его внутренний ритм.

Безусловно, сохранение ритма текста – самая сложная переводческая задача. Как перевести прозу как поэзию? Возникает ли ритм в переводном тексте сам по себе просто как следствие перевода? Зависит ли ритм переведенного текста от языка и длины слова и фразы в этом языке?

Рассмотрим некоторые из поставленных вопросов на примере романа «Анна Каренина» Льва Толстого и его переводов.

Насколько осознанно писатель создает ритм текста своего произведения? Свидетельства самих писателей, приведенные М.М. Гиршманом, подтверждают сознательное создание ритма фразы, фрагмента текста и произведения как целого многими прозаиками [Гиршман 2002:248-276]. Причем в понимании возможностей ритма на прозаиков оказывают влияние лирика и музыка – известно, что благодаря ритму в поэзии и музыке на «единицу» текста возникает больше смыслов.

Сложнее ситуация с Львом Толстым. Известно много его негативных суждений о поэзии и музыке, особенно высказанных в годы после «перелома» с 1870-х годов.

Часто объясняют раздражение, которое вызывает у Толстого музыка, его новыми взглядами, новым мировоззрением. Скорее, причина в ином. Но не случайно С.Л. Толстой вспоминал, что в годы писания «Крейцеровой сонаты» музыка стала действовать на отца иначе, чем прежде, а именно «раздражать» его. Раздражение связано с тем, о чем писал И.Р. Эйгес: «Возможно, что в натуре Толстого были задатки к физиологическому восприятию музыки, которое бывает и благотворным для организма (не раз делались попытки использовать музыку в медицине) и разрушительным, как это изображено Толстым», «В музыке Толстой видел стихию, поработавшую наше сознание, лишавшую наше «я» обычной устойчивости

[Эйгес]. И. Р. Эйгес обратился к эпизоду «Детства», в котором герою после слушания «Патетической сонаты» кажется, что он теряет «сознание своего существования» и это «странное чувство», но чувство страха во время слушания музыки пока еще связано с чувством художественного восторга. У позднего писателя чужой ритм подчиняет себе и лишает индивидуальности, что ярче всего проявилось в «Крейцеровой сонате». Толстой остро чувствовал суггестивное начало музыки, и потому писал в 1904 году в Дневнике (запись от 2 августа): «Слушая музыку и задавая себе вопрос: почему такая и в таком темпе, вперед как бы определенная последовательность звуков? я подумал, что это от того, что в искусстве музыки, поэзии художник открывает завесу будущего – показывает, что должно быть. И мы соглашаемся с ним, потому что видим за художником то, что должно быть или уже есть в будущем» [Толстой 1937:336].

Толстовское раздражение – это свидетельство того, что раздражаемое лично ему близко. В музыке и поэзии он, скорее всего, чувствовал собственных конкурентов: он сам стремился к созданию текста, который бы обладал гипнотическим воздействием, искал то, что формирует суггестивность текста. Вот одно наблюдение художника Ильи Репина: «Беседы Л. Н. производят всегда искреннее и глубокое впечатление: слушатель возбуждается до экстаза его горячим словом, силой убеждения и беспрекословно подчиняется ему. Часто на другой и на третий день после разговора с ним, когда собственный ум начинает работать независимо, видишь, что со многими взглядами его нельзя согласиться, что некоторые мысли его, являвшиеся тогда столь ясными и неотразимыми, теперь кажутся невероятными и даже трудно воспроизводимыми, что некоторые теории его вызывают противоположные даже заключения, но во время его могучей речи этого не приходило в голову» [Репин 1990]. Важнейшим средством создания суггестивности как раз является ритм. Не случайно еще в юности он писал в Дневнике: «Нельзя ли как-нибудь перелить в другого свой взгляд при виде природы. Описание недостаточно» [Толстой 1937:1:78]. Не случайно А.П.

Чехов писал, что на него действовала не толстовская философия, а «толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода» [Чехов 1977:336].

Несмотря на то, что, в отличие от А.П. Чехова или И.А. Бунина, прямо признававших, что они используют приемы музыкального воздействия для построения текста [см., например, Бушканец 2012:508-566], Толстой не писал об этом. Но, анализируя «Смерть Ивана Ильича» и «После бала», М.М. Гиршман отметил ритм этих произведений как стремление к высшей простоте – в частности, использование малых колонов с преимущественно ударным и завершениями [Гиршман 2002:314-328]. В отличие от этих текстов, «Анна Каренина» в ритмическом плане построена более сложно, более вариативно. Однако ритм и здесь является одним из основных осознанно используемых средств воздействия на читателя.

Прежде всего, отметим ритмическую разницу в повествовании о Левине и Анне. Вот типичный фрагмент (Часть 1, глава XXVI): «Утром Константин Левин выехал из Москвы и к вечеру приехал домой. Дорогой, в вагоне, он разговаривал с соседями о политике, о новых железных дорогах, и, так же как в Москве, его одолевала путаница понятий, недовольство собой, стыд пред чем-то; но когда он вышел на своей станции, узнал кривого кучера Игната с поднятым воротником кафтана, когда увидал в неярком свете, падающем из окон станции, свои ковровые сани, своих лошадей с подвязанными хвостами, в сбруе с кольцами и махрами, когда кучер Игнат, еще в то время как укладывались, рассказал ему деревенские новости, о приходе рядчика и о том, что отелилась Пава, – он почувствовал, что понемногу путаница разъясняется, и стыд и недовольство собой проходят. Это он почувствовал при одном виде Игната и лошадей; но когда он надел привезенный ему тулуп, сел, закутавшись, в сани и поехал, раздумывая о предстоящих распоряжениях в деревне и поглядывая на пристяжную, бывшую верховую, донскую, надорванную, но лихую лошадь, он совершенно иначе стал понимать то, что с ним случилось. Он чувствовал

себя собой и другим не хотел быть. Он хотел теперь быть только лучше, чем он был прежде» [Толстой 1934:18:68]. Здесь нужно говорить о ритме не как о повторяемости определенных единиц, но как определенном динамическом движении – большая часть предложений состоит из более чем 10 – 15 колонов, это сложные предложения, с обилием придаточных и обособлений. Это то же самое, что длинная стиховая строка: такая строка всегда тяжела, словно запутана.

Любое повествование об Анне строится на энергичном и чётком ритме. Вспомним, что и во всех ее движениях чувствовалась энергия (часть II, глава VII): «У входной двери слышались шаги, и княгиня Бетси, зная, что это Каренина, взглянула на Вронского. Он смотрел на дверь, и лицо его имело странное новое выражение. Он радостно, пристально и вместе робко смотрел на входившую и медленно приподнимался. В гостиную входила Анна. Как всегда, держась чрезвычайно прямо, своим быстрым, твердым и легким шагом, отличавшим ее от походки других светских женщин, и не изменяя направления взгляда, она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и с этою улыбкой оглянулась на Вронского. Вронский низко поклонился и подвинул ей стул. Она отвечала только наклонением головы, покраснела и нахмурилась. Но тотчас же, быстро кивая знакомым и пожимая протягиваемые руки, она обратилась к хозяйке <...> Она подала руку и быстрым, упругим шагом прошла мимо швейцара и скрылась в карете» [Там же :98]. Текст строится из коротких предложений, либо из сложных предложений, но состоящих из четких и коротких фрагментов.

По производимому впечатлению повествование о Левине – словно пятистопный дактиль, а об Анне – словно двусложный хорей. Таким образом, чередование эпизодов, посвященных Анне, и эпизодов, связанных с Левиным, строится на ритмическом контрасте, а стык эпизодов становится точкой смыслового и эмоционального напряжения.

Повторим, что в этих случаях ритм проявляется в динамическом развертывании текста. Однако в романе есть сцены, которые открыто строятся на изобразительной функции ритма – в духе программной симфонической музыки толстовского времени. И ритм здесь создается в том числе наличием повторяющихся элементов, ритмических отрезков – как в стихе. В этих сценах, создающих имитацию того или иного движения, изображающих его, гипнотическое воздействие текста на читателя становится предельным.

Самая характерная сцена, конечно, – сцена поездки Анны в поезде из Москвы в Петербург (Часть 1, глава XXIX) [Там же: 72-73].

В начале эпизода ритм намеренно отсутствует: вообще ощущение ритма возникает только в оппозиции с «неритмом». Потом начинается покачивание и в сюжете, и в ритме фразы: «Она села на свой диванчик, / рядом с Аннушкой, // и огляделась в полусвете / спального вагона. <...> // Все в том же духе озабоченности, // в котором она находилась / весь этот день, // Анна с удовольствием / и отчетливостью / устроилась в дорогу; // своими маленькими ловкими руками // она отперла и заперла / красный мешочек, // достала подушечку, // положила себе на колени // и, // аккуратно закутав ноги, // спокойно уселась. // Больная дама //укладывалась уже спать. // Две другие дамы / заговаривали с ней, // и толстая старуха / укутывала ноги // и выражала замечания / о топке. // Анна ответила / несколько слов дамам, // но, // не предвидя интереса / от разговора, // попросила Аннушку / достать фонарик, // прицепила его / к ручке кресла // и взяла из своей сумочки / разрезной ножик / и английский роман». А затем поезд тронулся и подчинил себе сознание Анны. В литературоведении отмечалось, что в этой сцене Толстой спорит с натурализмом, с точки зрения которого физиологические реакции являются в человеке главными, но при этом создает сцену именно как гениальный натуралист:

«Первое время ей не читалось. //

Сначала мешала возня и ходьба // (эта строчка – правильный амфибрахий – Л.Б.)

потом, //
когда тронулся поезд, //
нельзя было не прислушаться к звукам; //
потом снег, //
бивший в левое окно //
и налипавший на стекло, //
и вид закутанного, //
мимо прошедшего кондуктора, //
занесенного снегом с одной стороны, //
и разговоры о том, //
какая теперь страшная метель на дворе, //
развлекали ее внимание. //
Далее все было //
то же и то же; //
та же тряска с постукиванием, //
тот же снег в окно, //
те же быстрые переходы //
от парового жара к холоду //
и опять к жару, //
то же мелькание тех же лиц в полумраке //
и те же голоса, //
и Анна стала читать и понимать читаемое».

Чередование коротких и длинных колонов имитирует ритм поезда особенно в том фрагменте, в котором повторяются: то же и то же, та же, тот же, те же, то же, те же.

Далее ритм поезда уходит на второй план – словно в кино, его стук то становится громче, то отступает перед мыслями Анны. Но и мысли Анны кружат ее, словно пушкинские бесы:

«Герой романа уже начинал достигать //
своего английского счастья, //
баронетства и имени, //
и Анна желала с ним вместе //
ехать в это имение, //
как вдруг она почувствовала, //
что ему должно быть стыдно //
и что ей стыдно этого самого. //
Но чего же ему стыдно? //
«Чего же мне стыдно?» //
спросила она себя //
с оскорбленным удивлением. //
Она оставила книгу //
и откинулась на спинку кресла, //
крепко сжав в обеих руках //
разрезной ножик. //
Стыдного ничего не было. //
Она перебрала //
все свои московские воспоминания. //
Все были хорошие, / приятные. //
Вспомнила бал, //
вспомнила Вронского //
и его влюбленное / покорное лицо, //
вспомнила все свои / отношения с ним: //
ничего не было стыдного. //
А вместе с тем //
на этом самом месте воспоминаний //
чувство стыда усиливалось, //
как будто / какой-то внутренний голос //
именно тут, //

когда она вспомнила о Вронском, //

говорил ей: //

«Тепло, //

очень тепло, //

горячо». //

«Кружение» создается не только чередованием то удлиняющихся, то более коротких колонов – что происходит на протяжении отрывка несколько раз (впрочем, большинство из них состоит из 3-4 ударений), но и настойчивым повторением слова «стыдно», т.е. на лексическом уровне.

Далее движение превращается в хаотическое («Она чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыханье и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайною яркостью поражают ее. На нее беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит. Аннушка ли подле нее или чужая? «Что там, на ручке, шуба ли это или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?» Ей страшно было отдаваться этому забытью. Но что-то втягивало в него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться»). И тут движение внезапно обрывается: «Мужик этот с длинною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облаком; потом что-то страшно заскрипело и застучало, как будто раздирали кого-то; потом красный огонь ослепил глаза, и потом все закрылось стеной. Анна почувствовала, что она провалилась». Это удар фанфар как роковая катастрофа в духе «Франческо да Римини» П.И. Чайковского. А затем экстатический ритм сменяется тем энергическим ровным ритмом, который характерен для повествования об Анне: «Она не спала всю ночь. Но в том напряжении и тех грезах, которые наполняли ее воображение, не было ничего неприятного и мрачного; напротив, было что-

то радостное, жгучее и возбуждающее. К утру Анна задремала, сидя в кресле, и когда проснулась, то уже было бело, светло и поезд подходил к Петербургу» [Там же:74].

Так Толстой заставляет читателя чувствовать то же, что проживает Анна, и одна из ключевых сцен романа, в которой Анна «разрешила» себе страсть, построена на ритме, подчиняющем себе читателя.

Еще одна сцена, построенная на суггестивном воздействии ритма – сцена размышлений Алексея Каренина (Ч.II, гл. VIII) [Там же:100-101].

В ней происходит столкновение различных ритмических движений. Сначала – кружение, которое ни к чему не привело: «Он, противно своей привычке, не лег в постель, а, заложив за спину сцепившиеся руки, принялся ходить взад и вперед по комнатам. Он не мог лечь, чувствуя, что ему прежде необходимо обдумать вновь возникшее обстоятельство.<...> Он, не раздеваясь, ходил своим ровным шагом взад и вперед по звучному паркету освещенной одною лампой столовой, по ковру темной гостиной, в которой свет отражался только на большом, недавно сделанном портрете его, висевшем над диваном, и чрез ее кабинет, где горели две свечи, освещая портреты ее родных и приятельниц и красивые, давно близко знакомые ему безделушки ее письменного стола. Чрез ее комнату он доходил до двери спальни и опять поворачивался. На каждом протяжении своей прогулки, и большею частью на паркете светлой столовой, он останавливался и говорил себе: «Да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение». И он поворачивался назад. «Но высказать что же? какое решение?» – говорил он себе в гостиной и не находил ответа. <...> И он от двери спальни поворачивался опять к зале; но, как только он входил назад в темную гостиную, ему какой-то голос говорил, что это не так и что если другие заметили это, то значит, что есть что-нибудь. И он опять говорил себе в столовой: «Да, это необходимо решить и прекратить и высказать свой взгляд...» И опять в гостиной пред поворотом он спрашивал себя: как решить? И потом спрашивал себя, что случилось? И отвечал: ничего, и

вспоминал о том, что ревность есть чувство, унижающее жену, но опять в гостинной убеждался, что случилось что-то. Мысли его, как и тело, совершали полный круг, не нападая ни на что новое. Он заметил это, потер себе лоб и сел в ее кабинете». Перемещения героя сопровождаются также сменой света и тьмы. Структура фразы, лексические повторы, размеренные колонны, начинающиеся при этом с энергичного поворота – союза «и» и пр. создают физическое ощущение кружения.

И только остановка заставила героя выйти из замкнутого круга: «Тут, глядя на ее стол с лежащим наверху малахитовым бюваром и начатою запиской, мысли его вдруг изменились. Он стал думать о ней, о том, что она думает и чувствует. Он впервые живо представил себе ее личную жизнь, ее мысли, ее желанья, и мысль, что у нее может и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему так страшна, что он поспешил отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть». Потому далее живой, естественный ритм речи сменился упорядоченным нудным ритмом чиновного доклада: «...несмотря на то, в голове его ясно и отчетливо, как доклад, составила форма и последовательность предстоящей речи. «Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в-третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на ее собственное несчастье»». Это опять кружение, но уже не физическое (хождение), а кружение мысли, свойственное чиновному сознанию.

В повествовании о Каренине читатель всегда ощущает почти физическое ощущение замкнутого движения по кругу – столь отличное от энергичного повествования об Анне. Так психологическая разница их характеров раскрывается и на уровне ритма повествования.

Для Вронского такой сценой является сцена скачек (Ч. II, гл. XXV) [Там же:136-137]: «В первые минуты Вронский еще не владел ни собою, ни лошадью. Он до первого препятствия, реки, не мог руководить движениями

лошади». Ритм сбит. Но вот он налаживается: «В то самое мгновение, как Вронский подумал о том, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, поняв уже то, что он подумал, безо всякого поощрения, значительно наддала и стала приближаться к Махотину с самой выгодной стороны, со стороны веревки.<...> . Канавку она перелетела, как бы не замечая. Она перелетела ее, как птица». Короткие колоны с 4 и 3 ударениями сменяются еще более быстрыми – с 2 ударениями («сама Фру-Фру, // поняв уже то»). Это опять же не музыкальный, то есть строящийся на упорядоченности и повторяемости ритм, но ритм динамический, создающий развертывание текста во времени и устремляющий его вперед. И, как и в сценах, анализируемых ранее – внезапная остановка: «... но в это самое время Вронский, к ужасу своему, почувствовал, что, не поспев за движением лошади, он, сам не понимая как, сделал скверное, непростительное движение, опустившись на седло. Вдруг положение его изменилось, и он понял, что случилось что-то ужасное».

У каждого героя, таким образом, свои ритмические лейтмотивы, каждый инструмент не только ведет свою партию, но и ведет ее в своем ритме. И каждому герою дана сцена, в которой он волен подчиниться или не подчиниться ритму поезда, лошади, хождения – а ритм повествования полностью включает в этот процесс читателя. В каждой из этих сцен герой оказывается гипнотически захвачен ритмом, но Каренин останавливается, Анна проваливается, Вронский падает – таким образом, подчинение чужому или чуждому ритму вызывает катастрофу: Анна подчиняется гипнотическому ритму поезда, сознание ее отключается и она дает волю страсти, Каренин и Вронский – оба проявляют страх перед жизнью или неумение жить.

В то же время есть целый ряд эпизодов, в которых читатель ожидал бы появление этого гипнотического ритма – но его нет. Например, в сцене бала в Москве, где музыка, кружение танца не важны – наоборот, Вронский и Анна вычленены, не включены в общее движение. В сцене, в которой Анна едет в

поезде перед самоубийством (Ч. VII, гл. XXXI) [Там же: 224], ритм возникает лишь на мгновения – чтобы смениться дисгармонией: «Она поднялась на высокую ступеньку и села одна в купе на пружинный испачканный, когда-то белый диван. Мешок, вздрогнув на пружинах, улегся, Петр с дурацкой улыбкой приподнял у окна в знак прощания свою шляпу с галуном, наглый кондуктор захлопнул дверь и щеколду. <...> Наконец прозвенел третий звонок, раздался свисток, визг паровика: рванулась цепь, и муж перекрестился. <...> Равномерно вздрагивая на стычках рельсов, вагон, в котором сидела Анна, прокатился мимо платформы, каменной стены, диска, мимо других вагонов; колеса плавнее и маслянее, с легким звоном зазвучали по рельсам, окно осветилось ярким вечерним солнцем, и ветерок заиграл занавеской. Анна забыла о своих соседях в вагоне и, на легкой качке езды вдыхая в себя свежий воздух, опять стала думать».

В самой же сцене самоубийства ритма поезда нет. «Подходил товарный поезд. Платформа затряслась, и ей показалось, что она едет опять. И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо ее проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колеса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась определить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будет против нее». Однако постепенно проза становится все более и более ритмичной, становясь трагическим стихотворением в прозе, основная часть колон строится на 3 или 2 ударениях, в результате последнее предложение можно разделить на стихотворные строки, которые постепенно становятся короче и гаснут:

«Мужичок,
приговаривая что-то,
работал над железом.
И свеча,

при которой она читала
исполненную тревог,
обманов,
горя и зла книгу,
вспыхнула более ярким,
чем когда-нибудь,
светом,
осветила ей все то,
что прежде
было во мраке,
затрещала,
стала меркнуть
и навсегда
потухла» [21, Т. 19, с. 225].

Ритм этой фразы связан не с передачей ритма движения, он возникает – как в лирике – как результат предельной концентрации трагической эмоции. Гиршман отмечал, что для толстого вообще характерно дробление, уменьшение объема ритмических единиц к концу главы или произведения [Гиршман 2002:322]

В. Набоков отметил, что правильно понять композицию грандиозного романа Л. Толстого можно только в распределении времени. Цель и достижение Толстого – единовременное развитие основных линий романа, и нужно исследовать их синхронизацию, чтобы объяснить ту магическую прелесть, которой он завораживает нас [Набоков 1996:273]. Собственно, Набоков говорил о ритме романа, который проявляется на всех уровнях – от чередования сцен до ритма фразы (отметим, что ритм текста проявляется в речи повествователя – прямая речь персонажей ему не подчинена, разве что внутренний монолог включается в речь повествователя).

В тысячах статей, посвященных анализу переводов Толстовского романа, исследовались и способы перевода отдельных лексических единиц,

фразеологизмов, бытовых реалий, способы передачи модальности и пр. Но при обсуждении «языка Толстого» в известных нам исследованиях почти не понимался вопрос о ритме его прозы. Отметим только несколько статей, косвенно затрагивающих эту проблему [см.: Алеева 2012, 2015; Конрад 2008].

Рассмотреть все существующие переводы «Анны Карениной» невозможно – их несколько сотен. С первой публикации на русском языке в журнале в 1875–1877 гг. и с отдельного издания в 1878 г. появилось к концу XX в. 625 изданий романа на 41 языке. На английский язык роман был впервые переведен Н. Доулом в 1886 г., затем переводчиками Толстого были К. Гарнетт, Д. Магаршак, супруги Л. и Э. Моод и др. – всего на английский язык было сделано более 20 переводов [см.: Кандель 1970]. Так что речь идет о постановке проблемы: чувствуют ли переводчики ритм толстовской фразы, абзаца, главы, текста в целом?

Одной из первых значительных переводчиц романа на английский язык была Constance Garnett [см. о ней: Алексеева 2008].

Вот её перевод сцены поездки Анны из Москвы в Петербург: «Thank God! tomorrow I shall see Seryozha and Alexey Alexandrovitch, and my life will go on in the old way, all nice and as usual." Till in the same anxious frame of mind, as she had been all that day, Anna took pleasure in arranging herself for the journey with great care. With her little deft hands she opened and shut her little red bag, took out a cushion, laid it on her knees, and carefully wrapping up her feet, settled herself comfortably. <...> At first her reading made no progress.

The fuss and bustle were disturbing; then when the train had started, she could not help listening to the noises; then the snow beating on the left window and sticking to the pane, and the sight of the muffled guard passing by, covered with snow on one side, and the conversations about the terrible snow storm raging outside, distracted her attention.

Farther on, it was continually the same again and again: the same shaking and rattling, the same snow on the window, the same rapid transitions from

steaming heat to cold, and back again to heat, the same passing glimpses of the same figures in the twilight, and the same voices, and Anna began to read and to understand what she read» [Tolstoy 1917].

То, как Толстой создает стук поезда (те же, тот же, та же – тук-тук, тук-тук), передано переводчицей с помощью повтора (the same shaking and rattling, the same snow on the window, the same rapid transitions from steaming heat to cold, and back again to heat, the same passing glimpses of the same figures in the twilight, and the same voices») и с точки зрения смысла точно. Однако ритм английской фразы не создает ощущения четкости, жесткости, неумолимости движения поезда.

Один из последних переводов романа Толстого Р. Пивера и Л. Волхонской был сделан в 2000 г. Р. Пивер – поэт и переводчик, а его супруга – эмигрант, филолог, переводчик православной литературы. Если для большинства читателей и работающих в рамках «популярной» традиции английских переводчиков важны «читаемость» текста (reader-friendly), то эти переводчики стремились адекватности английского текста толстовскому тексту, к передаче идиостиля писателя. Такой подлинный Толстой – со сложными периодами, нагромождением повторов и т.д. оказался непривычным для англоязычного читателя. Однако этот перевод во многом сохраняет суггестивную функцию ритма важных для романа сцен. Обратимся опять же к сцене поездки Анны в Петербург: «To begin with she was bothered by the bustle and movement; then, when the train started moving, she could not help listening to the noises, then the snow than beat against the left –hand window and stuck to the glass, and a sight of a conductor passing by, all bundled up and covered with snow on one side, and the talk about terrible blizzard outside, distracted her attention. Further on it was all the same; the same jolting and knocking, the same snow on the window, the same quick transitions from steaming heat to cold and back to heat; the same flashing of the same faces in the semi – darkness, and the same voices, and Anna began to read and understand what she was reading» [Tolstoy 2015]. Короткие, односложные слова, более жесткие по

своему звучанию, повторение союза «and» и др. позволяют создать более близкий к толстовскому текст, чем, например, у Констанс Гарнетт. В этой сцене важнее не сохранить дословный смысл, но приблизить фразу к ритму поезда. Может быть, еще лучше было бы использовать, например, вместо повторения слова «the same» какой-либо вариант более «жестких» на слух «that – these» или др.

Но если в английском варианте сохраняется при почти дословном переводе за счет краткости присущего этому языку слова (одно и двусложные слова составляют более половины базовой лексики этого языка) хотя бы намек на толстовский ритм, то певучий, музыкальный итальянский мало приспособлен для передачи жесткого ритма этой сцены: «In un primo tempo non le fu possibile di leggere. Le davano noia innanzi tutto il chiasso e l'andirivieni della gente; poi, quando il treno si mise in moto, non poté non prestare orecchio ai rumori, e la neve che picchiava sul finestrino di sinistra e si attaccava al vetro, la vista di un capotreno tutto imbacuccato che passava tutto ricoperto di neve da un lato solo, i discorsi sulla tormenta che infuriava distrassero la sua attenzione. Poi tutto divenne uniforme, il traballio interrotto da scosse, la neve al finestrino, gli improvvisi passaggi da un caldo di vaporazione al freddo e poi di nuovo al caldo, il baluginare di quegli stessi volti nella penombra e il suono delle stesse voci; e Anna prese a leggere e a capire quello che leggeva. Annuška già sonnecchiava, tenendo la sacca rossa sulle ginocchia con le mani larghe nei guanti, uno dei quali era bucato. Anna Arkad'evna leggeva e capiva, ma non provava piacere a leggere e a seguire il riflesso della vita degli altri» (перевод Maria Bianca Luporini) [Tolstoj 1967].

Обратимся к главке, в которой речь идет о Константине Левине. Как мы уже отмечали, ритм повествования об этом герое – медленный, тяжелый, серьезный, словно имитирующий напряженную мысль героя о жизни. Если в только что рассмотренном эпизоде лаконизм и краткость английского слова помогали переводчику, то в этих эпизодах, наоборот, эта особенность английского препятствует воспроизведению тяжелого, похожего на

гексаметры, стилия повествования: «In the morning Konstantin Levin left Moscow, and towards evening he reached home. On the journey in the train he talked to his neighbors about politics and the new railways, and, just as in Moscow, he was overcome by a sense of confusion of ideas, dissatisfaction with himself, shame of something or other. But when he got out at his own station, when he saw his one-eyed coachman, Ignat, with the collar of his coat turned up; when, in the dim light reflected by the station fires, he saw his own sledge, his own horses with their tails tied up, in their harness trimmed with rings and tassels; when the coachman Ignat, as he put in his luggage, told him the village news, that the contractor had arrived, and that Pava had calved, – he felt that little by little the confusion was clearing up, and the shame and self-dissatisfaction were passing away» (перевод Констанс Гарнетт) [Tolstoy 1917].

Задачу воспроизвести ритм толстовского повествования не ставил и итальянский переводчик: «La mattina Konstantin Levin partì da Mosca e verso sera giunse a casa. In treno parlò con i compagni di viaggio di politica, delle nuove strade ferrate, e durante il percorso, così come durante il soggiorno a Mosca, fu sopraffatto da una certa confusione di idee, da uno scontento di sé, come da una vergogna di fronte a qualcosa. Ma quando uscì dalla stazione e riconobbe Ignat il cocchiere, orbo di un occhio, col bavero del gabbano rialzato; quando, nella luce incerta che filtrava dalle finestre della stazione, vide la slitta coi tappeti, i suoi cavalli con le code legate, le bardature ad anelli e i fiocchi, e quando Ignat il cocchiere, prima ancora di finire di sistemare i bagagli, prese a raccontargli le novità della campagna: l'arrivo dell'imprenditore, lo sgravio della Pava, egli sentiva che a poco a poco la confusione si diradava, che la vergogna e lo scontento scomparivano» [Tolstoj 1967].

В грандиозном литературном наследии Толстого стихи занимают крайне незначительное место. Сохранились ироничные высказывания позднего Толстого о поэзии. Тем не менее, как и многие прозаики, начинал он еще в студенческие годы в Казанском университете именно стихами. И закончил прозой, которая стремилась к стиху.

Если мы сравним «Анну Каренину» с «Войной и миром», то увидим, что манера повествования в эпосе тоже наполнена ритмом, но единым на протяжении всего текста: Толстой стремился не рассказать о психическом процессе, а показать его в цельности и нерасчлененности, что приводило к громоздким синтаксическим конструкциям. Но неточно будет распространить эти представления на «Анну Каренину». Этот роман оказался между синтаксической тяжеловесностью «Войны и мира» и прозрачной простотой поздних произведений, отсюда сложная его ритмическая составляющая. И задача адекватного перевода романа на иностранный язык – это в том числе задача воспроизведения на другом языке ритма прозы. Иначе говоря, прозу нужно научиться переводить как стихи.

1.4. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Г.ИСХАКИ

Сакаева Л.Р., Исмагилова Г.К.

Изучение лексики художественных произведений всегда было в центре внимания лингвистов. Понимание лексики и сюжет связаны напрямую с правильным выявлением функциональных качеств произведения, от стадии исследования субъективного стиля письма автора. Изучение языка должно основываться на понимании жизни отдельно взятого времени, на знании уровня искусства, культуры того периода. Художественные произведения всегда были средством познания жизни, другими словами средством обучения.

Образное воспроизведение материала осуществляется благодаря смысловой и изобразительно-выразительной точности языка. Только слова способны дать живую картину всего сюжета, они обладают рядом специфических особенностей. Следует отметить, что в художественной

литературе наиболее ярко раскрывается взаимосвязь литературного языка с простым народным языком. Главным источником выразительности выступает живая народная речь. Взаимоотношение писателя и народа порождает самые выразительные изобразительные особенности. Живописность языка отражается в существовании в нем ряда личных изобразительных приемов, и более того образность языка создается откровенно. Образность языка писателя достигается сюжетом, композицией. Без них язык не может стать колоритным. Тесное взаимодействие средств языка со средствами образного раскрытия способствуют появлению прекрасного сюжета. Эстетическое значение играет немаловажную роль. Красота достигается не тем, что автор целенаправленно отбирает для изображения жизни красивые слова. Писателю удается добиваться красоты при помощи слов и выражений вследствие чего появляется эстетическая направленность. Эстетический компонент обуславливает красоту языка индивидуальных авторских произведений.

В татарской лингвистике проблема исследования индивидуального стиля писателя отражена в трудах и статьях Валиева М. З., Ахунзянова Э. М., Ганиева Ф. А., Башировой И. Б., Кадыровой Э. Х., Исмагиловой Г. К., Ахмадгалиевой Г. Г.

Язык писателя представляет собой обработанный язык народа в индивидуальном проявлении. Изучение языка писателя способствует углубленному пониманию его образов, словесно-художественного мастерства, свойственное только ему. Необходимо отметить, что художественное произведение отражает реальную жизнь человека, связанную с идейным замыслом писателя.

Интерес к изучению всех произведений, написанных известным татарским просветителем Г. Исхаки все больше возрастает, многие языковеды выпустили статьи, монографии, которые вносят определенный вклад в изучение мастерства писателя. Все эти работы, а именно докторские

и кандидатские исследования еще раз подтверждают, что на творчество писателя стали обращать пристальное внимание.

Процесс образования национального литературного языка невозможно представить без литературного наследия Г. Исхаки. Он, как и другие татарские просветители, был связан с народом, всю свою жизнь боролся за развитие татарского литературного языка. Писать на живом народном языке было для него первостепенной задачей.

Первые сведения о писателе появляются в 1906 году в статьях Ф. Карими, Г. Карами, Ф. Туктарова. Н. Алхуджаш писал, что его язык злой, но вместе с этим впечатляющий. Кроме того, им отмечено, что язык Г. Исхаки способен воздействовать как «электрический ток». Высоко оценив произведение «Ике йөз елдан соң инкыйраз», он обратил внимание на яркую экспрессию каждого предложения в нем [Алхуджаш 1906:101]. Г. Исхаки сумел привлечь внимание общественности своим языком, повествовательным стилем. Он утверждал, что надо писать на общепонятном татарском языке. Критические статьи, посвященные его произведениям, появились одновременно с началом творчества. Крупный языковед Г. Наджиб большое внимание уделил языку писателя. О романе «Нищенка» он написал, что его язык удивил всех. Он также отметил, что до него никто и не подозревал, что у татар есть своя жизнь, полная зла и несправедливости. С его точки зрения красота и гибкость языка Г. Исхаки сделали его отцом татарской литературы. Однако, с фразой «...отец татарского литературного языка» приходится соглашаться с определенной оговоркой. Г. Исхаки был вынужден жить в зарубежных странах. Это отдалило его от дальнейшего развития татарского литературного языка [Исмагилова 2008:20-24].

В 1912 году неизвестный автор под псевдонимом Джагфар опубликовал интересную статью в газете «Кояш», в которой рассмотрел историческое, общественное значение романа «Мулла бабай», некоторые его языковые особенности. Он подчеркивает тот факт, что многочисленные сравнения, использованные автором, придают произведению особую

стилистическую окраску, тогда как слова, характерные для 20-30-х годов, изображение жизни татарских шакирдов с мельчайшими подробностями, анекдоты, игры имеют историко-этнографическую ценность. Красной линией через эту статью проходит мысль о том, что целью романа «Мулла бабай», как и других его произведений, является стремление писателя создать энциклопедию о разных типах людей – шакирдах, деятелях науки и т. д. Следует отметить, что автор статьи делал большой акцент на исторической важности произведения, поскольку ему казалось, что будущее поколение могло бы получить достоверную информацию о настоящих «национальных» типах.

В изучении произведений Г. Исхаки особо следует отметить статью Дж. Валиди «Господин Гаяз», вышедшую в свет в 1913 году. Статья посвящена нескольким его произведениям. Автор обратил внимание прежде всего на то, что в романе «Нищенка» открыто обсуждаются проблемы нации. Главное заключается в подчеркивании неспособности религии прекратить распутность, нищету, возникшие из-за богатства. Автор высказал фразу, что «деньги всему голова, но они не приносят пользу, если не умеешь распорядиться ими». Как указывал автор, на писателя сильное влияние оказало творчество русских классиков Л. Толстого, Ф. Достоевского. Исходя из этого, он попытался объяснить, что ему были важны не рифма или игра слов, а толкование, понятие. Слова давались в первую очередь для размышления, понимания, нежели для создания рифмы. Дж. Валиди приходит к выводу, что языку произведений Г. Исхаки не свойственны гладкость и нежность, он не отличается необычностью, но несмотря на это, писатель остается в центре внимания читателей.

В последующих статьях Дж. Валиди выступал с критикой, возражая против мнения Г. Ибрагимова о произведениях Г. Исхаки. Он указал на его непоследовательность в критике. Если до 1917 года Г. Ибрагимов в целом оценивал творчество Г. Исхаки объективно, называя его отцом реализма, то в советский период им были высказаны разные, порою противоречивые

суждения. Опровергая крайне субъективные, односторонние выводы Г. Ибрагимова Дж. Валиди встал на защиту доброго имени Г. Исхаки. Он указывал, что произведения Г. Исхаки нельзя сравнивать с другими произведениями как «Фазаилешшохур», которое Г. Ибрагимов называл шедевром, одновременно написав, что оно популярно только среди читателей пожилого возраста. В ответ Дж. Валиди пояснил, что произведения прежде всего должны иметь литературную ценность. Для примера он приводит «Илиаду», которая получила широкое распространение во всех странах мира. Несмотря на свое древнее происхождение, она все еще не потеряла своей ценности. Автор статьи делает вывод, что шедеврами становятся такие произведения, которые имеют литературную ценность. При этом время их написания, сюжет не играют никакой роли [Исхакий 2001:430].

Среди источников исследования такие произведения писателя как, «Мулла бабай», «Нищенка», «Девушка-каляпушница», «Инкыйраз, спустя 20 лет», «Острог», «Жизнь ли это» и др. Автор в своей работе доказал, что синтетические формы прошедшего времени на *-ган, -ды, -мыш, -ыб*, аналитические формы прошедшего на *-ды иде, -а иде, йур иде, -а торган иде, -ачак иде* являются одним из показателей варианта литературного языка своего времени. В языке памятников кроме традиционных шести падежных показателей суффиксы *-лы, -ныкы* также выполняют роль падежных суффиксов. Нередко наблюдается взаимозаменяемость падежей, когда один падеж замещает другой. Зафиксированы также случаи употребления послеложных конструкций. И. Б. Баширова указывает, что по сумме классифицирующих признаков базисная система произведений Г. Исхаки в основном сопоставима со склонением кыпчакского типа [Исмагилова 2008:20-24].

В статье Ф. С. Сафиуллиной «Г. Исхакийның хикәяләү осталыгы» большое внимание уделено синтаксической стороне произведений данного писателя, где проанализированы прозаические произведения из книги

«Острог». В произведениях повествование осуществляется от имени первого лица, автора или лирического героя. По мнению автора, в названиях некоторых произведений дается первичная информация о персонажах, в большинстве случаев она состоит из терминов родства и наименований лиц (см. девушка, женщина, невеста, дедушка, дядя), например «Мулла бабай», «Шакирд абый», «Зять». В статье анализируются этнографические детали, слова передающие национальный колорит, энциклопедическую информацию из области народной медицины, быта, которые способствуют наиболее полному представлению жизни татарского народа. Из синтаксических фигур Г. Исхаки употреблены анафорические повторения, эпитеты, рефрены, представляющие собой сильные средства эмфатической интонации. В активных главах используются синтаксические фигуры. В них содержатся перифразы, рефрены, параллелизмы, градации, риторические обращения. По определению автора, помимо уточняющих, поясняющих слов, встречаются также присоединительные конструкции, которые подразумевают дополнительные замечания и разъяснения, включаемые в состав предложения.

Дальнейшее исследование языка ранней художественной прозы Г. Исхаки проведено в кандидатской диссертации Г. Ф. Губайдуллиной «Языковые и стилистические особенности ранней художественной прозы Гаяза Исхаки» в 2001 году. Приоритетным в работе является выявление морфологических, лексико-семантических и стилистических особенностей произведений Г. Исхаки.

Исследуя морфологию, автор ограничился анализом имен существительных и глаголов, в которых присутствуют огузо-кыпчакские, уйгурские признаки. Автор отметил, что в исследуемых произведениях преобладает кыпчакский тип склонения. Инодиалектные формы, относящиеся к огузскому типу склонения, также присутствуют в языке исследуемых произведений. В работе описан весь набор глагольных форм,

при этом выделены отличительные признаки значений и форм, определена степень активности той или иной категории времени.

При исследовании лексического состава произведений автор обратил внимание на следующие моменты: определение генетического отношения слова к языку конкретной группы (общетюркский, арабский, персидский, русский и т. д.); выявление разнообразных художественных средств. Анализ лексического материала показал, что писатель широко использовал все художественно-изобразительные средства. Среди них выделяется целый арсенал эпитетов: *йомшак кояш* 'ласковое солнце', *татлы минут* 'сладкая минута', *шэфкатсез ягмур* 'беспощадный дождь', *чибар төш* 'привлекательный сон', *кайнар яшь* 'горячая слеза', *ят кеше* 'незнакомый человек' и др.

Отдельные аспекты изучения произведений Г. Исхаки, проблемы его языка, стиля освещены в статье Х.Р. Курбатова «Художественная проза Г. Исхаки», которая вышла в свет в 2003 году. В ней основное внимание сосредоточено на грамматике, синтаксисе, привлекается большое количество примеров, причем в работе нет тщательного изучения конкретного языкового явления. Ученый пишет, что в некоторых отрывках встречается нескладное употребление слов, неупотребление им необходимых падежных суффиксов. Некоторые слова и выражения непонятны современному читателю, имеют другое значение, отличное от современного литературного языка.

Анализ показывает, что в рассмотренных работах можно найти много общего. При лингвостилистическом анализе авторы работ уделяют внимание дифференциации речи, функциональной стороне и определению особенностей языковых средств, также употреблению художественно-изобразительных средств, эмоционально-экспрессивных слов и фразеологических единиц. Лингвостилистический анализ помогает установить специфические черты индивидуального и функциональных стилей, раскрыть особенности становления литературных норм. В то же время в центре внимания исследователей находятся варианты формы

частей речи, изучается специфика их употребления в разных текстах. Всесторонний лингвостилистический анализ также включает рассмотрение различных структурных типов предложения, способов актуализации отдельных частей высказывания.

Тюрко-татарский пласт лексики

Основу лексики исследуемых произведений составляют общетюркские и собственно-татарские слова. В течение многих веков общетюркский пласт пополнялся за счет заимствований из других языков. В отличие от собственно татарских слов, образованных на базе словообразовательных средств самого татарского языка, общетюркские слова содержат единые корни, имеющие соответствия в различных тюркских языках.

Ниже представлен анализ лексем тюрко-татарского пласта в составе следующих групп: 1) названия животных, 2) названия птиц, 3) названия растений, 4) метеорологические термины, 5) место-временные понятия, 6) гендерные особенности, отражающие родство, 7) соматизмы, части тела, 8) названия одежды, украшений, 9) обозначения продуктов питания, 10) термины абстрактных понятий.

Наименования животных

В романах все персонажи Гаяза Исхаки в большей или меньшей степени связаны с сельской местностью. Они занимаются животноводством, земледелием. Поэтому, неудивительно, что лексика, относящаяся к животноводству, птицеводству, природе играет немаловажную роль в художественном повествовании. Большинство названий домашних животных в романах носит общетюркский характер: *ат* “лошадь”, *сыер* “корова”, *сарык* “овца”, *такә* “самец” (козел, баран), *кәңдә* “коза”, *дуңгыз* “свинья”, *эт* “собака”, *мәче* “кошка”. Перечисленные слова представлены как в прямом, так и в переносном значении.

Слово *ат* встречается в указанных романах в виде двух омонимичных значениях: 1) лошадь; 2) имя: *ул үзенең шул хәлене, шул җинаятене уйлап бетерә алмады, ат килеп туктады* [Н:164] “он не успел обдумать это свое

состояние, это свое преступление, лошадь остановилась”; *бала аты кушарга кирәк иде* [МБ:327] “надо было дать имя ребенку”.

В значении “лошадь” слово *ат* является общим для всех тюркских языков (узб., турк., азерб., ккалп., кирг., хак., чув.).

Наряду с лексемой *ат* “лошадь” у Гаяза Исхаки представлены другие названия лошади *бурлы бия* [Н:44] “серая кобыла”, *кара айгыр* [МБ:368] “черный жеребец”, в основном в прямом значении.

Известно, что раньше лошадь использовалась как средство передвижения. До появления автомобилей, других видов транспорта все люди ездили на лошадях, в том числе персонажи Гаяза Исхаки. Поэтому понятие “лошадь” встречается в романах неоднократно.

Слово *ат* использовано в составе сравнения *узыш аты кеби кутәрелен китеп* [МБ:281] “рванув словно скаковая лошадь”. Сравнение – это, совмещенное видение двух явлений. Объект отражения сравнений представляет разнообразные предметы, явления, которые имеют то или иное отношение к жизни человека. Создание образов с названиями животных основано на наиболее характерных их свойствах. Итак, сравнение *узыш аты кеби кутәрелен китеп* выражает возбужденное состояние человека, ассоциирующееся с быстротой скаковой лошади. В романе «Мулла бабай» писатель так характеризует Халима, котрый вождеделел ответить на все вопросы учителя-хазрата.

Как и многие народы, татары нередко дают прозвища людям исходя из сходства с каким-нибудь животным. Очень медлительным, здоровым людям дают кличку *аю* “медведь”, например, *Аю Гали*. В романе «Мулла бабай» представлено множество таких прозвищ: *Үрдәк Шәриф* “Утка Шариф”, *Кәжә Сафа* “Коза Сафа”; *Айгыр Исмагыйль* “Жеребец Исмагил” [МБ:293-294]. *Айгыр Исмагыйль* ассоциируется с богатырем. Такие образные языковые явления относятся к метафорам, переносное значение которых может быть образным и номинативным. В основе метафор лежат такие же семантические группы, как в сравнениях, но в отличие от сравнений, при переводе на другие

языки с некоторыми изменениями они теряют свое значение или образность. Однако, например, в русском и татарском языках овца олицетворяет глупость, кролик – трусость, лошадь, жеребец – силу и энергичность.

Так как в основном писатель описывал жизнь сельских людей, выходцев из деревень, бедняков, он использовал названия многих домашних животных. Среди них есть и овца, котрую татарское население содержало из-за мяса и шерсти. Слово сарык “овца” употреблено у Г. Исхаки в прямом и переносном значениях. Это слово встречается и в составе сравнения: *Сагадат шул яктылык, шул көз исе керә торган һавада, яз көне болынга чыгарылган сарык бәрәне кебек сикерә, көлә башлады* [Н:213] “на светлой, пропахшей осенью улице, Сагадат начала прыгать, смеяться, как ягненок, выведенный на луг”. Сагадат после успешно сданного экзамена была в хорошем настроении, она радовалась, словно игривый и подвижный ягненок. кроме того это сравнение показывает образ Сагадат как наивный, открытый. Героиня романа «Нищенка» – добрый человек. Все ее поступки бескорыстные и искренние. Поэтому сравнение с безобидным ягненком соответствует данному образу.

Название *сарык* распространено в целом ряде тюркских языков (тат., баш., чув.). Но в большинстве языков как основное название овцы выступает *куй* (ног., каз., ккалп., кирг., кум.).

Такә, сарык такәсе, кучкар “баран” являются общетюркскими словами (тат., баш., чув., казах., кирг., ккал., кум.). В романах это слово употреблено только в прямом значении: *кайсы такә китерде, кайсы бер капчык арыш оны китерде* [МБ:390] “кто-то привел барана, кто-то принес один мешок ржаной муки”.

Слово *дуңгыз* “свинья” имеет тюркское происхождение (уйг., алт., ккалп., кумык., кбалк., узб.). Оно в романах имеет два значения – прямое, переносное. В переносном смысле оно употребляется как бранное слово, для передачи отвращения, так как у мусульман это животное считается нечистым, запретным. Но теперь оно считается обычным явлением в

хозяйстве у многих сельских жителей. В романе «Мулла бабай» рассматриваемое слово в сочетании с другими словами употреблено для обозначения мясных продуктов и изделий: *һаммасе дуңғыз ите, дуңғыз маеннан ясалган кеби тоелды* [МБ:342] “все казалось сделанным из свинины, сала” (в прямом значении).

Слово *куян* ‘заяц’ в романах представлено тоже только в сравнении и поговорке. Это слово характерно для кыпчакских языков. Например, *куян балалары кебек сикерешергә* [МБ:272] ‘подпрыгивать, как зайчата’, *бер тиенлек куян, ун тиенлек зыян* [МБ:370] ‘от мелкой работы убытка больше чем пользы’.

В первом примере персонажи сравниваются с зайчатами, которые радуются, веселятся. Такое происходит с шакирдами медресе, в том числе с Халимом, когда все, они выходят отдыхать на природу вместе с учителями.

Второй приведенный пример давно уже стал устойчивым выражением. Эта фраза подразумевает дело, за которое берутся с надеждой получить прибыль и которое, скорее всего, не будет прибыльным. До женитьбы Халим хотел увидеть свою невесту, по-всякому представлял ее себе, но потом передумал встречаться, испугавшись, что такая затея может обернуться трагедией, поскольку обычай запрещал видеться жениху с невестой до их свадьбы.

Слово *бүре* ‘волк’ в романах тоже представлено в переносном значении. Название *бүре* является общим для многих тюркских языков (баш., каз., турк., уйг., узб., кум., тув., хак.).

Волк является хищным животным. Писатели в своих произведениях часто обращаются к образу этого животного, когда характеризуют вой, рыдание кого-либо из своих персонажей. У Гаяза Исхаки *бүре* тоже приводится для сравнения рыданий, криков людей с воем волка: *бүре улаган кебек куркынычлы тавыш авылның өстендә бозлы кара болыт кебек гелдерәп торды* [Н:200] “страшный шум, как волчий вой, грохотал над деревней, как ледяная черная туча”.

Рассматриваемое слово принимает участие в образовании не только простого сравнения, но и эмоционально окрашенного метафорического сравнения: *баягы ач буре көтүе, акыртын-акыртын гына көчсез-нисез сарык көтүенә әверелде* [Н:202] “недавняя голодная стая волков постепенно превратилась в покорное стадо овец”. Это сравнение используется в эпизоде с крестьянами. Крестьяне поднимают бунт и поджигают поместья богатых людей. Когда они приходят к Габдулле, Сагадат с ними вежливо разговаривает и дает денег. Тогда только крестьяне мирно отступают.

Наименования природных явлений

Метеорологические термины, природные явления, космонимы в основном представлены в романах тюркскими словами: *яшен* “молния”, *яңгыр* “дождь”, *кар* “снег”, *болыт* “облако”, *жил* “ветер”, *күк күкрәү* “гром”, *һава* “воздух”, *күл* “озеро”, *елга* “река”. Таким образом, названия природных явлений не даются в произведениях просто как слова. Писатель использует их в целях выяснения идеи содержания, внутреннего мира образов – персонажей. Соответствующее описание пейзажа влияет на эмоциональное восприятие произведения читателем. В романах Г. Исхаки используются различные стилистические средства для описания природных явлений. При описании окружающего мира используются сравнения, эпитеты, метафоры. Когда Г. Исхаки изображает плохое настроение своих персонажей, тогда всю обстановку делает печальной, а когда надо изобразить радостное состояние персонажей, он использует светлые тона природы. В изображениях природных явлений можно увидеть как отношение писателя к природе, так и его умение изображать природу. Пейзаж успешно применяется для раскрытия мира героев.

Главная героиня романа «Нищенка», Сагадат видит сны и ей всегда снится природа. Перед смертью отца она тоже видит сон – пустыню, где полно змей, она пытается дойти до зеленой травы и ей все мешает добраться туда. Она просыпается, обнаруживает, что погода плохая, дует холодный ветер, еле светит луна, темно. Затем ее отец умирает. Этот сон в начале

романа является введением к рассказу о нынешней и будущей жизни Сагадат. Она всю жизнь борется за своё счастье. Зеленая трава во сне Сагадат – это символ ее будущей счастливой жизни.

В романе «Мулла бабай» также есть пейзаж, изображающий экскурсию шакирдов на природу. Г. Исхаки ярко описывает, как цветы и бабочки радостно приветствуют гостей из медресе. Не только растения рады, но и птицы поют, все кругом благоухает. Во всех этих описаниях присутствуют главные элементы природы – солнце, луна, звезды, дождь, ветер, гром.

Слово *кояш* “солнце” в романах также выступает в прямом и переносном значениях. В современном татарском языке употребляется *кояш*, в других тюркских языках имеются эквиваленты *күн*, *көн*.

Кояш символизирует светлую, беззаботную жизнь, оно источник света и тепла. В романах оно имеет положительную оценку, все эпизоды, связанные с ним, изображают обычную, повседневную жизнь персонажей. С данным словом образован эпитет *шәфкатьсез кояш* [МБ:308] “беспощадное солнце”. В произведениях устного народного творчества названия времен года, небесных тел часто выступают объектами пояснения эпитетов.

Лексико-семантическая характеристика арабо-персидских заимствований

Говоря о заимствованиях, прежде всего, следует иметь ввиду арабские и персидские слова. Вследствие многовековых влияний арабской и персидской культуры на тюркоязычные народы, в их языках закрепилось множество заимствованных слов. Некоторые из них настолько усвоились татарским народом, что они уже входят в основной лексический состав татарского языка: например, *китап* “книга”, *сәгать* “часы”, *бәхет* “счастье”, *дус* “друг”, *дәрес* “урок”. Изучение лексических заимствований дает возможность восстановить историю, культуру, язык народа.

Значительную часть лексического состава романов «Нищенка», «Мулла бабай» наряду с тюрко-татарскими словами занимают арабо-персидские заимствования. Не удивительно, что в романе «Мулла бабай»

изобилуют названия арабских книг, хадисов, молитв, изречений из Корана, ведь арабский язык на протяжении многих лет был культовым языком: его изучали в различных учебных заведениях.

Тематические группы арабо-персидских заимствований

Тематика арабо-персидских заимствованных слов довольно разнообразна. Заимствования можно подразделить на следующие группы: 1) религиозная лексика; 2) лексика, относящаяся к сфере науки, педагогики; 3) лексика, обозначающая общественно-политические понятия; 4) лексика, из области быта; 5) лексика, связанная с характером, психологическими переживаниями человека; 6) лексика, имеющая отношение к абстрактным и конкретным понятиям из разных областей; 7) вводные слова; 8) собственные имена; 9) названия книг, молитв.

В романах широко распространена лексика религиозного характера: *дин* “религия”, *хэрэм* “грех”, *Алла* “Аллах”, *Коръэн* “Коран”, *дога* “молитва”, *мэчет* “мечеть”, *сөннэт* “сунна”, *мэхэллэ* “квартал, относящийся к одной мечети”, *мулла* “мулла”.

Сферу науки, образования представляют слова *гыйлем* “знание”, *фэн* “наука”, *сарыф* “морфология”, *наху* “синтаксис”, *фэлсэфэ* “философия”, *мадрэсэ* “медресе”, *хэлфэ* “учитель”, *китап* “книга”, *калам* “ручка”, *бэхэс* “спор”.

К арабо-персидским источникам восходят также слова из общественно-политической лексики романов: *халык* “народ”, *падишах* “государь”, *эмер* “приказ”, *имза* “подпись”, *фэкыйрь* “нищий”.

Из группы бытовых заимствований в романах можно найти следующие заимствования: *гаилэ* “семья”, *бэхет* “счастье”, *шикар* “сахар”, *ризык* “еда”, *шулла* “бульон”, *хужа* “хозяин”, *хат* “письмо”.

Не меньшее количество заимствований относится к области психологического состояния, чувств, эмоции человека. Некоторые из них отражают разные внешние, внутренние качества, эмоции человека. Отдельные слова отражают разные, внешние, внутренние качества, эмоции

персонажей: *хыянэт* “”, *махэббат* “любовь”, *нафрэт* “ненависть”, *михнэт* “страдание”, *дус* “друг”, *дошман* “враг”, *ятим* “сирота”, *бичара* “бедняга”.

Сюда же относится группа заимствований, касающаяся место-временных понятий: *вакыт* “время”, *сагать* “часы”, *хэзер* “сейчас”, *жэомга* “пятница”, *заман* “время”.

К группе заимствований из разных областей относятся следующие слова: *мөнэсэбат* “отношение”, *акыл* “ум”, *дөнъя* “мир”, *гади* “простой”, *фарыз* “обязательство”.

Среди заимствований заметное место занимает группа слов, относящаяся к вводным словам: *хасыйле* “одним словом”, *мотлакан* “безусловно”.

Группу собственных имен составляют следующие арабо-персидские слова: *Сагадэт*, *Габдулла*, *Муллажсан*, *Рахматулла* и т. д.

В романах регулярно встречаются названия арабских, персидских книг, так как речь идет об образовании, культуре, литературе. Сюда относятся: «*Фэзаилешшөһүр*» “Особенности месяцев”, «*Төхфәтелмөлек*» “Дар королей”, «*Әнмүзәж*» “Образец”, «*Йәк хикәят*» “Один рассказ”, «*Рәунәкъялислам*» “Дорогая книга о свете Ислама”.

В романах арабо-персидские заимствования используются в соответствии с жанром и стилем произведения. Включение таких заимствований является одной из особенностей истории татарского литературного языка. Множество слов религиозного характера, слова из области образования, науки свидетельствуют о влиянии ислама и движения Просвещения на художественную литературу конца XIX – начала XX века. А слова из области общественной жизни *фәкыйрханә* “дом для бедняков”, *фәхеишханә* “бордель” употребляются, чтобы показать не совсем благополучные стороны жизни.

Семантика арабо-персидских слов

В творческом языке Г. Исхаки часто встречаются слова арабо-персидского происхождения. Заимствования произошли в результате

историко-культурных и экономических связей России с Ираном и другими арабскими странами. Такая взаимосвязь повлияло и на татарский язык. Лексический состав романов дает возможность проследить ассимиляцию и проникновение арабо-персидских заимствований в литературе начала XX века.

В романах слова в большинстве случаев употребляются в прямом значении. Но наибольший интерес представляют слова с непрямими значениями, на которых остановимся подробнее. Среди таких художественно-изобразительных средств выделяются сравнения, метафоры, метонимия, эпитеты.

Помимо этих тропов в романах функционируют разные пословицы, поговорки с арабо-персидскими словами как языковые средства, помогающие раскрыть идейное содержание произведения. Поэтому фразеологическим выражениям романов следует уделить особое внимание.

Сравнения

Художественные произведения Г. Исхаки невозможно представить без сравнений. Сравнение – это разновидность тропа, предмет характеризуется через соотнесение с другим. Сравнение часто выражается с помощью конкретных слов «точно», «похоже», «как будто», «словно». Автор употребил сравнения для повышения образности описываемых событий, уподобляя один объект другому по некоторым признакам.

Структурально сравнения состоят из нескольких частей: 1) сравнения, в которых один из слов является существительным, такие сравнения считаются самыми обычными из всех сравнений: *оҗмахта кеби* [М:275] “как в раю”; *зөбәржәт кебек* [Н:164] “словно изумруд”; 2) сравнения, которое состоит из существительного и связанных с ним слов: *Газраил көткән кебек* [Н:193] “словно ожидая Газраила”; *сәгатнең телләре кеби, аның көне тералминитми, бертөрле иттереп агып бара иде* [МБ:375] “его дни текли, как стрелки часов однообразно, без остановки”.

В романах выявлены только именные метафоры. Именные метафоры выражаются существительными или относящимися к ним словами: *кара бэхет* [Н:67] “черное счастье”; *мәдрәсә “газита” ... хәбәрне таратты* [МБ334] ““газета” медресе ... распространила новость”, здесь имеется в виду один шакирд, который любит распространять слухи; *халык диңгезе* [Н:181] “море людей”; *ахирәт кошы хәзрәт* [МБ381] “райская птица хазрат”; *һәр хатыннан җибәрелгән фахеш уклады* [Н:89] “стрелы разврата, выпущенные каждой женщиной”.

Метонимия

Метонимия использована для придания произведениям большей выразительности, образности. Слова четко отражают индивидуальное писательское восприятие реальности. Метонимию другими словами называют «переименованием», когда происходит замена слов, с сохранением начальной смысловой нагрузки. Писатель употребляет такой литературный прием, чтобы повысить эстетический уровень сюжета и читательский интерес.

В романах часто встречаются такие типы метонимических переносов, когда наименование учреждения, помещения переносится на людей, находящихся там: *мәдрәсә җылы башлады* [Н:303] “медресе стало плакать”; *мәдрәсә сөйләшә башлады* [Н:302] “медресе начало разговаривать”, *фахешханәнең йокыдан торганын белгертте* [Н:121] “дал знать, что публичный дом проснулся ото сна”.

Эпитеты

Эпитеты служат для пояснения предмета, образного выражения его признака, свойства. Поясняемые предметы бывают одушевленными, неодушевленными, конкретными. Обычно встречаются два вида эпитетов: логический и метафорический. Метафорический вид широко употребляется в художественной литературе, в том числе и в рассматриваемых романах.

В роли эпитетов наиболее активно используются слова, обозначающие
1) свойство, качество предметов, воспринимающееся органами чувств: *халык*

исе белән тулган һава [Н:181] “воздух, наполненный запахом людей”; 2) названия отвлеченных предметов: *сәгадәтле минутлар* [Н:122] “счастливые минуты”; 3) названия частей тела человека: *матур сакаллы хәзрәт* [МБ309] “хазрат с красивой бородой”.

Лексико-семантическая характеристика русских заимствований

Русский язык считают одним из содержательных языков мира. Одна из причин такой популярности кроется в словообразовательной способности русского языка, а также в его восприимчивости перенять слова из других языков. Когда слова заимствуются из одного языка в другой язык, между ними происходят новые отношения в комбинации с другими лексемами. В отдельных случаях слова даже могут потерять исходное значение и перестать восприниматься как непонятное явление в языке. Данная метаморфоза случается со всеми языками в мире. Безусловно, языки продолжают приобретать новые оттенки благодаря заимствованиям. Заимствования считаются одними из главных способов расширения словарного фонда языка, но отнюдь не единственным и эксклюзивным. Необходимо обратить особое внимание на то, что, заимствования начинают носить одно или несколько значений. Тогда уже второе значение возможно станет основополагающим. Иногда может произойти выпадение из языка слов, близких по обозначению с новой лексикой. Такие случаи происходят, когда абсолютные синонимы теряют свои позиции и либо ликвидируются из языка. Фиксирование заимствованного слова не всегда может привести к выталкиванию имеющегося коренного.

В своё время языковед Э. М. Ахундзянов обратил внимание на стихийный приток русских заимствований в татарскую речь и диалекты. По его мнению массовое двуязычие появилось в начале XX века, которое большее влияние оказывал на диалекты, чем на литературный татарский язык. Известный ученый в своих трудах изучил функционирование русского языка в диалектах татарского языка. Таким образом, в татарском языкознании назревает вопрос необходимости изучения русских слов в

условиях двуязычия. Для правильного произношения заимствованного слова следует выработать совсем другие произносительные навыки. До появления таких навыков, говорящий будет пользоваться имеющимися правилами произношения в своем родном языке. Поэтому некоторые заимствования не способны сохранять первоначальное произношение. Исходя из этого, говорящий заменяет звуки близкими звуками своего родного языка. Русские слова подвергаются фонетическим, морфологическим изменениям. Раньше старинный пласт русских заимствований перетерпел глубокие фонетические изменения. Таким образом, заимствования подвергались и морфологическим изменениям. После проведения тщательного анализа слов, можно сделать вывод, что татарский язык вобрал в себя огромное количество русских слов. Причиной этому является специфика исторического развития Татарстана.

В словарном материале романов «Нищенка», «Мулла бабай» можно найти большое количество русских и западно-европейских заимствований. При этом в романе «Нищенка» их больше, чем в романе «Мулла бабай». С точки зрения современного литературного языка употребление некоторых заимствований из русского языка может показаться странным, но это объяснимо – в то время национальный литературный язык только создавался. По некоторым примерам можно сделать предположение, что в народном языке впервые начали употребляться те или иные заимствования из разных областей науки, общественной жизни, быта: *Иван Васильевичыңа телефон белән генә сөйләрсен* [Н:180] “своему Ивану Васильевичу расскажешь по телефону”, правильнее будет сказать, *Ивану Васильевичың белән телефон аркылы гына сөйләшерсен*.

Газраил янында протекция басып, тизрәк тегене үтерер өчен нәзерләр, ясиннар, салаватлар алалар иде. [МБ:264], данное предложение очень сложно перевести, совершенно непонятно, что автор хотел этим сказать, но из контекста ясно, что писатель имел в виду. Просто некоторые люди хотели смерти одной состоятельной женщины, всячески помогали ей

отправиться в иной мир к Газраилю при помощи различных предсмертных, хвалебных молитв.

В тематические группы русских заимствований входят следующие слова:

1) слова, обозначающие общественные места, учреждения, постройки: *гостиница, зал, имение, кондитерски “кондитерская”, постоялый двор, харчевня, чиркәү “церковь”, ярмарка;*

2) названия одежды, материалов: *казаки, сукно;*

3) названия продуктов питания: *варенье, калач, сухари;*

4) названия предметов домашнего обихода: *бутылка, карават “кровать”, кәрзинкә “корзина”, миски “кастрюля”, мич “печь”, моржа “труба печная”, паднос “поднос”, самавыр “самовар”, стена, тәрилкә “тарелка”, чайнек “чайник”, эскәтер “скатерть”, ящик, өстәл “стол”;*

5) слова из повседневной жизни: *духовный собрание “духовное собрание”, записка, звонок, итог, махорка, пожар, права, проба, скандал, содержанка;*

6) названия национальностей, географические термины: *Волга, Москва, Нижний “Нижний Новгород”, Петербург, Россия, рус;*

7) собственные имена, фамилии: *Горький, Гоголь, Иван Васильевич, Косой Иван, Михайловский, Толстой.*

Семантика русских заимствований

Среди слов с переносными значениями особо выделяются метафоры, отличающиеся по семантическим функциональным признакам. Рассматриваемые заимствования в контексте с татарскими словами образуют экспрессивные, образные, метафорические явления: **чиркәүләр аларны йотты** [Н:180] “церкви их проглотили”, *шул эшләрне, үлчәп аларга проба сугарга* [Н:195] “взвесив все эти работы, поставить на них пробу”.

Есть также сравнения, характеризующие человека с определенной внешностью, видом деятельности **“куашина” кебек корсаклы** [Н:59] “брюхатая как “квашня””.

В отличие от метафор при метонимическом переносе связь между значениями сохраняется больше. В романах наблюдаются следующие метонимические переносы: *Мансур әфәнде Тургеневны бик сәя иде* [Н:46] “господин Мансур очень любил Тургенева”, в этом примере подразумеваются произведения Тургенева; *берәр стакан эчү* [Н:124] “выпить по одному стакану”, имеется в виду выпить пива по одному стакану; *бутылкалар бушаттылар* [Н:55] “опустошили бутылки”. Функцию эпитетов могут выполнять также названия частей тела человека и названия одежды: *кызыл мыеклы, ялтыраган йөзле дворник* [Н:63] “дворник с красными усами, блестящим лицом”.

Западноевропейские заимствования и их семантические особенности

Основной причиной заимствований является необходимость называть вещи, понятия, заменять описательные обороты. Следует заметить, что заимствования все не наносят вреда другому языку, а обогащают его лексический запас, способствуют развитию словообразования. Таким образом, заимствование – процесс, охарактеризующийся наличием конкретных причин, чаще экстралингвистических. Многие русские слова, когда попадают в татарский язык, постепенно подчиняются правилам татарской фонетики. А иногда совсем теряли черты своего русского происхождения. Лексические изменения представляют особый интерес для исследования. Благодаря лексике можно детально рассмотреть социальные причины изменения лексем. Приобретенные слова по-другому называют универсальными языковыми явлениями. В мире не существует языков, которые не имели бы друг на друга никакого влияния, ведь люди не могли жить изолированно. Новые слова довольно интенсивно влияют на лексическую систему языка-рецептора.

Формирующийся татарский язык впитывал в себя не только русские, но и западноевропейские заимствования, которые перешли через русский язык. Среди них большое место занимают общеупотребительные слова из области

науки, политики, культуры. В романах «Нищенка», «Мулла бабай» некоторые западноевропейские заимствования используются очень широко. Они являются стилистически нейтральными: *югарыгы балконга карый башладылар* [Н:177] “начали смотреть на верхний балкон”; *театрга баруның файдалылыгы* [Н:174] “польза от хождения в театр”. Среди западноевропейских заимствований выделяются следующие пласты:

1) латинский: *вулкан, губернатор, декоративный, демонстративно, доктор, дискуссия, документ, иллюминация, класс, конверт, лекция, локомотив, манифест, нумир “номер”, оратор, оригинал, прокламация, протекция, протест, радикальный, революция, резолюция, рецепт, сифилис, студент, университет, фамилия, фигура;*

2) греческий: *алфавит гимназия, грамматика, жэграфия “география”, идея, механика, микроб, политика, программа, психолог, психология, тактика, театр, телефон, тип, философ, фонарь, хрестоматия, экономика, электр;*

3) французский: *адрес, багаж, балет, баррикада, билет, браслет, бриллиант, бюрократ, генерал, гипнотизм, дебют, дипломат, жандарм жилет, пансион, партия, паспорт, пьеса, идеал, кабинет, кавалер, кадрили, капитан, капот, компания, корсет, костюм, лорнет, ложка, маневр, мотор, пальтэ “пальто”, партер, пьеса, ридикюль, роль, террас “терраса”, туалет, француз, этаж;*

4) немецкий: *агент, вокзал, кухня, лагерь, лампа, полиция, процент, унтер, шаблон, шпион;*

5) итальянский: *артист, балерина, балкон, галерка, газета, кавалер, коридор, кресло, музыка;*

6) голландский: *ситсы “ситец”, флаг;*

7) английский: *бойкот, инглиз “англичанин”, митинг, пинжэж “пиджак”, сигнал.*

Семантика западноевропейских заимствований

Одно слово не всегда способно образовывать такие тропы как, метафора, метонимия, даже фразеологизм. Итак, например, значение слова *маче* “кошка”, не имеющее никакой экспрессивности, раскрывается в сочетании со словом *концерт*, в результате чего получается фразеологизм *маче концерты* [МБ:301] “кошачий концерт”.

В исследованных романах большая часть заимствованной лексики является неоднородной с точки зрения стилистики. Они употреблены в образном значении. В романах используются следующие сравнения, образованные с участием западноевропейских заимствований: *яңа дару кәшеф кылган доктор кебек шатлык берлә тулды* [Н:205] “наполнился радостью как доктор, который открыл новое лекарство”; *шпион кебек саклап йөрергә* [Н:209] “подкарауливать как шпион”; *электрик тогы кебек* [Н:78] “как электрический ток”; *зур мәмләкәт ачкан командир кебек* [Н:203] “как, командир, открывший новую страну”; *солдатлар лагерә кебек тынычлык* [Н:109] “тишина как в солдатском лагере”; *вулкандин чыккан кебек булар* [Н:25] “пар вышедший как из вулкана”.

Сравнения могут оформляться в виде отдельных предложений и быть связанными и с предыдущим предложением. Они более ярко и полно раскрывают образы героев, употребляются, если писатель намерен более точно донести до читателей свою поэтическую идею. В сравнениях сопоставляются разные предметы, по-другому уподобляются. Образ наиболее четко раскрывается через общие признаки. В литературе часто сопровождается союзом “словно”, “как”, “точно”. Они могут придать тексту большую выразительность. Такое сравнение часто используется при развернутом художественном описании. *Шуның өчен бу эш әлбәттә уен түгел! Бу да үзенә күрә бер артистның сахнадаге беренче дебюты* [МБ:392] “Поэтому эта работа, конечно, не является игрой. Это тоже в своем роде дебют артиста на сцене.”

Среди тропов особое место занимают индивидуально -авторские метафоры. Такие метафоры очень выразительные, возможности их создания

неисчерпаемые, имеют неограниченные способности выявления сходства разных предметов путем сопоставления. С помощью них писатель сумел создать самые необычные образы: *яңа әхлак фонарьлары* [Н:160] “фонари новой этики”.

Заключение

Генетический анализ позволяет сделать вывод, что лексика романов в генетико-этимологическом аспекте подразделяется на 4 основных пласта: тюрко-татарский, арабо-персидский, русский и западноевропейский.

Самую большую часть лексики представляют тюрко-татарские слова. Это неудивительно, если принять во внимание, что основной словарный фонд татарского языка составляет тюрко-татарский пласт. В течение многих веков татарский язык обновлялся и развивался за счет новых образований. Особое место в составе лексики занимают заимствованные слова из разных языков. Среди них выделяются такие группы: 1) индокитайские; 2) монгольские; 3) арабо-персидские; 4) русские; 5) латинские; 6) греческие; 7) французские; 8) немецкие; 9) итальянские; 10) английские; 11) голландские слова. В романах весьма активно употребляются арабо-персидские, русские и западноевропейские заимствования, характерные для того периода, когда были написаны романы.

В свете политических и экономических событий арабо-персидские слова стали меньше употребляться, позже вместо них в обиход вошли русские и западноевропейские заимствования, характерные для того периода, когда были написаны романы. Некоторые арабизмы и персизмы настолько усвоились, что их трудно считать заимствованиями. Близкое соседство русского народа накладывает свой отпечаток на развитие татарского языка. Вторжение русских и европейских слов началось издавна, продолжается и сегодня. В ходе исследования каждый из генетических пластов был тщательно происследован. Соответственно, слова рассматривались с точки зрения однозначности, многозначности, в зависимости от того, что они обозначают в контексте. В итоге, следует отметить, что приведения

содержат богатый лексический материал, автор смог найти свои индивидуальные языковые краски в местных говорах, заимствованиях, и в живой народной речи.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. ИЛЛОКУТИВНЫЕ ГРАДАЦИИ: КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Тахтарова С.С.

Как известно, интенция или коммуникативное намерение говорящего субъекта лежит в основе интенциональной составляющей речевого контакта, определяя иллокутивную цель и иллокутивную силу соответствующего речевого действия. Речевой акт определяется, соответственно, как единство пропозиции и иллокуции, при этом иллокутивное содержание менее устойчиво по сравнению с пропозициональным и может варьироваться в плане интенсивности или «энергичности» [Серль 1986а:173], с которой оно реализуется. Дж. Сёрль и Д. Вандервекен в своей работе, посвященной определению основных понятий исчисления речевых актов, отмечают, что большинство иллокутивных целей таково, что их можно достичь с большей или меньшей интенсивностью [Сёрль, Вандервекен 1986:256]. При этом, по мнению авторов, для большинства иллокутивных целей, за исключением декларативной, достигаемой всегда с одной и той же степенью интенсивности, не существует теоретического верхнего или нижнего предела интенсивности.

Изменение интенсивности иллокутивной силы определяется в современной лингвистике термином «аллокуция» [Haverkate 1979:14], включающим как стратегии усиления иллокутивной силы, так и ослабления последней. Аллокутивные стратегии и тактики особенно активно используются в межличностном общении, которое, согласно Н.Д. Арутюновой, осуществляется преимущественно через взаимодействие

модальных компонентов высказывания – модусов, отражающих интенциональное состояние говорящих [Арутюнова 1999:655]. По мнению В.В. Богданова, в структуре речевого акта можно выделить две составляющие, а именно инструментальную, указывающую на средство, с помощью которого осуществляется речевой акт, и функциональную, объединяющую два субакта – пропозициональный и интерперсональный [Богданов 2007:159]. Пропозициональный акт состоит из актов предикации и референции. Интерперсональный акт включает в себя иллокутивный и аллокутивный акт, т.е. интерперсональный акт предполагает реализацию определенных интенций говорящего субъекта в процессе общения, которые репрезентируются с различной интенсивностью.

В исследовании В.А. Митягиной, посвященном рассмотрению социокультурных характеристик коммуникативного действия, интенциональная составляющая последнего представлена как взаимодействие четырех плоскостей, образующих пространство интеракции: предметной, в которой актуализируется сигнал «о чем я информирую партнера»; самопрезентационной (что я даю о себе знать, сообщаю о себе); реляционной (как я о тебе думаю и как к тебе отношусь) и апеллятивной (чего я хочу от тебя добиться) [Митягина 2007: 129].

Как отмечает О.С. Иссерс, прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится на основе представлений о речевом акте (или серии речевых актов), коммуникативном взаимодействии, предполагающем учет мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий, а также всей ситуации в целом [Иссерс 2009:183].

И.Н. Борисова предлагает в этой связи понятие коммуникативной координации речевого поведения, которое, являясь универсальной категорией диалогии, свойственно диалогу в любой сфере общения и включает в себя следующие аспекты взаимной ориентации речевого поведения:

- 1) согласованность коммуникативных интенций в интеракции;

- 2) кооперативность речевого поведения;
- 3) солидарность модально-оценочных смыслов;
- 4) унисонность тональности общения;
- 5) симметричность коммуникативной активности;
- 6) оценка коммуникативного результата, эффективности общения [Борисова 2009:167-168].

В качестве дополнительных параметров при квалификации степени коммуникативной координации следует отметить также этикетный/неэтикетный характер речевого поведения, паралингвистические сигналы оценочности, заинтересованности и тональности, а также наличие в диалогическом взаимодействии ситуаций риска.

Таким образом, речевой выбор говорящего при вербализации своих интенций обусловлен не только собственно предметной или пропозициональной составляющей интеракции, но и социально-личностными характеристиками коммуникантов, характером их взаимодействия, ориентированностью говорящего на интересы и эмоции адресата, а также определенными коммуникативными конвенциями и правилами, регулирующими речевое поведение собеседников и, в частности, иллокутивную силу формируемых в процессе общения высказываний.

Проблема градуирования иллокутивной силы становилась предметом лингвистического анализа в отечественной [А.Г. Пospelова; Е.М. Вольф; Ю.О. Александрова; Н.С. Милянчук; И.В. Кульд и др.] и зарубежной [M. Halliday; J. House, G. Kasper; C. Caffi; R. Waltereit и др.] лингвистике. Однако до сих пор среди лингвистов нет единства мнений в понимании данного явления, что проявляется, в частности, и в терминологическом разнообразии. В работах, посвященных изучению анализируемого феномена, последний трактуется как риторический прием, направленный на изменение интенсивности/категоричности высказывания, прагматическая функция, лингво-прагматическая категория, коммуникативная стратегия и проч. Снижение интенсивности иллокутивной силы определяется в терминах «код

сдержанности», «фигура скромности», «недооценка», «некатегоричность», understatement, downgrading, Abtönung Einschränkung, Abschwächung, mitigation и пр.

Так, в частности, А.Г. Пospelова при анализе действия механизма речевых приоритетов в англоязычной коммуникации использует философское понятие манифестации, которое, по мнению исследователя, в приложении к лингвистическому материалу включает в себя все, что связано с интенцией субъекта речи и определяет выбор последним языковых и речевых средств при вербализации своих интенций [Пospelова 2001:10]. Поскольку речевой выбор интерактантов обычно связан с градуированием иллокутивной силы речевого акта, автор использует существующее в лингвистике понятие аллокуции применительно к тактикам усиления или смягчения коммуникативного намерения, которые по отношению к интерактивным стратегиям и тактикам, реализующим этапные цели на уровне речевого взаимодействия, являются тактиками «второго порядка», дополнительными, и действуют главным образом на иллокутивном уровне [Там же: 59].

Ю.О. Александрова в своем исследовании, посвященном рассмотрению эмотивного градуирования иллокутивной силы высказывания, также определяет изменение интенсивности последней как отбор языковых средств говорящим в процессе интеракции в соответствии со своим коммуникативным намерением. Руководствуясь ситуацией общения, говорящий может реализовать свою интенцию в нейтральном, усиленном или смягченном варианте [Александрова 2003: 61].

Л.В. Азарова, анализируя психологическую сущность приема преуменьшения, отмечает обусловленность последнего целевой установкой высказывания. По мнению автора, данный прием принадлежит к числу национально-специфических явлений, присущих исключительно английской лингвокультуре и образующих один из вариантов английского общезыкового кода [Азарова 1981: 37-38]. Признавая этнокультурную

специфику смягчения, нельзя, как нам представляется, согласиться с тем, что данное явление характерно только для англоязычной коммуникации. По нашему мнению, смягчение иллокутивной силы, выражающееся в снижении категоричности высказывания, носит универсальный характер, проявляясь, однако, в различной степени в разных лингвокультурах. В качестве подтверждения универсального характера анализируемого феномена можно привести исследования, посвященные данной проблеме и проведенные на материале различных лингвокультур – русской [Милянчук 2005], испанской [Кульд 1990; Haverkate 1990], итальянской, французской, испанской [Schneider 2007], немецкой [Langner 1994] и др.

В зарубежной лингвистике в последнее время стало традиционным определение смягчения термином «митигация» (*mitigare* (лат.) - смягчать, ослаблять), который был введен в прагматику в 1980 г. Б. Фрейзером и трактовался им как процесс модификации речевого акта, направленный на уменьшение возможных нежелательных эффектов (*unwelcome effects*) в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к коммуникативному сбою или даже конфликту [Fraser, 1980, с. 341]. К таким потенциально конфликтогенным ситуациям относятся, по мнению ученого, ситуации отказа в ответ на просьбу адресата, просьбы самого говорящего, а также ситуации критики адресата или объектов с ним связанных.

К. Каффи определяет митигацию как зонтичную категорию в прагматике, включающую широкий набор стратегий, с помощью которых говорящий смягчает интеракционные аспекты (*interactional parameters*) своей речи, с целью уменьшить возможные коммуникативные риски [Caffi, 2007:40].

По мнению М. Лангнера, смягчение - это коммуникативная стратегия, с помощью которой участники интеракции пытаются минимизировать (*minimieren*) нарушение территории партнера по коммуникации, т.е. как частный случай негативной вежливости [Langner 1994:22].

Нами смягчение трактуется как коммуникативная категория, основным содержанием которой являются прескрипции, установки и правила, детерминированные максимами вежливости и направленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции, реализуемые в общении митигативными стратегиями и тактиками, отмеченными этнокультурной спецификой.

Основная прагматическая характеристика смягчения – это снижение интенсивности иллокутивной силы высказывания, детерминированное определенными параметрами речевого контакта, как индивидуально-психологическими, связанными с личностными характеристиками собеседников, так и социальными, и, прежде всего, теми нормами и правилами, которые регулируют речевое поведение коммуникантов, обеспечивая успешность и эффективность реализации последними своих интенций в общении.

Таким образом, несмотря на то, что, как отмечалось выше, в исследованиях последних лет заметно вырос интерес к изучению иллокутивных градаций, построение градационной шкалы иллокутивной силы остается до сих пор нерешенной проблемой современной лингвистики. В существующих работах по данной проблеме отмечается, как правило, только сам факт изменения интенсивности высказывания, однако зона, в рамках которой могла бы быть определена интенсификации/деинтенсификации анализируемых речевых действий не определяется. Не ставя своей задачей построение универсальной шкалы иллокутивных градаций, рассмотрим, тем не менее, как может выглядеть шкала иллокутивной градации и постараемся определить зону митигативных речевых действий, а также оценочные параметры шкалы.

Категория интенсивности, связанная с количественно-качественной определённой обозначаемого словом явления, отражает, как известно, диалектическое единство качественной и количественной характеристик объекта действительности. Качество любого объекта имеет количественный

параметр, и качественные характеристики могут меняться в результате изменения числа, размеров, порядка связи элементов объекта оценки и т.п. [ФЭС 1983:360], что, в свою очередь, позволяет говорить о большей или меньшей интенсивности проявления этого качества.

Проблема определения статуса данного феномена и его границ, а также взаимосвязь интенсивности со смежными категориями, прежде всего, экспрессивностью, оценочностью и эмоциональностью неоднократно привлекали внимание многих лингвистов [Егоршина 1997; Радченко 2007; Сущинский 1977, 1991; Туранский 1987, 1990; Убин 1974; Шейгал 1990; и др.]. Ш. Балли трактовал интенсивность как все возможные различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т.п., независимо от того, идёт ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях. Разница в интенсивности относится, по мнению ученого, к тем общим категориям, в которые мы вводим любые объекты нашего восприятия или нашей мысли [Балли 2001:202]. Е.И. Шейгал определяет интенсивность как функционально-семантическую категорию, характеризующуюся разноуровневостью средств выражения и полевой организацией последних. Данная категория находится на пересечении категорий количества (неопределённого/ недискретного количества) и качества (поддающегося количественной оценке). Содержательный план категории интенсивности охватывает все степени признака, от минимальной до максимальной, и строится на оппозиции «усиление-норма-ослабление». Будучи признаком признака, интенсивность выражает приближённую количественную оценку градуируемого качества [Шейгал 1990:11-12].

Таким образом, большинство современных исследователей признают за категорией интенсивности статус универсальной семантической категории, отмечая, что изменение качества по интенсивности - наиболее частотная количественная характеристика качественного признака в речи. Частотность её реализации во много раз превышает как обозначение точной

меры качества, так и выражение характеристики качества по экстенсивности [Галич 1981:25].

Указанное изменение какого-либо признака определяется в лингвистической литературе термином “градация”. Категория градуальности остается до настоящего времени одним из недостаточно ясных лингвистических понятий, несмотря на то, что различные аспекты данного феномена неоднократно привлекали внимание многих исследователей как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [Арутюнова 2003; Бондаренко 2001; Вольф 2002; Вежбицкая 1990; Ермакова 2005 и др.].

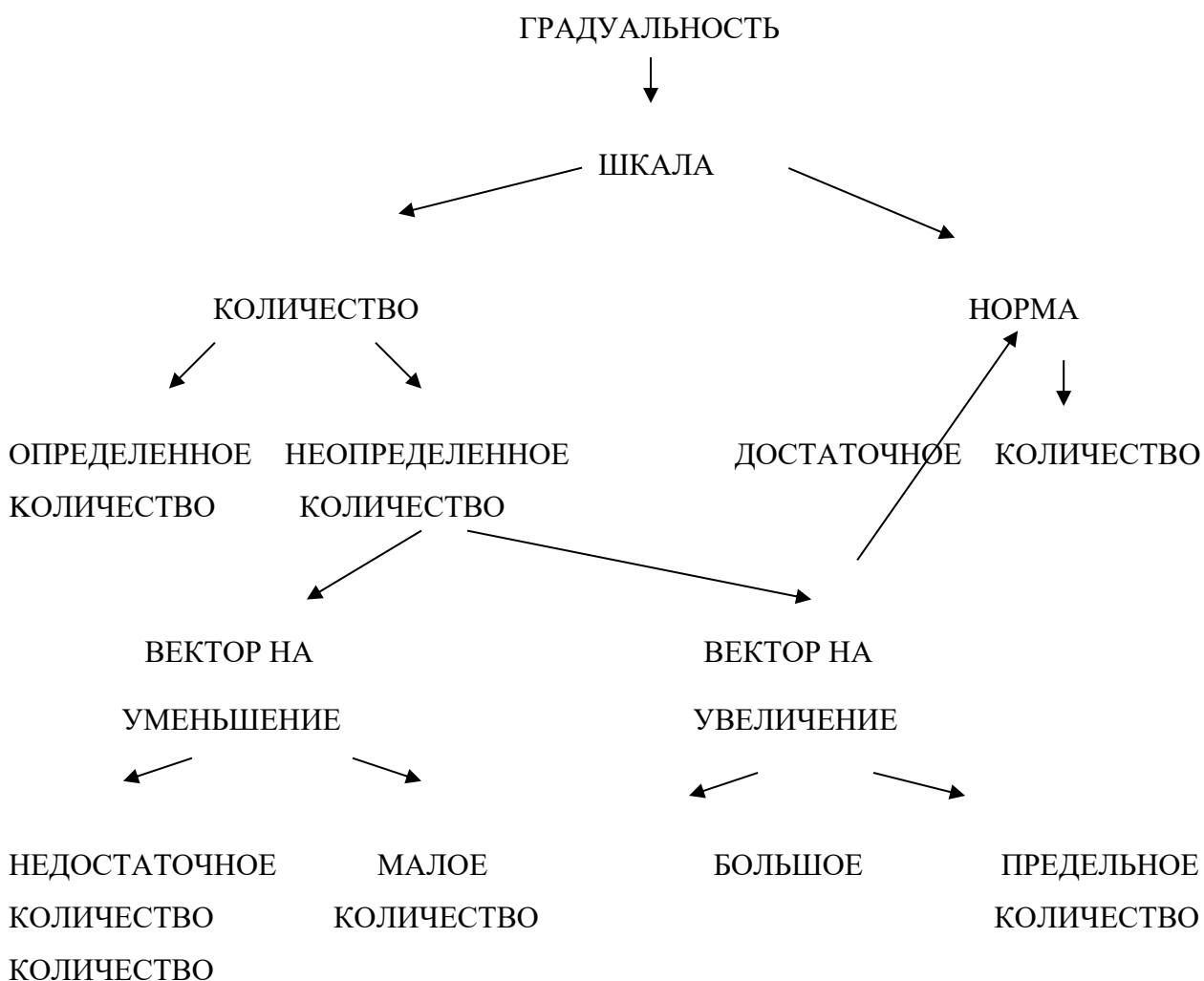
В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы градуальность определяется как модусная категория, осмысление различных аспектов формирования которой позволяет раскрыть особенности интерпретирующей функции языка [Фурс, Назарова 2008: 33]. Н.Н. Болдырев, анализируя принципы построения и содержание языковых категорий, а также их роль в концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых единиц, предлагает выделять в качестве особой группы модусные или оценочные категории, наряду с лексическими и грамматическими, обеспечивающие возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов [Болдырев 2006:15].

Исходя из того, что интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, связанным именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка, данный тип категорий, по мнению ученого, является онтологическим для человеческого сознания и гносеологическим по отношению к окружающему миру и миру языка. Модусные категории, отражая интерпретативную модель мира, объективируют способы интерпретации знаний человеком и закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного формата знаний.

Расплывчатый характер естественного языка обуславливает широкую зону действия градации в языке, применимость шкалирования к разноплановым языковым явлениям. Как отмечает Н.Б. Мечковская, в обыденном сознании и языке градуирование распространяется на те феномены и ситуации, где измерение едва ли возможно: градуируется все субъективно-психологическое, в том числе этическое и эстетическое. Разнообразные значения градуальности и количественности пронизывают и наполняют собой язык не потому, что люди придают мере и количеству самодовлеющее значение, а потому, что соотносить феномены жизни и констатировать различия – это единственная когнитивная возможность видеть явления и замечать их качественную определенность [Мечковская 2005:449-463].

Л.А. Фурс и И.В. Назарова, анализируя когнитивные аспекты градуальности, отмечают, что процесс градуирования как когнитивная операция, лежащая в основе формирования смысла градуальности, базируется на определенных когнитивных принципах и механизмах. Важнейшим принципом, организующим речемыслительную деятельность человека при формировании градуальных смыслов, выступает принцип спецификации, предполагающий активную роль говорящего в осмыслении события и уточнении или выделении различных его деталей и аспектов [Фурс, Назарова 2008: 260]. В качестве когнитивных механизмов, обеспечивающих градуирование проявляемых объектом свойств, служат механизмы профилирования, понимаемого как выделение определенной характеристики оцениваемого объекта, и шкалирования, предполагающего выявление информации о выраженности у объекта тех или иных качеств и соотнесение любого изменения в объекте с определенной точкой на шкале. Сравнение как когнитивная операция, лежащая в основе градуирования, тесно связано с оценочной деятельностью человека. Сопоставляя степень проявления признака с некоторым стандартом, человек определяет вектор количественного изменения данного признака – в направлении уменьшения

или увеличения. Таким образом, при формировании смысла градуальности оказываются задействованными различные концептуальные области, объединяющие коллективные (знание шкальных измерений и общепринятых норм) и индивидуальные (результаты оценочно-интерпретирующей деятельности) знания субъекта градации. Связь между этими концептуальными сферами можно, по мнению авторов, представить следующей схемой:

[Фурс, Назарова 2008б: 35].

Таким образом, категория градуальности является особым форматом знания, комплексная структура которого выявляется посредством анализа таких концептуальных областей как шкала, норма, количество, вектор на уменьшение, вектор на увеличение, взаимодействующих в процессах градуирования. Особо следует отметить, что норма понимается авторами как

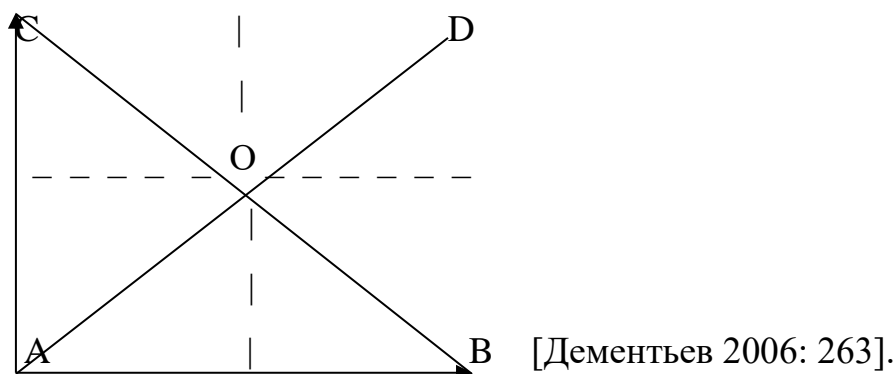
некий стандарт или определенное представление о достаточном уровне проявления градуируемого признака. Однако для построения шкалы градации, кроме определения зоны нормы, необходимо знание квантификаторов, указывающих на степень изменения градуируемого признака и определяемых в лингвистике также терминами «градуатор» или «интенсификатор».

Проблема градуирования и способов его выражения была наиболее досконально изучена на материале английского языка Д. Болинджером, который определяет интенсификацию как языковое выражение увеличения или уменьшения, а лексические средства усиления или ослабления он называет интенсификаторами (*intensifiers*). Все интенсификаторы делятся на четыре класса, в зависимости от направления градуирования и отношения к пределу:

1) **усилители** (*boosters*), указывающие на возрастание признака в направлении к максимуму: He is a *perfect* idiot.(Он *совершеннейший* идиот). She is *terribly* selfish(она *ужасно* эгоистична); 2) **усереднители** (*compromisers*), передвигающие значение в направлении к центру и допускающие иногда двоякую (в сторону усиления и уменьшения) интерпретацию: He is *rather* idiot(Он, *пожалуй*, идиот.); She is *fairly* happy (Она *весьма* счастлива). 3) **уменьшители** (*diminishers*), указывающие на убывание признака: It was an *indifferent* success.(Это был *незначительный* успех); They were *little* disposed.(Они были *мало* расположены). 4) **минимизаторы**(*minimizers*), передвигающие значение к нижнему пределу и граничащие с отрицанием: I don't care an *iota* for that (Меня это *совсем* не интересует) [Bolinger 1972:17–18]. Основываясь на данной классификации интенсификаторов, можно предположить, что интенсификация маркируется усилителями и минимизаторами, а усереднители и уменьшители сигнализируют о деинтенсификации или смягчении оцениваемого признака предмета речи.

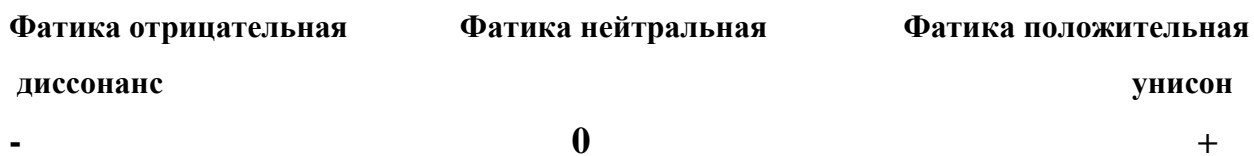
Согласно М.В. Мезениной, наряду с составлением синонимических градуальных рядов в лексической парадигматике, в лингвистике можно выделить ещё одну тенденцию в применении метода градуирования, а именно – построение меташкалы, на которой упорядочиваются такие свойства отдельных языковых единиц и целых высказываний, как «грамматичность», «номинативность», «истинность», «мотивированность» и многие другие с целью уточнения их функциональных характеристик и отбора адекватных ситуации общения средств выражения мысли [Мезенина 1991:21]. Е.И. Шейгал также отмечает тот факт, что в терминах градационного пространства могут рассматриваться шкала грамматичности, шкала синонимичности, категориальная градация признака, прагматические шкалы вежливости, императивности и проч. [Шейгал 1999:5]. В исследованиях, посвященных проблемам вежливости, неоднократно предпринимались попытки определения шкалы вежливости, на которой могли бы быть расположены различные речевые действия, различающиеся степенью вежливости [Perkins 1983; Frazer, Nolen 1981; Blum-Kulka 2002 и др.].

Таким образом, речевые действия также могут быть расположены на градуальной шкале, отражающей соответствие высказывания нормам общения. Так, например, в исследовании В.В. Дементьева, посвященном непрямой коммуникации, приводится шкала градации косвенности фатических речевых жанров, представляющая собой объединение двух шкал – условно градуируемой вертикальной шкалы степени косвенности и горизонтальной шкалы А.Р. Балаяна. Все фатические речевые жанры, располагающиеся на графике в виде двух пересекающихся прямых, автор объединил в пять основных типов, в зависимости от соотношения степени косвенности и тональности общения – унисонной или диссонансной:

Однако данная модель оставляет открытым вопрос об иллюкутивной норме и степени градации. Как отмечает сам автор, одна из основных причин, затрудняющих исчисление степени изменения интенсивности иллюкутивной силы и, в частности, степени косвенности, заключается в том, что возможные критерии подобного исчисления не вполне ясны [Дементьев, 2006: 261]. Тем самым, несмотря на то, что каждый носитель языка эмпирический вполне может определить градуирование иллюкутивной силы директивов - *Закрой дверь! Закрой дверь, пожалуйста. Ты можешь закрыть дверь? Ты не мог бы закрыть дверь? Будь добр, закрой, пожалуйста, дверь. Дверь надо закрыть. Дует* – объективные критерии шкалирования интенсивности иллюкутивной силы установить достаточно сложно.

Исходя из того, что основной прагматической характеристикой митигативных высказываний является установка на кооперативное общение, детерминированная генеральной фатической интенцией, в качестве исходной шкалы иллюкутивной градации можно использовать шкалу модификации фатического общения, предложенную В.В. Дементьевым, крайними точками на которой будут установки на кооперативное vs. конфликтное общение:

По мнению С.А. Сухих и В.В. Зеленской, для характеристики речевого поведения интерактантов можно выделить два полюса, в зависимости от

установки **на** или **от** партнера по коммуникации – кооперативность и конфликтность [Сухих, Зеленская 1998: 78].

Таким образом, механизм профилирования речевого действия в аспекте вежливости может заключаться, по нашему мнению, в определении направленности последнего – на кооперацию либо на конфликт, в соответствии с чем, анализируемое речевое действие будет располагаться либо в отрицательной, либо в положительной зоне. Так, например, директивы, являясь ликоущемляющим речевым действием, относятся к потенциально конфликтным речевым действиям, и располагаются в зоне конфликта. Оценочные высказывания, содержащие похвалу адресата или объектов с ним связанных, выражая заинтересованность говорящего в собеседнике, характеризуют кооперативные установки субъекта высказывания и занимают зону унисонной коммуникации.

Следующая когнитивная процедура, которую необходимо выполнить для определения степени иллокутивной градации, заключается в шкалировании градуируемого признака (кооперативность/конфликтность), что предполагает, прежде всего, соотнесение степени представленности данного признака с нормой, относительно которой будут варьироваться градуируемые высказывания. Однако понятие нормы при определении градации иллокутивной силы речевых действий, в отличие от параметрической и аксиологической лексики, является на настоящий момент гораздо менее изученным, в связи с чем определение степени изменения интенсивности вербализуемой в высказывании интенции представляет ещё большую сложность.

Среди лингвистов, занимающихся проблемами интенсификации и градации нет единого мнения по вопросу о том, что именно следует принимать за норму в процессе количественной оценки градации качества по интенсивности. Проблемы определения нормы, связаны, прежде всего, с тем, что понятие нормы, по справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, чрезвычайно вариативно и применимо практически ко всем сферам жизни,

варьируясь по следующим основным признакам: 1) возможность/невозможность отклонений (абсолютность/относительность нормы); 2) социальность/ естественность («рукотворные»/ «нерукотворные» нормы); 3) позитивность/ негативность (рекомендательные/ запрещающие правила); 4) растяжимость (вариативность) / стандартность (среднестатистические/ точные нормы); 5) диахронность/ синхронность (закономерность развития/ правила функционирования); 6) престижность/ непрестижность (для социальных норм) [Арутюнова 1999:75].

Согласно Г.Г. Галич, градации качества по интенсивности могут быть двух видов – относительные и абсолютные. Относительные градации качества отражают его количественное соотношение у разных носителей или у одного носителя в разных пространственно-временных условиях. Для этого вида представления количества характерно, что выбор эталона сравнения может быть свободным. Наиболее яркий пример относительного градуирования представляют формы степеней сравнения. Абсолютные градации качеств выражаются, как правило, без экспликации сравнения, с помощью которого они определены. В этом случае эталон не выбирается, а является постоянным для данного класса объектов-носителей качества, т.е. имеет нормативный характер. Эталон подобного рода обычно известен коммуникантам из их личного и общественного опыта, т.е. является элементом пресуппозиции высказывания [Галич 1981:26–27]. В лингвистических исследованиях, посвященных проблемам выражения абсолютных градаций качества, подобный эталон определяется как «норма» или «точка отсчета», обозначающая степень качества, представляющуюся говорящему наиболее обычной для данного класса объектов – потенциальных носителей данного качества [Апресян 1995: 74]; [Вольф 2002: 57].

Е.В. Урысон, анализируя русские параметрические прилагательные, обозначающие размер физического объекта, отмечает, что для данной группы лексем в качестве абсолютного эталона размера выступает размер

человека. Средний размер объектов данного класса, с которым сравнивается размер характеризуемого объекта, определяется как относительный эталон или прототип [Урысон 2006:715]. При этом представления говорящих о среднем размере объектов некоторого класса часто обусловлены экономическими, социальными, культурными и т.п. факторами.

Оценка, в отличие от параметрических слов, соотносит оцениваемый предмет и с его прототипом, и с его идеальным образом. При этом и прототип, и идеальный образ существуют только в сознании человека. Однако прототип формируется как представление о среднем, а потому привычном объекте данного класса, а идеальный образ может иметь крайне мало сходства с большинством реальных объектов. Тем самым шкала оценки двойственна, она как бы имеет две «границы». Одна её грань устроена подобно шкале размера и имеет «нулевую точку отсчета» (границы среднего) и две зоны отклонения от неё. Вторая грань оценочной шкалы соотносит объект с идеалом, относящимся к аксиологическому, ценностному миру, конструируемому человеком – как отмечает Н.Д. Арутюнова, «хорошее значит соответствующее идеализированной модели (...) мира» [Арутюнова 1999:59].

Мы полагаем, что иллюкутивная норма также может быть двух видов – параметрическая и аксиологическая. В первом случае речь может идти о норме, предлагаемой в исследовании Л.А. Фурс и И.В. Назаровой, т.е. достаточном проявлении качества, в данном случае – иллюкутивной силы. Это прототипическая, наиболее узуальная форма репрезентации иллюкуции. Так, в частности, для директивной иллюкуции в качестве такой прототипической формой может выступать императив. Как отмечается в исследовании В.С. Храковского и А.П. Володина, императив представляет собой единственную форму глагола, которая в своем прямом значении выполняет специфическую апеллятивную функцию [Храковский, Володин 2001:11]. Центральными в императивной парадигме являются, по мнению ученых, формы 2-го лица единственного числа, которые, будучи

представленными в любой императивной парадигме, наиболее четко выражают императивное значение. Градация директивной интенции может быть представлена на фатической шкале следующим образом:

- **Закрой дверь немедленно!** N **Закрой дверь, пожалуйста!** +
Закрывает дверь, я сказала! **Закрой дверь!** **Ты можешь закрыть дверь?**

При этом митигативные формы располагаются на той части шкалы, которая направлена на унисонное общение, а формы, интенсифицирующие директивную интенцию, в диссонансной или конфликтной зоне.

С кооперативным краем шкалы соотносится аксиологическая норма, что является, по мнению Н.Д. Арутюновой, проявлением «принципа Полианны», требующего устранения или смягчения неприятных тем и сообщений и укрепляющего связь языка с идеализированной картиной мира [Арутюнова 1999:66]. При построении градуальной шкалы иллокуции мы исходим из нормы прототипической, так как аксиологическая характеристика митигативных высказываний отражается уже в самом расположении градуируемой иллокуции на положительном отрезке шкалы. Рассмотрим далее возможные квантификаторы, позволяющие определить степень иллокутивной градации.

А.Д. Кирьян, соотнеся понятие градуальной семы с 5-ю кванторами Сепира и соединив оценочную шкалу со шкалой градации, разработал и описал шкалу градации семантического признака на материале русского языка, которая выглядит следующим образом:

+5 +4 +3 +2 +1 0 -1 -2 -3 -4 -5

выделив следующие градуальные семы: S+1(-1) - “относительно”; S+2(-2) - “довольно”; S+3(-3) - “в полной мере”; S+4(-4) - “очень” и S+5 (-5) - “чрезвычайно”. Градуальная сема S+3(-3) манифестирует зону нормы признака, а сема S0 характеризует такую зону на шкале градации, где градуируемый признак сливается со своим оценочным антонимом - “и ... и” [Кирьян 1981:75].

Мы полагаем, что вышеприведенные градуаторы могут служить семантическими индикаторами, позволяющими отнести ту или иную единицу в разряд интенсификаторов, либо деинтенсификаторов. В отличие от квантификаторов S+5(-5) и S+4(-4), которые определяют гиперболические единицы, градуаторами, характеризующими митигативные единицы языка являются S +2(-2) и S+1(-1), соответствующие в классификации Д. Болинджера усереднителям и уменьшителям, полный состав которых был дан выше. Границей между смягчением и усилением служит квантификатор S+3(-3), характеризующий прототипическую, нормальную степень градуируемой иллокуции. Зону S0 мы определяем как предел смягчения, так как дальнейшее ослабление иллокутивной силы не представляется возможным. Эта степень иллокутивной градации характерна для имплицитных высказываний, допускающих различную интенциональную трактовку. Примером такого предела смягчения может служить русское «ничего», отмеченное оценочной амбивалентностью и активно используемое в различных ситуациях повседневного общения, например:

- Ну, как – ничего?

- Ничего, - сказал профессор. – Хитер твой Иван. Хорошо выступает

[Шукшин 1992а:285].

- Как... жизнь-то вообще?

Женщина, не оборачиваясь к нему, усмехнулась.

- Ничего.

- *Ничего – это, знаете, пустое место. – Мужчина засмеялся. – Ничего – это ничего* [Шукшин 2006:329].

Как отмечает А.Г. Балакай, многозначность и идиоматичность «ничего», разнообразие его смысловых оттенков делают его одним из символов загадочной русской души [Балакай 2000].

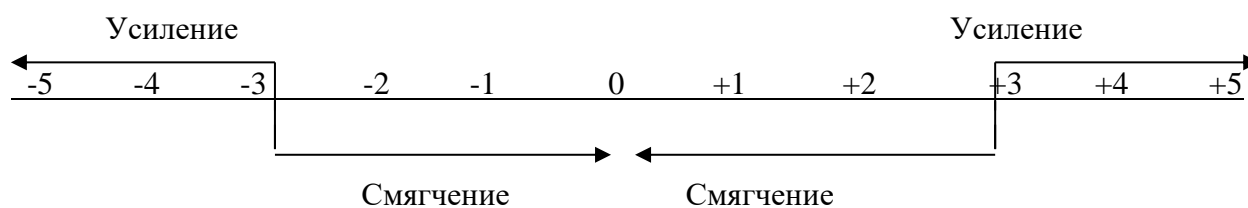
Таким образом, наличие митигативных градуаторов эксплицитно в составе высказывания или имплицитно – в содержательной структуре языковых знаков может служить достаточно объективным критерием

идентификации митигативно маркированных высказываний и отграничения последних от интенсифицирующих высказываний. Вместе с тем, следует отметить, что градуальные модификации той или иной интенции весьма вариативны и определяются возможностями языка и коммуникативной/митигативной компетенцией говорящего субъекта. Для определения градации иллокутивной силы принципиальным является установление зоны $+(-) 3$, представляющей прототипическую иллокутивную норму, и предела смягчения. Определить конкретную степень модификации иллокутивной силы высказывания представляется возможным только в случае представленности, эксплицитной или имплицитной, указанных выше квантификаторов в высказывании, к которым, кроме вышеназванных градуаторов, следует, по нашему мнению, отнести также другие усереднители и уменьшители, перечисленные выше, например:

- *Коля, вы, похоже умный и довольно образованный мужчина* [Донцова 2008:258].

- *Давай сюда, тут все же маленько не так жарит* [Шукшин 2006:441].

Итак, вышеизложенное позволяет сделать вывод, что изменение интенсивности иллокутивной силы высказывания также можно представить в виде градационной шкалы, отражающей изменение градуируемого признака иллокутивности, несмотря на достаточно условный характер и самой шкалы и иллокутивных градуаторов. Систему оппозиций усиления/ смягчения иллокуции можно схематично изобразить следующим образом:

Следует особо отметить, что смягчение может быть представлено и в позитивной зоне градуальной шкалы, т.е. деинтенсифицироваться может не

только конфликтогенная, но и кооперативная интенция. Градация иллокутивной силы в кооперативной зоне особенно ярко проявляется в оценочных высказываниях, содержащих позитивные характеристики адресата, например:

0	Ты достаточно хорошо выступил	N	Ты очень хорошо выступил
Неплохое выступление	Ты хорошо выступил		+

При рассмотрении градаций митигативных высказываний особый интерес представляет проблема разграничения косвенных и имплицитных высказываний, конституирующих зону митигативных градаций иллокутивной силы. Как отмечалось выше, наряду с основной, конечной интенцией, определяющей ведущую стратегию речевого поведения коммуникантов, в процессе интеракции реализуется ряд дополнительных интенций, зачастую имплицитных, но оказывающих значительное влияние на успешность коммуникации. Взаимосвязь и иерархия интенций, формирующих интенциональную основу коммуникации, играют важную роль в формировании психологической организации дискурса, его «интенционального пространства» [Павлова, Григорьева, Пескова 2007]. Т.Н. Ушакова отмечает также такую важную психологическую особенность коммуникативных интенций, как вариативность форм выражения последних, которые могут быть не только стандартными, как прямыми, так и косвенными, неявными [Слово в действии 2000:17]. И поскольку интенции гибки, изменчивы и иногда весьма сложны, возникает необходимость в нестандартном способе их выражения. Однако даже при нестандартном и непрямом выражении интенций они понятны слушателям – носителям данного языка.

Косвенные речевые акты, представляющие собой случаи осуществления одного иллокутивного акта путем реализации другого, являются одной из наиболее изученных на сегодняшний день разновидностей не прямой передачи содержания. По мнению Дж. Серля, природа косвенных речевых актов заключается в том, что «говорящий передает слушающему

большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [Серль 1986:197]. Типы речевых актов различаются не только содержанием иллокутивных целей, но и степенью эксплицитности выражения последних. Дж.Ф. Аллен и Р. Перро, обсуждая иллокутивную силу предложения *я устал*, пишут, что целью говорящего может быть не информирование слушающего о том, что заключено в этой фразе, а желание пожаловаться или извиниться за бездеятельность [Аллен, Перро 1986:326]. Подобное варьирование иллокутивной функции формируемого в процессе интеракции высказывания Д. Вундерлих называет прагматическим парафразированием [Wunderlich 1980:87], которое может объясняться как своеобразным стилем общения одного или нескольких коммуникантов, так и общими нормами речевого поведения в определенных ситуациях общения.

М.В. Никитин, анализируя коммуникативно-прагматические аспекты синтаксиса, отмечает тот факт, что прагматические функции косвенных речевых актов могут быть весьма разнообразными. «К ним прибегают, чтобы подчеркнуть силу убеждения, апеллировать к вниманию, смягчить предписание, проявить уважение (почтение, расположение, внимание, вежливость, такт), пощадить чувства, расположить к себе (к выполнению просьбы, действия), установить более тесный контакт, привлечь к общему делу. И это лишь немногие примеры прагматических функций и эффектов косвенных речевых действий» [Никитин 2009:142].

По мнению большинства лингвистов, исследующих проблемы косвенных речевых актов, главной мотивировкой использования косвенных форм, хотя и не единственной, является вежливость [Серль 1986:213]; Конрад 1985: 369; Günther 2002:155 и др.]. Согласно В.И. Карасику, выбор косвенных способов оформления речи, к которым относятся и косвенные речевые акты, является одним из двух основных приемов этикетизации, второй прием этикетизации – повышение статуса партнера и понижение

собственного статуса [Карасик 2002:112]. Т.А. ван Дейк также отмечает, что косвенный речевой акт может стать стратегически необходимым, если «прямой» речевой акт оказывается слишком отрицательным для предмета речи, либо, так или иначе, социально нежелательным [Дейк 1989:290], что особенно ярко проявляется при вербализации просьб, например:

- *Можете сейчас приехать? – теперь весьма любезно осведомилась собеседница. – В отделение* [Донцова 2008:25].

Вместе с тем, следует отметить, что косвенная форма репрезентации иллокуций не всегда соотнобразуется с принципами вежливого и корректного поведения. Так, например, высказывания типа *Зачем ты Пете эту шапку нахлобучила?* – Е.А. Земская рассматривает как косвенный РА упрека, нарушающий правила вежливости [Земская 1994:133].

Дж. Серль отмечает, что в области косвенных иллокутивных актов наиболее плодотворно изучение директивных высказываний, для которых в силу принятых требований вежливости в речевом общении зачастую бывает неуместным использование прямых или эксплицитных форм [Серль 1986: 201]. Согласно Е.А. Тарасовой, в парадигме побудительных высказываний можно выделить две подгруппы – прямые директивы, которые в свою очередь подразделяются на перформативные и императивные, и косвенные побуждения, также включающие два подвида, а именно – эксплицитно косвенные и имплицитно косвенные побудительные высказывания [Тарасова 2005:103].

По мнению О.С. Иссерс, предпочтительность косвенных просьб в коммуникации обусловлена «эффектом превышения коммуникативных усилий», который проявляется в том, что говорящий при формулировании просьбы рассчитывает на максимальное сопротивление и поэтому выбирает тактику «с запасом прочности» [Иссерс 2006:128]. Справедливость данного мнения подтверждают многочисленные примеры косвенных просьб:

- *Ты не хочешь снять пальто? – Пальто? А, да, конечно* [Соболева 2008:52].

- Простите, - осторожно спросила я, - не знаете, где можно увидеть отца Иоанна? [Донцова 2008:210].

Одной из актуальных проблем теории косвенных речевых актов является вопрос о разграничении косвенного и имплицитного способа представления намерений говорящего субъекта. Так, в частности, Н.К. Рябцева предлагает различать следующие формы репрезентации директивного содержания: *Закрой окно* - прямая прескрипция; *Прошу тебя закрыть окно* – эксплицитная просьба; *Не закроешь ли окно?* - косвенная просьба; *Мне холодно* – косвенное имплицитное побуждение адресата к действию [Рябцева 1995:146].

В основе разграничения косвенных и имплицитных форм репрезентации иллокуций лежит степень расхождения между первичным значением высказывания и его коммуникативным смыслом, а также уровень стандартизованности вторичной иллокутивной функции. В косвенных речевых актах «фактическое» значение практически вытесняет прямое, становясь основным в любом контексте и, по сути, конвенционализированным. Интерпретация вопроса *Можете ли Вы достать соль?* не предполагает ответа – *Могу*. Адресат сразу правильно «вычитывает» директивную интенцию говорящего и соответственно реагирует на неё.

Р. Конрад, анализируя косвенное функционирование вопросительных предложений, отмечает, что решающим фактором косвенного осмысления вопросительных предложений является наличие типичных «схем поведения», очевидных и естественных для говорящего и слушающего в некоторой заранее заданной иерархии целей [Конрад 1985: 357]. Для понимания имплицитных речевых актов необходимы более сложные процедуры интерпретации, основывающиеся на определенных коммуникативных постулатах и максимах, в частности, на Принципе Кооперации Грайса, Принципе вежливости Дж. Лича и др.

Дифференциация косвенных и имплицитных смыслов лежит также в основе типологии косвенных способов выражения смысла И.Б.

Шатуновского, включающей: (1) косвенные речевые акты (КРА), (2) компрессированные цепочки речевых актов (КомпРА), (3) потенциально компрессированные цепочки речевых актов, (4) намеки, (5) двусмысленные высказывания, (6) иронические высказывания [Шатуновский 2004:262]. Как отмечает автор, для косвенных речевых актов только производное, вторичное значение высказывания является релевантным в данном дискурсе. Первичное значение высказывания является только отправной точкой для производного значения и не присутствует в дискурсе.

Намеки, двусмысленные высказывания и ирония представляют собой, по мнению И.Б. Шатуновского, имплицитные речевые акты, которые имеют на поверхностном уровне две равно возможные интерпретации, при этом только одна из них по замыслу говорящего является подлинным смыслом данного высказывания.

Е.В. Милосердова предлагает различать три группы косвенных высказываний, в зависимости от степени удаленности реализуемого в них смысла от их буквального значения: собственно косвенные речевые акты, в которых эта удаленность минимальна, бифункциональные высказывания, воспринимаемые адресатом минимум в двух смыслах – буквальном и косвенном, и скрытые или имплицитные речевые акты, истинный коммуникативный смысл которых прочитывается только в строго определенном контексте [Милосердова 1991:155-156].

Н.И. Формановская также выделяет в группе косвенных речевых актов две подгруппы, в зависимости от уровня конвенционализированности вторичной иллокутивной функции – конвенциональные и контекстуально-ситуативные [Формановская 2007:268].

Исходя из вышеизложенного и используя приведенную выше шкалу градации иллокутивной силы, можно сделать вывод о том, что имплицитные речевые акты *Мне холодно* и проч., где расхождение между значением и истинным смыслом максимально, открывая множество вариантов их толкования, расположены в зоне иллокутивной нейтрализации. Директивное

высказывание в форме императива *Закрой окно! Mach das Fenster zu!* представляет собой, как указывалось выше, прототипическую норму вербализации директивной интенции, для которой разрыв между значением и смыслом минимальный. Косвенные речевые акты представляют собой директивный континуум, расположенный между вышеназванными «полюсами» косвенности. Чем ближе высказывание к «полюсу» имплицитности, тем оно более вежливо и менее категорично, т.е. тем выше степень смягчения фактической иллокуции. Хотя следует отметить, что имплицитные высказывания не всегда направлены на смягчение выражаемой иллокуции. Так, например, иронию, несмотря на имплицитную форму репрезентации, как отмечалось выше, едва ли можно отнести к митигативной парадигме, ср.:

- Постель для Оли очень много значила. Если мужчина в этом плане ей не подходил, она связь обрывала. Ну а коли под одеялом все в порядке, начинала изучать душу и кошелек партнера.

- Да, - хмыкнула я. – совсем не похожа на шлюху!

*- Конечно, - **не заметила** моей язвительности собеседница. – Олечка никогда не брала за любовь деньги [Донцова 2009:61].*

Несмотря на некоторые расхождения в названии выделяемых типов косвенных речевых актов и их количестве, большинство исследователей едины в том, что косвенные речевые акты объединяет стандартизованность, конвенциональность форм вербализации фактических значений. Для имплицитных речевых актов характерна ситуативная и личностная обусловленность тех языковых выражений, к которым обращается говорящий при репрезентации своих интенций. Скрытые интенции косвенных высказываний легко прочитываются адресатом в силу конвенциональности данных форм. Как отмечает В.В. Дементьев, конвенциональные косвенные просьбы – это уже «почти язык» [Дементьев 2007:59]. При реализации имплицитных речевых актов говорящий вынужден доверять коммуникативной компетенции адресата, его способности

правильно проинтерпретировать завуалированные в высказывании интенции. «Общение на уровне имплицатур – это более престижный вид вербальной коммуникации, поскольку для понимания многих имплицатур адресат должен располагать соответствующим уровнем интеллектуального развития» [Богданов 1990:21]. Тем самым, используя имплицитные речевые акты, говорящий повышает в глазах адресата и свой статус, как коммуникативно компетентного собеседника, так и статус адресата, что является реализацией прескрипции глорификации.

Таким образом, иллокутивные формы смягчения, детерминированные правилами этически корректного, вежливого поведения, направлены на защиту «лица» как самого говорящего, так и адресата, что является, по сути, одной из основных задач вежливости.

Подводя итог, отметим, что границы между отдельными степенями иллокутивной градации достаточно диффузны и условны. Высказывания, содержащие митигативные стратегии и тактики, представляют собой определенный континуум, расположенный в границах указанной выше зоны смягчения. Сама шкала градации и парадигма квантификаторов обусловлены не только возможностями конкретных языков, но и отмечены этнокультурной маркированностью, теми социально-этическими нормами и коммуникативными правилами, которые приняты в том или ином этносоциуме.

2.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мубаракшина А.М.

Осознание того, что язык как человеческое установление «не может быть понят и объяснен вне связи его с создателем и пользователем»

[Кравченко 1996: 6], стимулировал в языкознании процесс смены системно-структурной парадигмы на антропоцентристскую.

Именно в рамках концепции антропоцентризма развивается когнитивная лингвистика, предпосылки к возникновению которой были сформулированы еще в работах И.А. Бодуэна де Куртене, утверждавшего, что из языкового мышления есть возможность выявить целое своеобразное знание разных сфер бытия и небытия, проявлений мира и материального, и индивидуально-психологического, и общественного [Бодуэн де Куртене 1963:312].

Общей чертой всех исследовательских работ в сфере когнитивной лингвистики можно отметить центральный объект внимания, в котором, по мнению Н.К. Рябцевой, заключается «связь знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания и мышления, поведения и практической деятельности; преломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в создании субъекта и фиксирование его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей» [Рябцева 2000:3]. Данная тенденция иллюстрируется, например, в работах [Мубаракшина 2013, 2014, 2015].

Стоит отметить еще один важный факт, применимый в рамках предпринятого нами исследования, который заключается в существовании антропоцентричной научной парадигмы лингвокультурологии – отрасли лингвистики, которая рассматривает «проявление культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001:9]. Значимость данного направления языкознания бесспорна при изучении особенностей языка знаковых представителей русской лингвокультуры, каким, безусловно, является Владимир Набоков. Этот писатель – представитель художественной литературы, которая является исторической памятью народа, хранимой посредством языка, а язык, «благодаря кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений, не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия 1986:228].

Этот факт подтверждается тем, что, по мнению Г.Ю. Богдановича, в настоящее время происходит формирование нового направления лингвокультурологии – полилингвокультурологии на базе Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, которое развивается при участии лингвистов, литературоведов, психологов и социологов [Богданович 2007].

Наименования различных чувств человека, безусловно, является культурно значимым, культурно образующим явлением. Изучение семантических особенностей лексики, репрезентирующей восприятие органами чувств в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии предполагает обращение к проблеме психологического, философского, лингвистического и психолингвистического понимания природы указанных понятий.

На сегодняшний день существует ряд подходов к изучению чувств человека в разных науках. Это закономерно привело к разрозненной терминологии и классификации. В частности, Л.И. Анциферова пишет, что «строение деятельности способно стать основой деления, классификации чувств человека. Своеобразные и достаточно сильные чувства связаны с ведущими целями человека, которые одновременно являются главными мотивами его жизнедеятельности» [Анциферова Л.И. – Цит. по: [Вилюнас 1976]].

Наименования чувств входят в пространство имен физически невидимого, но чувствуемого мира и занимают промежуточное положение между собственно конкретной (физически видимый мир) и собственно абстрактной (невидимый метафизический понимаемый мир) зонами [Бабкина 2008:30].

Во многих исследованиях смежными являются понятия чувства и эмоции. Вопросу разграничения этих именованных в частности посвящена диссертационная работа А.Ю. Бабкиной «Семантические особенности

наименования чувств и эмоций человека в современном русском языке» (2008).

Исследователь утверждает, что в российской психологической науке, несмотря на неоднозначность понимания, все же существует разграничение чувств и эмоций, которое представлено, в частности в работах С.Л. Рубинштейна (2002) и Р.С. Немова (1995).

Так, по мнению Р.С. Немова, чувства носят предметный характер, «основываются на представлении или идеи о некотором объекте». Кроме того, они образуют ряд уровней, от «непосредственных чувств до уровня высших чувств, которые относятся к духовным ценностям и идеалам» [Немов 1995:337].

С.Л. Рубинштейн отмечает, что в чувствах положительный и отрицательный полюс образуют противоречивое единство [Рубинштейн 2003:390].

Учитывая все дискуссионные вопросы психологической теории выражения чувств и эмоций, по мнению Л.Г. Бабенко, лингвист в первую очередь должен исследовать собственно языковые механизмы обозначения и выражения последних, тем более, что «чувства только тогда приобретают значение для лингвиста, когда они выражены языковыми средствами» [Вандриес 1937:136]. Именно этой точки зрения мы будем придерживаться при анализе лексики в настоящем исследовании.

Перцептивность в системе лингвистических исследований

Изучение языка как определенной системы репрезентации знаний напрямую связано с классификацией их типологий, формата, структурного оформления, а также генеративных принципов и механизмов соотношения когнитивных и языковых структур с позиций основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации. Анализ последних работ в этой сфере констатирует, что исследования в когнитивной лингвистике осуществляется в двух направлениях, предлагающих свою типологию составляющих концептуальной системы.

Первое направление рассматривает широкий спектр способов конфигурирования концептуального содержания, точнее, различные форматы знания: когнитивные модели, образные схемы, фреймы, матрицы, сценарии, категории и другие [Болдырев 2006; Болдырев, Беседина 2007; Кубрякова 1992, 1994, 2004; Минский 1978; Филмор 1988]. Вторая ветвь исследований основывается на содержательной специфике и области определения единиц концептуальной системы. В связи с этим выделяются культурные, этнические, территориальные, языковые концепты, фиксирующие различные типы знания о реалиях действительности, о внутреннем мире человека, собственно языковые знания [Бабушкин 1996; Болдырев 2000; Болдырев, Куликов 2006; Карасик 2002; Степанов 2004].

В рамках когнитивной парадигмы лингвистических исследований язык исследуется как репрезентация результата процессов концептуализации и категоризации, протекающих в человеческом сознании при освоении действительности. Суть этих процессов сводится к обработке эмпирических данных, поступающих в мозг человека из окружающей среды, и образованию взаимосвязанных представлений и понятий. Одним из способов познания при освоении действительного мира является перцепция, представляющая собой психический процесс, в ходе которого происходит анализ и осмысление получаемой через органы чувств информации об окружающем мире, обеспечивающий отражение объективной реальности в сознании и ориентировку в окружающем мире [БЭС 1991:765].

Когнитивно-семантические исследования языка позволяют выявить в семантике языковых единиц перцептивный компонент, указывающий на тот или иной способ отображения действительности в нашем сознании. Объяснение этому можно найти в теории двухуровневой категоризации знания в языке [Кравченко 1996:56].

Первый уровень представляет собой чувственное знакомство с миром, которое носит невербальный, ситуативно-психологический характер. На втором уровне осуществляется концептуализация, категоризация и

вербализация полученных перцептивных знаний, что ведет к формированию концептуальной модели действительности. С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что в основе всего процесса познания, даже в его отвлеченных, абстрактных формах, лежат чувственные образы [Рубинштейн 2002:65].

Отражение чувственного восприятия в языке порождает перцептивность как лингвистическую категорию [Муравьева 2008]. В лингвистических работах перцептивность определяется как наличие в семантике языковых единиц указания на определенную перцептивную модальность [Лаврова]. Перцептивная модальность, в свою очередь, представляет собой психофизиологическую категорию, определяемую как принадлежность ощущения или сигнала к определенной сенсорной системе: зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной или вкусовой [Психологический словарь:89]. Модальность восприятия указывает на канал, по которому человек получает информацию из внешнего мира. В психологии принято выделять три основные модальности: визуальную, аудиальную и кинестетическую. Слова, относящиеся к той или иной модальности, указывающие на перцептивный канал, задействованный говорящим, называются сенсорными (или перцептивными) предикатами [Холл:57].

Перцептивные ощущения человека неравноценны с точки зрения их роли в процессе концептуализации действительности. Они образуют определенную иерархию. Традиционно считается, что за счет зрения мы получаем не менее 80% информации об окружающем мире, доля слуха составляет 15%, оставшиеся 5% делят между собой тактильные, обонятельные и вкусовые ощущения [Психология: Учебник для вузов:86].

Неравноценность перцептивных ощущений находит свое отражение в словарном составе языка. По наблюдению лингвистов, самой многочисленной и разнообразной является лексика зрительного восприятия. Второе место по численности занимает лексика слухового восприятия [Апресян Ю.Д. 1995, Вежбицкая А. 1996]. Объяснением этому может служить тот психологический факт, что именно данные виды чувственного

восприятия имеют наиболее тесную связь с мышлением. Зрение и слух в большей степени, чем осязание, обоняние и вкус «эмансипированы от физиологии, телесных, сенсорных характеристик жизнедеятельности человека» и обращены к интеллекту [Авдевина].

В индивидуальном лексиконе процентное соотношение сенсорных предикатов варьируется в связи с тем, что у каждого человека можно выделить основную модальность, которая играет определяющую роль в его взаимодействии с окружающим миром. Для одного человека мир – это, прежде всего, то, что он видит, для другого мир наполнен звуками, для третьего мир состоит из запахов и т. д.

Исследования перцепции с применением методики концептуального анализа свидетельствуют о том, что чувственное восприятие осмысливается как ситуация и отражается в сознании в виде концепта-фрейма, включающего в себя следующие компоненты: *субъект восприятия + акт восприятия + объект восприятия*. Наряду с ядерными слотами, фрейм «чувственное восприятие» может включать в себя и такие факультативные слоты, как орудие перцептивного действия, характеристика действия (временная, количественная, качественная), цель действия, качество объекта восприятия и др. [Колесов И.Ю. 2008; Борейко Т.С. 2006].

С учетом чисто лингвистического фактора в перцептивной лексике можно выделить такие виды предикатов, как интрамодальные, полимодальные и кроссмодальные, а также перцептивные гиперонимы [Рузин 1995].

Интрамодальные предикаты – это лексемы, сфера применения которых ограничена одним перцептивным модусом. Так, например, «красный» относится к модусу цвета, а «громкий» – к модусу интенсивности звука. *Полимодальными* предикатами называются лексемы, соотносимые с несколькими модусами. Например, прилагательное «гладкий» означает такое качество поверхности, которое воспринимается как наощупь, так и зрением, а сладким может быть как вкус, так и запах. К *кроссмодальным* предикатам

относят лексемы, соответствующие определенной модальности в своем прямом значении, но метафорически переносимые в другую модальную сферу. Например, в словосочетании «мягкий голос» кинестетический предикат «мягкий» метафорически употребляется для характеристики аудиального качества голоса, выступая в данном контексте как аудиальный предикат. Перцептивные *гиперонимы* представляют собой слова, содержащие в своей семантике указание на сферу чувственного восприятия в целом без спецификации сенсорного канала, такие как «воспринимать», «чувствовать» и др.

Особого внимания заслуживает перцептивность при изучении художественного произведения, в котором она может использоваться автором как средство кодирования смысла путем символизации, как инструмент в построении художественной модели действительности. При анализе данной категории текста вскрывается мироощущение автора: «видящий» писатель (В.В. Набоков), писатель с «чутким слухом» (И.А. Бунин) и т. д. [Авдевина].

Восприятие как особый способ познания действительности

В последние десятилетия заметно возрос интерес к лексике, относящейся к сфере восприятия и ощущений человека, появилось значительное число научных работ, посвященных перцептивной лексике. Ощущение и восприятие – это краеугольный камень, на котором строятся все наши представления о внешнем мире. Вся информация окружающего мира поступает к нам через ощущения и обрабатывается нашим восприятием для дальнейшего использования. В Большой советской энциклопедии термин «восприятие» толкуется как сложная система процессов приема и преобразования информации, обеспечивающая организму отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире. Восприятие вместе с ощущением выступает как отправной пункт процесса познания, доставляющий ему исходный чувственный материал. Будучи необходимым условием процесса познания, восприятие в этом процессе всегда неким

образом опосредуется деятельностью мышления и проверяется практикой [Зинченко 1971:123].

В психологии ощущение описывается как «самое первое соприкосновение внутреннего мира человека с внешним миром посредством сенсорной системы. Через ощущения мы узнаем о цвете, вкусе, запахе, движении, положении в пространстве и многом другом в окружающем и нашем внутреннем мире. Благодаря ощущениям появляются целостные, предметные восприятия» [Психология ощущений]. Восприятие – это отражение предметов и явлений в совокупности свойств и частей при непосредственном воздействии их на органы чувств. Оно включает в себя прошлый опыт человека в виде представлений и знаний. Процесс восприятия протекает в связи с другими психологическими процессами личности: мышлением, речью, чувствами, волей. В современных психологических и лингвистических исследованиях восприятие понимается как когнитивный процесс, который формирует сенсорный уровень познания, являющийся базовым для всей когнитивной деятельности человека [Кубрякова и др. 1997:21]. Когнитивная деятельность в широком значении – деятельность, в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию, т.е. мыслительная деятельность, приводящая к пониманию (интерпретации) чего-либо. Когнитивная деятельность соотносится напрямую с понятием мышления, но относится прежде всего к процессам, сопровождающим обработку информации и заключающимся в создании особых структур сознания. В когнитивной деятельности участвуют разные системы переработки информации, а потому образуемые структуры сознания нетождественны и зависят от того, по какому каналу пришла к человеку информация [Там же:51–52].

Зрение – подсистема восприятия

Учитывая биологическую роль зрения в жизни человека, некоторые исследователи берутся утверждать «визуальную ориентированность» [Рябцева 2005:230] как всего человеческого интеллекта, так и языка, им

порождаемого, указывают на использование разных параметров зрительного восприятия – его ракурса, места и модуса – в формировании значения [Верхотурова 2004:14].

Также подчёркивается преимущественно визуальная база для многих абстрактных категорий [Филатова 2009:41]. На различном языковом материале демонстрируется первазивность регулярной многозначности зрительной лексики: например, «все глаголы зрительного восприятия в русском языке могут обозначать интеллектуальное восприятие абстрактных понятий» [Чудинов 1984: 21].

«Глаза — это окна нашего мозга, через которые мы воспринимаем внешний мир. И через эти же окна мы можем постигнуть многие функции мозга» [Грегори 1970:10]. Зрительное восприятие как когнитивный процесс является неотъемлемой частью познания и интегрировано в целостную когнитивную деятельность человека, включающую помимо эмпирической обработки данных, их понятийное и интерпретативно-оценочное осмысление. Важным является понимание того, что полноценное зрительное восприятие предполагает не просто формирование целостного зрительного образа, а его категоризацию и концептуализацию, т.е. процессы, позволяющие осмыслить данный образ на основе предыдущего опыта человека, его знаний. В языке связь зрительного восприятия и ментальной деятельности репрезентирована в семантике определенных языковых единиц, как отдельных слов, словосочетаний, так и целого предложения.

Говоря о связи зрительного восприятия с психической и эмоциональной сферами, нельзя не отметить и синергическую связь всех модусов восприятия в процессе познания. Только благодаря совместной работе всех органов чувств человек может полноценно существовать в мире, осознавать этот мир и себя в нем: «Зрительное восприятие аккумулирует многочисленные источники информации наряду с теми, которые воспринимаются глазом, в то время когда мы наблюдаем объект. В процесс восприятия также включаются и знания об объекте, полученные ранее из

прошлого опыта, а этот опыт не ограничивается зрением, а предполагает комбинацию и других ощущений: осязательных, вкусовых, обонятельных, слуховых, а, возможно, и температурных, и болевых» [Там же:14].

Зрение — подсистема восприятия (наряду со слухом, обонянием, осязанием, вкусом). Семантический примитив «видеть» — основной перцептивный глагол, содержащий ментальные значения: 1) представлять, 2) считать, 3) понимать, 4) узнавать, т. е. такой глагол, семантика которого соприкасается с интеллектуальной, эмоциональной и речевой сферами человека.

Одной из особенностей рецепторного восприятия является нерасторжимая связь в акте восприятия того, кто воспринимает, посредством чего воспринимается и что воспринимается. Эта особенность обуславливает единство субъектно-объектных отношений в семантике перцептивных слов. Ситуация зрения включает двух основных участников: того, кто видит, смотрит, и то, что видится, а также отношения между субъектом и объектом зрения. Субъект зрения может не только пассивно «видеть», но и активно «смотреть» (всматриваться, высматривать). Поэтому ситуацию зрения обслуживают четыре типа глаголов и глагольных выражений: видеть – быть видимым – смотреть – бросаться в глаза. Эти глаголы задают основной лексикографический тип в сфере лексики зрения. Зрение локализуется в органе восприятия – глазе, поэтому единство акта зрения (кто видит - что видит) подразумевает и комплексный анализ этого единства, т. е. анализ и самого видения, зрения – семантику «глаза».

Одной из особенностей рецепторного восприятия является нерасторжимая связь в акте восприятия того, кто воспринимает, посредством чего воспринимается и что воспринимается. Эта особенность обуславливает единство субъектно-объектных отношений в семантике перцептивных слов.

В теоретическом аспекте необходимо иметь в виду, что «зрительное и, чуть в меньшей степени, слуховое восприятие требует все новых и новых выразительных средств. Глоссарий именно этих систем обслуживает

наибольшее число коммуникативных ситуаций и быстрее изнашивается от постоянного употребления» [Апресян 1995:127].

Именно в сфере лексики зрительного восприятия часто сосредоточиваются «словесные» усилия писателя, пытающегося не только выразить свое оригинальное видение мира, но и описать это видение оригинально [Карпов].

Слуховое восприятие

Слух, как и зрение, традиционно считается одной из основных перцепций в жизнедеятельности человека. Это те два модуса, которым посвящено наибольшее число психологических исследований. Тем не менее, как отмечают психологи, "мы знаем намного больше о зрении, чем о слухе" [Рузин 1994:84]. Почти не обсуждался, в частности, вопрос об изучении целостного слухового образа [Носуленко 1988].

Психологический словарь под редакцией И. Кондакова дает такое определение термина *слуховое восприятие*:

способность воспринимать звуки и ориентироваться по ним в окружающей среде при помощи слухового анализатора. Отражение процессов окружающего мира в слуховой системе происходит в форме звукового образа, в котором можно выделить три параметра:

- громкость, которая соотносится с интенсивностью звукового раздражителя;
- высоту, соответствующей частоте,
- тембр, или "окраска" (для сложных звуков), который соответствует структуре звукового спектра [Психологический словарь 2000:352].

В психологии, говоря о классификации звуковых параметров, различают, с одной стороны, физические характеристики звука, а с другой - психические. Звуки как объекты слухового восприятия подразделяются по природе источника на натуральные и искусственные, а по информационному содержанию – на коммуникативные и характеризующие среду [Там же:70].

Психологически большинство звуков воспринимаются как эталонные: "даже при прослушивании незнакомых звуков испытуемые пытаются найти для них некоторый аналог среди знакомых звучаний" [Там же:105], и далее: "правильное опредмечивание любого звука является неременным условием для формирования адекватного слухового образа" [Там же:109].

Большинство атрибутов звука не эталонны (прерывистый, тихий, монотонный). Однако у звука имеется и довольно много атрибутов, ориентированных на эталон. Все они денотатные, но очень четко подразделяются на два типа:

1. Иногда в качестве эталона для сравнения может выступать именование источника звука: он говорил мягким, кошачьим голосом, я услышал почти человеческие звуки и т.д. Здесь заслуживают внимания несколько моментов: во-первых, в качестве источников для сравнения выступают преимущественно живые существа (трудно сказать: Я услышал дверной! тележный! водопадный звук, употребляя эту фразу не по отношению к источнику, а к характеристике самого звука).

2. В большинстве случаев эталоном выступает именование самих звучаний. При сравнении двух фраз: Он рассмеялся неприятным каркающим! лающим смехом и Он рассмеялся неприятным вороньим! собачьим смехом - первая воспринимается в большей степени как обозначающая сам характер звучания (на что похож издаваемый смех), в то время как вторая, если вообще признать ее приемлемость, несет совсем другие коннотации. К этому классу примыкают выражения типа львиный рык, кошачье мяуканье, собачий лай. Как кажется, в этом случае мы имеем дело не с качественными, а с относительными прилагательными и даже при уподоблении исходим из номинации звучания, а не номинации источника (вместо его ответа я услышал львиный рык - трудно представить употребление в этой фразе нейтрального звук/голос вместо специфического звукоизобразительного рык) [Рузин 1994:86].

Как утверждает Семкова А.В., ситуация слухового восприятия обнаруживает следующие параметры:

- 1) «субъект слуховой перцепции», выступающий только в данной роли;
- 2) «объект слуховой перцепции», воспринимаемый только с помощью органов слуха;
- 3) «акт восприятия»;
- 4) «локализованность субъекта и объекта в едином физическом пространстве»;
- 4) «одновременность звукового события и акта восприятия» [Семкова].

В роли субъекта слуховой перцепции может выступать одушевлённое существо либо механизм, способный воспринимать звуковой сигнал и управляемый человеком. Субъект слухового восприятия всегда конкретен, и в прототипической ситуации он выступает только в роли субъекта восприятия. В реальности эта роль почти всегда оказывается неотделимой, например, от роли субъекта осмысления информации, поступающей через слуховой канал, так как восприятие, по мнению психологов, – неотделимый от мышления процесс. Несмотря на это, исследователи выделяют «чистую» прототипическую ситуацию восприятия, или модель, которая служит «точкой отсчёта» [Хакимова 2005:31]. Данная модель и принимается за основу при описании прототипической ситуации слухового восприятия.

Параметр «объект слухового восприятия» нуждается в уточнении его характеристик. Исходя из представления о прототипической ситуации восприятия, объект прототипической ситуации должен иметь событийный (звук) характер, поскольку в отличие от зрительного восприятия, которое «может в равной степени охватывать и статику, и динамику», «слуховое восприятие отвечает только динамическому аспекту мира» [Арутюнова 1999:40]. Восприятие происходит на уровне, который когнитивисты называют базовым. К объектам базового уровня относятся материальные предметы, воспринимаемые действия [Муняева 2007:69]. Поскольку речь идёт о физическом восприятии, воспринимаемые звуки относятся к

объективному материальному (реальному) миру, а объектом слухового восприятия является субстанция, существующая отдельно от человека.

Некоторые психологические особенности нашли свое отражение при лексическом толковании самой лексемы *слух*. Так, словарь С.И. Ожегова дает следующее определение:

–а, м. I. Одно из внешних чувств человека и животного, органом к-рого служит ухо, способность воспринимать звуки. Острый с. Воспринимать на с. Превратился (обратился) в с. кто-н. (начал внимательно слушать). 2. Способность правильно воспринимать и воспроизводить музыкальные звуки. Музыкальный с. Абсолютный с. Играть по слуху или на с. (без нот). 3. Молва, известие о ком-чем-н. (обычно еще ничем не подтвержденное). Пустить с. Ложные слухи. Не всякому слуху верь (поел.). Слухом земля полнится (поел.). * Ни слуху ни духу о ком-чем (разг.) – нет никаких известий. На слуху что (разг.) – о том, что постоянно звучит, слышится в речи, в разговорах. || прил. слуховой, -ая, -ое (к Г и 2 знач.). С. нерв. С. аппарат (для людей с ослабленным слухом). * Слуховое окно – окно на чердаке, в крыше [Толковый словарь 1986:560].

Отметим также, что модальность слухового восприятия отражается в двух типах предикатной лексики – в лексике слуха (обозначения процессов слухового восприятия) и в лексике звучания. Лексика звучания в литературном языке богата и разнообразна. В ней выделяются предикаты-глаголы, обозначающие процесс звучания, и предикаты-прилагательные, характеризующие различные качества звука [Васильев 2005:170, 227].

Осязательное восприятие

Процесс осязательного восприятия был подробно изучен психологами Б.Г. Ананьевым, Б.Ф. Ломовым, Л.М. Веккером, А.Р. Лурией, а лексика восприятия, в том числе и осязательного, лингвистами Г.Е. Крейдлиным, М. Эпштейном, Ю.Д. Апресяном и др.

Рассматривая частные формы человеческого восприятия, А.Р. Лурия определяет осязание как сложную форму чувствительности, включающую в свой состав как элементарные, так и сложные компоненты [Лурия 2006:129].

К первым относятся ощущение холода-тепла и ощущение боли, ко вторым – собственно осязательные ощущения (прикосновения и давления) и кинестетическая чувствительность, позволяющие определить положение конечностей в пространстве [Там же:130].

Существует еще более сложная форма осязательного восприятия, при которой человек на ощупь может определить форму предмета, а иногда и узнать сам предмет. Покоящаяся рука может уловить лишь отдельные признаки воздействующего на нее неподвижного предмета (его температуру, размер, реже особенности его поверхности), но не может уловить ни его формы, ни той суммы признаков, которой он отличается. Естественно, что в этих условиях ни о каком сложном восприятии предмета не может быть и речи. Чтобы перейти от оценки отдельных признаков к осязательному восприятию целого предмета, необходимо, чтобы рука находилась в движении, т.е. пассивное восприятие заменилось активным ощупыванием предмета [Там же:133]. Твердость, упругость, непроницаемость – основные свойства, которыми определяются материальные тела, познаются движущейся рукой, отображаясь в ощущениях, которые она нам доставляет. Различие твердого и мягкого распознается по противодействию, отражающемуся в степени давления друг на друга суставных поверхностей.

Взаимодействие различных видов кожной чувствительности, главным образом опять-таки движущейся руки, отражает и ряд других свойств материальных тел, как-то: вязкость, маслянистость, гладкость, шероховатость и т.д. Шероховатость и гладкость поверхности мы распознаем в результате вибраций, которые получаются при движении руки по поверхности, и различий в давлении на смежных участках кожи [Рубинштейн 2003:198].

Лингвисты используют данные психологии об осязательном восприятии при изучении человека в языковой картине мира. Как известно, языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [Кругосвет]. В статье «Образ человека по данным языка» Ю.Д. Апресян на основании анализа обширного круга русской лексики, описывающей действия и состояния человека, предлагает следующее его описание.

Человек в русской языковой картине мира предстает прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. Ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние и внутренние воздействия. Каждым видом деятельности, типом состояния или реакции ведает своя система, которая локализуется в определенном органе. Почти всем системам соответствует свой семантический примитив (т.е. элементарная, неразложимая единица семантического метаязыка, из которых строятся толкования). Таких систем у человека восемь:

- 1) физическое восприятие;
- 2) физиологические состояния;
- 3) физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия;
- 4) физические действия и деятельность;
- 5) желания;
- 6) мышление, интеллектуальная деятельность;
- 7) эмоции;
- 8) речь.

Физическое восприятие (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) локализуется в органах восприятия (глаза, уши, нос, язык 1, кожа). Семантический примитив – «воспринимать» [Апресян 1995:355].

Е.В. Урысон, рассматривая модель восприятия в русском языке, говорит об органах восприятия, отраженных в наивной картине мира. Глагол *осязать* толкуется автором как «воспринимать что-либо телом» и, следовательно, выражает «пассивное восприятие». Е.В. Урысон подчеркивает, что в русском языке нет специальной языковой единицы для той части тела, которая осязает. Мы знаем, что это подушечки пальцев и, возможно, ладонь, точнее – кожа этих частей руки, но русский язык не выделяет их в качестве «органа осязания», но какое-то очень слабое, представление об органе просвечивается. Ср.: Осязание участвует в восприятии организмом величины, формы и характера поверхности предметов внешнего мира. Однако крайне странно звучит «воспринимать осязанием». Таким образом, с точки зрения русского языка человек осязает только частями тела – никаких невидимых органов осязания у человека нет.

Е.В. Урысон в своей статье обращает внимание не только на органы восприятия, но и на то, что воспринимается человеком. Когда человек осязает что-либо, он тоже, очевидно, воспринимает лишь какие-то частные аспекты предмета: фактуру, форму и величину.

Однако для данного, воспринимаемого осязанием аспекта предмета в русском языке нет однословного выражения – при том, что есть прилагательные, характеризующие фактуру предмета, ср. гладкий, шелковистый, бархатистый, шершавый, шероховатый и т.д.

Тем самым, в этом месте восприятия мы опять сталкиваемся с лакуной [Урысон 2003:85].

По мнению Е.В. Урысон, человек совершает активные действия, когда воспринимает на ощупь: щупает. Щупать – «трогать пальцами X, для того чтобы ощущать его». Ср. Я щупаю ткань и ощущаю жесткий ворс.

Е.В. Урысон, как и Г.Е. Крейдлин, отмечает, что «*осязать* – достаточно редкий глагол, употребляемый, главным образом, в переносном значении; ср. Месть лишь тогда сладка, когда имеешь возможность видеть и осязать ее плоды [А.П. Чехов, цит. по: Урысон]. В толкование *щупать* входит указание на определенную часть тела – пальцы. Однако пальцы – это не орган осязания, а инструмент ощупывания, являющийся одновременно и частью тела субъекта. Точнее, пальцы – это орган-инструмент, с помощью которого человек щупает. Тем самым, ситуация *щупать* предполагает нового участника: инструмент ощупывания [Урысон 2003:88].

Таким образом, в русском языке, по словам Е.В. Урысон, каждый глагол, выражающий пассивное восприятие, имеет парный глагол, обозначающий соответствующее активное действие: *осязать* – *щупать*.

Ю.Д. Апресян полагает, что каждая из восьми систем человека имеет определенную внутреннюю организацию; системы взаимодействуют и образуют определенную иерархию.

Первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый – тот, кто воспринимает, второй – то, что воспринимается. Поэтому можно предсказать существование по крайней мере двух серий глаголов, называющих состояния первого и второго участников ситуации восприятия соответственно: *видеть* – *быть видимым* (кому-л.).

Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире. Поэтому в принципе возможна еще одна серия глаголов – типа *смотреть*. В результате получается тернарная оппозиция смыслов: «*воспринимать*» – «*восприниматься*» – «*использовать способность восприятия*».

Поскольку есть пять подсистем восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), каждая из которых в идеале должна обслуживаться тройкой глаголов (не считая, конечно, их синонимов), восприятие в целом может быть представлено таблицей (семантической парадигмой) $3 \times 5 = 15$. Из этих 15

языковых единиц нас интересуют три, представляющие осязание [Апресян 1995:357].

В русской языковой картине мира осязание, по мнению Ю.Д. Апресяна, представлено следующим образом:

Осязать – быть на ощупь – ощупывать Ср. Он находил в этом глубокое наслаждение: не нужно было иметь дела со зримыми, слышимыми, *осязаемыми* фигурами, которые своей вычурной резьбой, деревянной своей вещественностью, всегда мешали ему, всегда ему казались грубой, земной оболочкой прелестных, незримых шахматных сил [ЗЛ]. Лужин удивился, как похожа она *на ощупь*... [ЗЛ]. Через минуту он вернулся, сопровождая господина, который, попав в круг света, схватил со стола трубку, другой рукой *нащупал* сзади себя спинку кресла [ЗЛ].

Как мы видим, в русском языке клетки семантической парадигмы, для которых отсутствуют однословные выражения, заполняются свободными или полусвободными словосочетаниями. Следует отметить, что слово *осязать* в повседневном русском языке используется крайне редко, но как метаслово вполне пригодно [Крейдлин 2004:423].

Глагол *осязать* находится в деривационных отношениях с существительным *осязание*.

В толковом словаре С.И. Ожегова даются следующие дефиниции лексем *осязать* и *осязание*:

Осязать – воспринимать осязанием, на ощупь. *Осязание*: ощущение давления, тепла, холода, возникающее при прикосновении кожи к чему-н. *Осязание* – одно из пяти основных внешних чувств. *Осязаемый*: 1. Воспринимаемый осязанием. *Осязаемый мир*. *Осязательный*: 1. Служащий для осязания. *Осязательный орган* [Словарь Ожегова:399].

Русские глаголы *ощупь*, *ощупывать* толкуются следующим образом. *Ощупь* – на ощупь – при ощупывании. Определить опухоль на ощупь. *Ощупывать* – пощупать со всех сторон с целью медицинского осмотра, исследования. *Ощупать больного* [Там же:419].

Необходимо отметить, что в состав осязательного восприятия входят температурные ощущения (тепла и холода), ощущения боли, собственно осязательные ощущения (прикосновения и давления) и кинестетическая чувствительность.

Многие лингвисты изучают лексику осязания, классифицируя ее, исходя из видов ощущений, входящих в состав осязательного восприятия. Что касается прилагательных, то их принято классифицировать, исходя из признаков (температура, поверхность, размер, форма) и свойств внешнего и внутреннего строения объектов (твердость, упругость, непроницаемость, влажность, вязкость, маслянистость, гладкость, шероховатость) [Рузин 1995].

Ведущими частями речи при изучении осязания являются глаголы, выражающие действие, и прилагательные, выражающие признаки предметов. Не случайно Ю.Д. Апресян на основании анализа обширного круга лексики предлагает представить осязание в виде тернарной оппозиции: *осязать – быть на ощупь – ощупывать*.

Таким образом, на современном этапе развития гуманитарной науки, в различных ее отраслях, ведущее место занимает антропоцентрическая концепция, в рамках которой человек, его психические и душевные свойства выступают в качестве основного объекта исследования ряда наук, в частности когнитивной лингвистики, предпосылки для возникновения которой были сформулированы еще в работах И.А. Бодуэна де Куртене.

В рамках когнитивной лингвистики в целом, а также в сфере одного из ее направлений, лингвокультурологии, актуальным становится изучение сферы человеческого восприятия окружающей действительности посредством органов чувств, а также вербализацию его в русском языке.

1.3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ. ЭМОЦИИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Закирова Р. Р., Фахрутдинова А. В., Кондратьева И.Г.

Языковая картина мира. Определение. Характеристики

Современное человечество невозможно представить без своей культуры, менталитета и языка. В мире много народов, национальностей. У каждого народа есть своя культура, история и язык. И счастлив тот народ, который сумел развить, сохранить и изучить все вышеперечисленные богатства. С помощью языка человечество воспринимает и изучает культуру, историю и все те явления, которые нужны для цивилизованного общества. У каждого народа присутствуют особые, только ему известные пути мироощущения, мировосприятия и мировоззрения, которые создают основу национальной оценки реалий окружающей действительности. Индивидуальная языковая картина мира – это восприятие и оценка мира отдельной языковой личностью. Исследование языковой картины мира, в наше время, является очень важным моментом. Язык при этом понимается как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации.

Феномен «картина мира», является таким же древним, как и сам человек. Реалия, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время. Понятие картины мира находится в настоящий момент в стадии своего формирования: предпринимаются первые попытки построения его развернутого определения и раскрытия смысла; обсуждаются вопросы о том, как разумно теоретически ограничить картину мира от близких феноменов, как довольно точно охарактеризовать и выявить свойства и формы ее существования.

Термин «картина мира» был выдвинут в рамках физики в конце 19 – начале 20 вв. Одним из первых этот термин стал употреблять Г.Герц [Герц 1914] применительно к физической картине мира, трактуемой им как

совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получить сведения относительно поведения этих предметов.

М. Планк различал практическую картину мира и научную картину мира. С первой он связывал целостное представление человека об окружающем мире, которое вырабатывается им постепенно на основании своих переживаний. Научную картину мира он трактовал как модель реального мира в абсолютном смысле, независимо от отдельных личностей и всего человеческого мышления. Всякая научная картина мира, по Планку, имеет лишь относительный характер, и создание такой картины мира, которая представляла бы собой нечто окончательно реальное, и не нуждалось бы, следовательно, больше ни в каких улучшениях, он считает недостижимой задачей [Планк 1966: 50].

Первоначально под научной картиной мира понимали достигнутые и доказанные результаты науки. В настоящее время под научной картиной мира понимается «система наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки, из которых дедуктивно выводятся основные положения данной науки» (См. Гвоздева А.А. [Косарева 1997: 96].

Параллельно с разработкой понятия картины мира в рамках рефлексии над наукой и внутринаучной рефлексией самих ученых картина мира и мировидение изучалась в культурологических и лингвосемантических работах. Начиная с 60-х годов прошлого столетия, проблема картины мира рассматривается в рамках семиотики при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, прозы, кино, живописи, архитектуры и т.д.) [Гвоздева 2004: 10].

В рамках лингвистики проблема восстановления древней модели мира возникла естественным образом в связи с необходимостью реконструкции семантики текстов в широком смысле слова. Было выдвинуто

предположение, что модель мира может быть описана как набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира практический универсальный характер [Иванов, Топоров 1995: 6].

Настоятельная потребность в выдвигании понятия «картина мира» в различных сферах человеческой деятельности возникает обычно в двух случаях: при необходимости осмыслить ситуацию поливариантности сосуществующих в этой области позиций и ситуацию последовательно сменяющих друг друга парадигм. Как первый, так и второй случай могут опираться на источники других типов: на описания, произведенные изнутри общества, имеющего эту картину мира («самоописание») и на «иноописания», произведенные внешними наблюдениями [Раевский 1995: 209].

При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходит из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. При этом предполагается, что человек отражает эту действительность правильно, и так же правильно эта действительность отражается в языке.

На самом деле все эти процессы выглядят значительно сложнее. Прежде всего, следует заметить, что человек никогда не в состоянии отразить окружающий мир во всем его многообразии, целиком и полностью. Познание окружающего мира – всегда процесс, иногда довольно длительный. Отражать явления окружающего мира и их закономерные связи способен только человеческий мозг. Результаты его познавательной работы закрепляются в понятиях. Звуковой комплекс сам по себе ничего не отражает.

Объем сведений о предмете, заключающийся в минимуме дифференциальных признаков, может быть очень невелик. Минимум дифференциальных отличительных черт у всех говорящих на данном языке одинаков. Свойство слова – возбуждать этот минимум и указывать, что скрывается за данным звуковым комплексом, - и превращает язык в очень

удобное средство общения людей. Сумма дифференциальных признаков, однако, не раскрывает полностью сущность предмета. Она существует в сознании, а звуковой комплекс чаще всего базируется на каком-то одном признаке [Гвоздева 2004: 28].

Язык не располагает очень большим количеством выразительных средств. Эти средства в любом языке более или менее ограничены, неполны или недостаточно совершенны. Хорошо известно, что мысль одного человека, чтобы стать достоянием другого человека, должна принять чувственно воспринимаемую форму. Известная ограниченность средств выражения в языке не позволяет ему создать идеальное средство выражения.

Важным этапом в процессе создания словесного знака является наделение его значением. Номинация, по какому либо признаку, является часто техническим языковым примером. Признак, выбранный для наименования, далеко не исчерпывает всей сущности предмета, не раскрывает всех его признаков.

С самого начала появления слова возникает конфликт между содержанием и формой выражения, и язык пытается этот конфликт устранить. Язык всегда стремится устранить неадекватность слова, которая может возникнуть по той причине, что в основу наименования кладется название какого-либо одного признака, тогда как действительное значение основывается на сумме признаков. Этим можно объяснить бесспорный факт, что многие слова в различных языках мира не поддаются этимологизированию.

Пользуясь языком люди, в каком-то количестве предложений, так или иначе, раскрывают свои знания о различных предметах и раскрывают их сущность. Но описание самого процесса очень трудно и технически мало осуществимо.

Существуют факторы, затрудняющие детальное познание сущности предметов. Не следует, однако, думать, что для познания любого предмета

или явления действительности необходимо знать огромное количество его различных свойств и особенностей.

По сравнению с языком мышление, как правило, богаче своим содержанием и подвижнее. Процесс мышления заключается в образовании все более новых связей между различными представлениями и понятиями, для него характерна «текучесть». Слова же устойчивее, консервативнее, чем понятия, и в этом смысле менее адекватно отражают процесс развития действительности [Бирюков 1997: 68].

Способность человеческого мозга отражать картину мира не всегда означает, что эта картина отражается правильно, оно не свободно от ошибок и заблуждений.

Человек никогда не смог бы более или менее правильно познавать окружающий мир, если бы он не располагал эффективными способами корректирования допущенных ошибок, средствами более глубокого познания сущности окружающих его предметов и явлений. Другим мощным средством в познании окружающего мира является жизненная практика, опыт. Познание окружающего мира фактически невозможно без известной суммы накопительных знаний. Следует отметить, что понятие картины мира до настоящего момента еще не сформировались.

В последнее время особый интерес лингвистов вызывают проблемы «человек и язык», «язык и культура». Становится все более очевидным, что исследование языка должно выйти за его рамки, только обращения к человеку – творцу языка, к конкретному национально-языковому материалу недостаточно.

Современная лингвистика, обращаясь к проблеме языка и культуры, стремится избежать одностороннего детерминизма и не решать, что первично, а что вторично – язык или культура. Скорее всего, этот детерминизм взаимный. Правильнее искать соответствия между структурами языка и культуры. Воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии процесса общения в разных культурах, что сказывается не только на

особенностях лексики и грамматики, но и на нормативно-стилистическом укладе языка. В каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися этическими нормами.

Каждая культура неповторима и индивидуальна. Она вбирает свойственную лишь ей систему организации элементов опыта. Сами по себе они не всегда уникальны и могут повториться во многих других культурах. Именно через национальную индивидуальность, культуру каждый отдельный человек входит в человечество, входит как национальный человек. По определению В.В. Дубичинского, культура – это совокупность общественных отношений и ценностей определенной нации. В каждом национальном языке отражается своеобразная неповторимость, которая и отличает одну национальную культуру от другой. Национальная культура может быть таковой, если обладает языковым материалом, способным передать не только опыт своего народа, но и опыт всего человечества [Дубичинский 1995: 83].

Национальный образ мира формируется из целостности национальной жизни. Природа, стихия, быт, фольклор, язык, образность поэзии, соотношение пространства и времени и их координат – все это составляет, «основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов... определяет затем и склад мышления, Логос народа» [Гачев 1988: 86].

Язык отражает способ восприятия мира, свойственный нации. Выражаемые в нем значения складываются в определенную систему взглядов, формируют своеобразную коллективную философию, которая становится обязательной для всех носителей языка. Способ концептуализации действительности в каждом языке универсален и специфичен, поэтому люди, говорящие на разных языках, воспринимают мир немного по-разному, через призму своих языков. Как сказал известный русский поэт П.А. Вяземский, «язык есть исповедь народа, в ней слышится его природа, его душа и быт народа» [Кушу 2004: 13].

В результате взаимодействия человека с внешним миром складываются его представления об этом мире, о различных сторонах окружающей действительности, формируется многомерная модель мира. Она создает знаковый образ действительности, ее интерпретацию. Все знания человека о мире, полученные им в течение жизни существуют в его сознании в виде картины мира, которая определяет отношение человека к реальности, оказывает влияние на нормы поведения, на становление системы ценностей, социально детерминированных императивов и запретов, на способы осознания человеческой субъективности.

Языковая картина мира – это «интерпретативно-творческий акт постижения», результатом которого является «мировосприятие человека, его культура, социальное поведение, убеждение, мнение» [Диброва 1996: 3]. Также языковую или наивную картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных, бытовых, житейских представлений о мире. Поскольку языковая картина мира закреплена и выражена в языке, в его лексике и значимых грамматических категориях, то методом описания того или иного конкретного языка. Очевидно, что «только обобщая результаты тщательного семантического анализа лексем и граммем, относящихся к выбранному семантическому полю, исследователь может делать правдоподобные выводы о том, как членится языком выбранный кусочек действительности, какие атрибуты вещей и ситуаций трактуются языком как существенные, какие им игнорируются» [Урысон 2003: 12].

Языковая картина мира соответствует способу мышления, присущему эпохе, духовным ценностям, выработанным человечеством и существующим в национальной идиосфере языка и культуры, интерпретации общей ценностной иерархии, организующей жизнедеятельность общества на основе декларируемых целей и идеалов [Караулов 1987: 36]. Языковая картина мира формируется, с одной стороны, языковыми средствами, отражающими языковые универсалии, а с другой – языковыми средствами, закрепляющими особенности мировидения того или иного народа. Не существует единой

универсальной картины мира, а есть множество национальных картин мира, своеобразие, уникальность которых можно увидеть лишь в ходе сопоставления мировидения разных народов, говорящих на разных языках [Замалетдинов 2004: 13].

Понятие «языковая картина мира» восходит к идеям немецкого гуманиста В. Фон Гумбольдта, который писал, что родные языки – это не просто разные оболочки общечеловеческого сознания, но и различные видения мира; язык относится к тем основным силам, которые строят всемирную историю. По его мнению, «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [Гумбольдт 1984: 80].

Каждая личность должна уважать и изучать свой язык. Эстетическое отношение к языку проявляется в том, что говорящий начинает замечать сам текст, его звуковое и словесное содержание, он глубоко осмысливает красоту слов, фраз. Это отношение к языку возможно в любом виде речи, главное, чтобы для говорящего речь перестала быть только формой, только оболочкой содержания, а получила самостоятельную эстетическую ценность. Роль человеческого фактора важна для создания и изучения языковой картины мира, существующей как часть общей картины мира. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Язык участвует в двух процессах, связанных с картиной мира, а именно:

1. с помощью языка общая картина мира становится основой языковой картины мира;
2. сам язык выражает другие картины мира человека, которые через специальную лексику входят в язык [Постовалова 1988: 11].

Вслед за В.И. Постоваловой, под картиной мира, нам надо понимать «целостный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее

носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 21].

Как мы уже убедились, типология картин мира может быть построена на основе разных критериев. Так, исходя из этого, выделяются:

- 1) картина мира, общая для целой нации;
- 2) картина мира какой-либо социальной нации;
- 3) картина мира отдельной личности [Руднев 1997: 127].

Все эти картины мира, несомненно, связаны между собой: картина отдельной личности входит в картину мира социальной группы, а та, в свою очередь, входит в картину мира нации. Национальная картина мира опосредована языком, на котором говорит данная нация, культурой народа, традициями.

Мы разделяем мнение Г. Гачева, что языковая картина мира складывается из специфических, характерных для данного языка концептов, стереотипов языкового и культурного сознания. Проблема взаимоотношения языков и культур неизбежно включает в себя понятие «национальной картины мира» [Гачев 1998]. Где исследуются национальные особенности, специфика языка и культуры, стереотипы языкового и культурного сознания.

Типология картин мира может быть построена и из разновидностей духовной культуры. Например, 1) религиозная (мифлогическая), 2) научная, 3) эстетическая, 4) этическая, 5) политическая, 6) художественная [Даниленко В.П., Даниленко Л.В.: 2002]. В рамках этих картин мира также другие картины мира, например, христианская, мусульманская, индийская, древнегреческая, древнегерманская, древнеславянская и другие картины мира. То есть можно говорить о плюрализме языковых картин мира.

О.А.Корнилов, в свою очередь, предлагает типологию картин мира, исходя из «разных видов сознания», обосновывая это тем, что «результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания» ([Корнилов 2003: 4]. Автор выделяет:

- 1) научная картина мира, формируемая коллективным научным сознанием;
- 2) национальная научная картина мира (научная картина мира, запечатленная в терминосистемах того или иного национального языка), формируемая национальным научным сознанием;
- 3) языковая картина мира, формируемая обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества;
- 4) национальная языковая картина мира, формируемая обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса;
- 5) индивидуальная национальная картина мира, формируемая обыденным (языковым) сознанием отдельного человека [Корнилов 2003: 112-113].

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающий специфику его бытия. Картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром [Серебренников, Кубрякова 1988: 20]. Следует различать две картины мира: как языковая личность человек обладает концептуальной и языковой картинами мира. У каждого человека концептуальная и языковая картина мира различны. Они формируются за счет таких универсальных элементов, которые не зависят от лингвокультурного мировоззрения личности, отражают национальный характер языковой личности, а также информацией, обусловленной образованием, идеалами, социальной средой и традициями народа [Кушу 2004: 14]. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в ее образовании, по всей видимости, участвуют различные типы мышления, в том числе и невербальные. Но, не смотря на различия, обе картины мира между собой связаны. Язык, не мог бы выполнять роль средства общения, если бы не был связан с концептуальной

картиной мира. Язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира, объясняя ее содержание.

Особую роль в отображении картины мира и создании языковой картины мира играет номинативный аспект лексики, ее непосредственная обращенность к экстралингвистической реальности: «Ближе к окружающему миру находится лексика в ее номинативной аспекте – слова, именующие понятия человека, как о внешнем мире, так и о внутреннем его состоянии и различных диспозициях. В лексических единицах, рассматриваемых с ономаσιологической точки зрения, т.е. в их отношении к экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления» [Роль человеческого фактора в языке 1998: 120].

Основные лексические разряды слов играют различную роль в создании языковой картины мира. Так, А.А. Уфимцева считает, что конкретная лексика, представленная в любом языке предметными именами, обозначающие все многообразие предметного мира, включает в свою семантику информацию, находящуюся в «первом эшелоне» человеческих предметных знаний, однако на уровне отдельных наименований конкретная лексика не формирует особого видения мира, она, скорее, фотографирует предметный мир. Особое видение мира создают такие лексико-семантические разряды слов и сочетаний, формирующие и отражающие ценностную картину мира, причем с помощью незнаковых способов (экспрессивно-оценочная лексика, метафорические и другие переосмысления) [Уфимцева 1988: 140]. Кроме того, социальный и культурный опыт фиксируется не только единичными лексическими номинациями, но и коммуникативными структурами (высказывание, текст).

Лингвокультурология как научная филологическая дисциплина, приняв за основу реальность и объективность существования национального своеобразия фундаментальных ценностей культуры, предполагающих свое адекватное воплощение в языке сквозь призму мировоззрения и

ментальности «национальной языковой личности», стоит перед задачей определения и описания того, как именно культура и ее ценности воплощаются в языковых сущностях [Васильева 2001: 99].

Лингвокультурное содержание языка является не отвлеченной от языковой системы «внесистемной реальностью» [Шаклеин 1999: 191], а реальностью, существующей непосредственно в языковой системе и потому поддающийся описанию лишь в соответствии с системной принадлежностью языковых единиц. Лингвисты, отмечая различную степень «культурной информативности» или «лингвокультурной смысловой наполненности» разных уровней и единиц языка [Там же: 99], подчеркивают, что каждая языковая единица обладает своей спецификой отражения национально-культурной информации.

Акцентируя особую культурную «нагруженность» языка на уровне текста, исследователи отмечают, что именно лексико-семантический уровень языка с его «культурной информативностью» является базой, «кирпичиком» культурной информативности текста и поэтому представляет собой непосредственный и перспективный объект для лингвокультурологических исследований: «Слово – одно из основных единиц языка. И если мы вправе говорить о национально-культурном колорите языка, то его следует искать прежде всего в лексике, особенно в тех ее сферах, которые прямо или опосредованно связаны с социально-этническими и национально-культурными особенностями жизни и «среды обитания» носителей языка» [Кузнецов 1987: 14].

В последние десятилетия, как утверждает Ю.Д. Апресян, «реконструкция «наивной модели» мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе <...> понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям

наивной модели мира, как она представлена в данном языке» [Апресян 1986: 6].

Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые пути для проникновения в природу языка и его познания.

«Наивная» языковая картина мира отражает национально-культурную специфику сознания народа – носителя языка, что дает основание говорить о национальной языковой картине мира, которая складывается из мировидения представителей конкретного национально-лингвокультурного сообщества. Общечеловеческой языковой картины мира как таковой не существует, она образуется соединением составляющих ее национальных языковых картин мира [См.: Ангелова, 2005 [Перевозникова 2003: 31]].

Как отметил В.Ю.Апресян, исследования языковой картины мира может вестись в двух направлениях [Апресян 1995: 38]:

1) с одной стороны, исследуются отдельные, характерные для данного языка концепты, а также специфические коннотации неспецифических концептов (например, работы С.Г. Воркачева (2004), Н.В. Дорофеевой (2002));

2) с другой стороны, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного «наивного» взгляда на мир (например, работы Н.Д. Арутюновой (1988), А. Вежбицкой (1999), Е.В. Рахилиной (2000), Е.В. Урысон (2003), А.Д. Шмелева (2002)).

Наша работа выполняется, скорее, в рамках первого направления, так как мы на основании лингвосемантического анализа слова *моң* описываем систему представлений носителей татарского языка. Концепт «МОҢ» отражает некоторые универсальные представления, но в то же время он отличается национально-культурным своеобразием, содержит некоторые специфичные представления носителей татарского языка.

Итак, нельзя познать человека без изучения языка, и невозможно познать язык, не познав человека, в соответствии с этим язык и должен изучаться.

Лингвокультурологическое поле: истоки, структура, мнения

История развития термина «поле» начинается с двадцатых годов XX столетия и связана с именем немецкого лингвиста Йоста Трира, у которого возникла сама идея «поля», а термин был введен Гюнтером Ипсеном в 1924 году. Семантические поля Ипсена состоят из лексических единиц, которые близки друг другу по значению и по формальному признаку. Заслуживает Трира является то, что он разделил понятия «лексическое» и «понятийное» поле, выделил само понятие поля как целостной единицы содержательного плана языка и противопоставил его формальному и ономазиологическому принципам исследования языковых значений, изучив поле в историческом развитии [Ангелова 2006: 15–17].

После Трира Лео Майсгербер представил более глубокую теоретическую интерпретацию понятия поле, разграничивая социологический, психологический и философские моменты в исследовании языка. В. Порциг выделял «элементарные семантические поля», ядром которых являются либо глагол, либо прилагательное. Он также исследовал смысловые связи слов в семантических сочетаниях и анализировал синтагматические поля [Ангелова 2006: 16].

Надо отметить, что полевою теорию разрабатывали не только иностранные лингвисты, значительный вклад в развитие данной теории внесли и отечественные языковеды: А.Ю. Антомонов, А.В. Бондарко, З.Н. Вердиева, В.А. Звезгинцев, Л.М. Васильев, С.Д. Кандельсон, Ю.Н. Караулов, А.А.Уфимцева и многие другие.

З.Н. Вердиева трактует поле как «совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия» [Вердиева 1986: 4].

Согласно концепции лингвокультурологического поля, разработанной В.В.Воробьевым (1991, 1997), лингвокультурологическое поле – «иерархическая система единиц, обладающая общим языковым значением и отражающая в себе систему соответствующих понятий культуры» [Воробьев 1991:105]. Лингвокультурологическое поле образуется множеством концептов (в терминах В.Воробьева – лингвокультурем), это совокупность языковых и культурологических единиц, описывающих, представляющих, выражающих по-разному, не только синонимически, один и тот же внеязыковой феномен. Лингвокультурологическое поле одного концепта может пересекаться с лингвокультурологическими полями других концептов, участвующих в реконструкции того или иного фрагмента языковой картины мира.

Принципы построения поля, изложенные в работах вышеперечисленных лингвистов, являются общепринятыми в языкознании. Отличительными признаками полей признаны:

- 1) семантическая общность элементов группы;
- 2) наличие однородных и разнородных элементов (например, слов различных частей речи; лексем; фразеологизмов; номинативной и метафорической лексики и т.д.);
- 3) системные отношения элементов поля: парадигматические (синонимические, антонимические) и синтагматические связи;
- 4) разделение на микрополя;
- 5) динамичность поля, проявляющаяся в изменении членения поля и образования частных пересечений. Характерной чертой поля, отличающей его от других разновидностей языковой системы, является наличие внутри- и межполевого взаимодействия;
- 6) наличие ядра и периферии, где ядром служит соответствующая языковая категория, члены оппозиции которой выступают как ядра конституирующих поля микрополей. В ядре поля выделяется доминанта, т.е. ведущий компонент, вокруг которого группируются конституанты, наиболее

тесно с ними связанные. Вместе с доминантой они составляют ядро поля и образуют так называемую «около-ядерную зону»;

7) незамкнутость поля, т.е. потенциальная возможность участия одного и того же многозначного слова в различных семантических полях. Другими словами, конstituанты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля [Ангелова 2006: 17].

В полевой модели язык представлен как система подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение. И можем сказать, что помимо семантического в языковой системе лингвисты выделяют следующие поля: морфосемантическое, функционально-семантическое, идеографическое, орнаментальное поле текста, лингвокультурологическое поле и другие.

Национальную специфичность поля в первую очередь определяют входящие в его состав языковые реалии. Так, например, мы можем согласиться с Н.А. Шамраевым, который выдвигает гипотезу о возможности классификации реалий по их принадлежности к парадигматическим, ассоциативным, словообразовательным лексическим полям, детерминирующим национально-культурную специфику. В таких случаях реалии объединяются на основе общего экстралингвистического признака принадлежности к общей предметно-тематической группе или на основе общности выполняемой ими функции [Шамраев 1997:8].

Полевой подход к изучению лексико-семантической системы языка характеризуется рядом преимуществ. Он позволяет не только рассматривать лексические микросистемы как поля с определенной структурой и характерными свойствами, но и выявить весь комплекс системных отношений между лексическими единицами языка. И мы можем сделать вывод, что семантическое поле в современном языкознании становится одной из важнейших категорий, в которой системно и синтетически рассматриваются однородные по своему содержанию языковые единицы, объединенные либо по семантическому, либо по функциональному

принципу, либо на основе комбинации двух признаков. Мы разделяем мнение Ангеловой М.М. о том, что для семантического поля характерно наличие общего семантического признака, выражаемого лексемой с обобщенным значением, и наличие частных дифференциальных признаков, по которым единицы поля отличаются друг от друга [Ангелова 2005: 19]. Термин «семантическое поле» нам важен при изучении термина «лингвокультурологическое поле».

Рассмотрение лингвокультурологического поля представляет для нас особый интерес как важный фактор изучения и сравнения лексико-семантических особенностей единиц языка и культуры в целом.

Важнейшими структурно-семантическими компонентами (составляющими) лингвокультурологического поля являются:

- смысл (интенционал имени и поля);
- классы (группы) лингвокультурем как единиц – единств собственно языкового и внеязыкового содержания: центр и периферия;
- категориальные отношения лингвокультурем в поле;
- парадигматика лингвокультурем;
- синтагматика лингвокультурем [Воробьев 1997: 65].

Одним из распространенных способов представления при изучении концепта является его описание в терминах ядра и периферии. Ядро концепта составляет его базовый слой, представляющий собой чувственный образ, который кодирует концепты в сознании человека и обеспечивает наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть концепта. Эта часть, которая представляет собой совместность предикаций отражающих интерпритацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих в данной культуре из содержания концепта. Кроме ядра концепт содержит также объемное интерпретационное поле, которое образует его периферию. К периферийным признакам концепта относятся менее значимые и более абстрактные признаки, характеризующиеся вариативностью [Стернин 2001]. И содеожание концепта все время

увеличивается, богатеет новыми словами. Но дело в том, что между ядром и периферией нет четкой границы: «постоянные, основные семы могут уступать по яркости неосновным, второстепенным» [Попова, Стернин 1984: 60].

И содеожание концепта все время увеличивается, богатеет новыми словами. Но дело в том, что между ядром и периферией нет четкой границы: «постоянные, основные семы могут уступать по яркости неосновным, второстепенным» [Стернин 1984: 60]. Чем шире периферия, тем объемнее, сложнее, богаче, красивее, эмоциональнее становится определение концепта.

Толкование понятия «концепт» в современной лингвистике

На стыке лингвистики и исследований культуры оформляется такое направление, как лингвокультурология. Становление лингвокультурологии как комплексной дисциплины, изучающей язык во взаимодействии с культурой, потребовало разработки соответствующего категориально-терминологического аппарата. Одним из основных понятий нового направления стал концепт – термин, дискуссии о природе которого, несмотря на большое количество научных разработок, все еще не прекратилось. Концепт как всякий сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития.

Возникновение и развитие национальной языковой картины мира обусловлено способностью человеческого мышления, отражать в языковой форме реальный, материальный мир. Усложнение бытия человека, самопознание обуславливает членение языковых фактов (лексических, грамматических) по определенным совокупностям, которые и составляют фрагменты языкового членения мира. Культура и язык как формы сознания отображают мировоззрение человека. Субъект культуры и языка «живет» в истории. А культура – это своеобразная историческая память народа, язык хранит ее, обеспечивая диалог поколений. В языке закрепляются именно те

образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами.

Моделирование мира в сознании человека осуществляется с помощью концептов – ставших в последние десятилетия одним из ключевых в отечественном языкознании, которые были заимствованы из математической логики, где этим термином называется содержание понятия, его смысл. Концепты – единицы, с помощью которых мы мыслим о мире, они могут быть реализованы в слове, словосочетании, высказывании, тексте, дискурсе.

«Концепты определенного художественного произведения связаны с процессом чтения и понимания какого-либо отрывка или целого текста. Новую информацию человек должен соотнести как с собственным фоном знаний, так и с внутренним представлением самого этого отрывка. Достаточно регулярное использование определенного слова в различных сюжетных контекстах романа приводит к его символизации, к появлению в арсенале его художественных функций обозначения ряда концептов, которые выражают мировоззрение и мироощущения писателя» (Романенко 2002: 10).

Дж. Лакофф в теории концептуализации отмечает, что в познании мира человеком лежат концепты базисного уровня (ядро) и ментальные схемы манипулятивного характера (периферия) [Лакофф 1988: 78], этой же идее следует А.Г. Баранов [Баранов 1988: 94-100].

Н.А. Арутюнова интерпретирует концепты как понятие обыденной, практической философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» (Арутюнова 1993: 3).

Л.О. Чернейко определяет концепт как «конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не сводимый к нему» [Чернейко 1995: 80]. Ученые полагают, что концепт – обобщенный образ слова, рассматриваемый во всем многообразии языковых и внеязыковых связей – термин более широкий и более соответствующий интересам современной лингвистики,

чем термин «понятие». То же замечают и Ю.С. Степанов и Н.А.Красавский [Степанов 1996: 40; Красавский 2001: 27] замечая, что «этот иноязычный термин родствен русскому слову «понятие». Имя существительное «conceptus» происходит от латинского глагола «concipere» – «зачинать», т.е. буквально значит «понятие, зачатие»; его русский эквивалент «понятие» образовано также от глагола «пояти», имевшего в древнерусском языке значения «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». Следует отметить, что оба термина этимологически во многом родственны, но они не имеют статуса абсолютных синонимов. Употребление их в отечественной лингвистике не имеет четкого разграничения, но все же определяется более объемной, широкой единицей.

Концепт – одновременно и индивидуальное представление, и общность. Такое понимание концепта сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты. Смысловое понимание между чувственным и понятийным, образным делает концепт более гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа. Важно подчеркнуть, что концепт оказывается инструментом, позволяющим рассмотреть в единстве художественный мир произведения и мир национальный.

Концепт, как замечает Д.С. Лихачев, «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [Лихачев 1997: 281].

Сферами применения термина «концепт» являются, прежде всего, когнитивная психология, когнитивная и психологическая лингвистика. Как мы уже отметили, концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Его объем, таким образом, шире объема понятия. Концепт, включает в себя само понятие, являющееся в свою очередь его обязательным ядерным компонентом.

В исследованиях С.Х. Ляпина и В.И. Карасика, концепт рассматривается как «смысловой квант человеческого бытия – в мире, в зависимости от конкретных условий превращающийся ... в различные специализированные формообразования, «гештальты» бытия...» [Ляпин, Карасик 1997: 16].

В «Словаре когнитивных терминов» указывается: «Концепт – это скорее посредник между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим концептам. Правильнее было бы, наверное, говорить о концептах как о соотносительных со значением слова понятиях. Значением слова становится концепт, схваченный знаком» [Кубрякова, КСКТ, 1996: 92]. Таким образом, концепт – это многослойное, интегративное образование, имеющее логически вычленяемое ядро и различные пласты, обусловленные социокультурным и лингвокультурным фоном.

И мы не можем не согласиться с мнением В.И.Карасика о том, что концепт представляет собой многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дифиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива.

Ценностная сторона концепта является определяющей для возможности его выделения. О ценностной стороне концепта говорит и то, что он становится темой художественных произведений, поэзии, его имя встречается в названиях популярных книг, песнях и т.д. Все это свидетельствует о том, что концепты являются ценностями культуры. Говоря

о концептах, которые разработаны и изучены на сегодняшний день в разных языковых картинах мира и имеют ценность для народа, мы можем отнести такие концепты, как (изучение может быть с разных точек зрения): по материалу русского языка (или в сопоставительном аспекте с другими языками): *душа* (Перевозникова 2003), *сердце* (Цримова 2003), *радость* (Сергеева 2004), *политика* (Трофимова 2004), *порицание* (Евтушенко 2006), *вера* (Казнина 2004), *удивление* (Дорофеева 2002), *одиночество* (Подзолкова 2005), *страх* (Воронин 2005), *страх* (Зайкина 2004), *обида* (Эмих 2005), *любовь* (Широкова 2006), *любовь* (Кузнецова 2005), *любовь* (Иванова 2006), *состояние* (Казарина 2003), *радость-печаль* (как фреймы) (Рябкова 2002), *музыка* (Сопрыкина 2005), *судьба* (Жданова 2006), *душа и дух* (Черникова 2005), *монархия* (Ангелова 2005), *жизнь* (Ипанова 2005), *солнце* (Панасова 2007), *огонь* (Трофимова 2005) и др.; по материалу французского языка: *savoir vivre* (Грабарова 2004) и др.; по материалу американской речевой культуры: *идеология* (Скиба 2003), *успех* (Адолина 2005), *homeland* (Кожанов 2006), *дом* (Ланская 2005), *бессмертие* (Балашова 2005), *борьба* (Тихонова 2005), *успех* (Эренбург 2005) и др.; по материалу немецкого языка: *zeit* (Точилова 2005), *vertraven* (Коновалова 2006), *blut* (Альмяшова 2006) и др.; по материалу английского языка: *женщина* (Васюк 2002), *услуга* (Прищипенко 2006), *пейзаж* (Луценко 2007), *семья* (Терпак 2006), *верность* (Лаврентьева 2006) и др. Хотя в предыдущие десятилетия работ на материале татарского языка было довольно мало, но сегодня их стало очень много и можем сказать, что работы, посвященные изучению концептов или ключевых концептов татарского народа тоже развиваются. В связи с этим особо хочется отметить монографические исследования по проблемам национальной языковой картины татарского мира: Р.Р. Замалетдинов, который изучил языковую картину, раскрыл эмоционально-эстетическую глубину, национальное своеобразие духовного и материального мира татарского народа (изучил такие ключевые концепты как *сагыш*, *моң*, *чапан*, *түбәтәй*, *калфак*, *чәкчәк*, *кыстыбый*, *бәлеш*, *өчпочмак*, *өмә* и т.д.) (Замалетдинов,

2005), Э.М.Зиангирова – «*өй-йорт*», Э.Н.Гилязова, А.В.Василова – *сагыш* (Василова 2006), Л.Р.Гарипова – *дөнья* (Гарипова 2007), Л.Х.Шаяхметова – *ут* (Шаяхметова 2007), З.А.Биктагирова – *семья* (Биктагирова 2007), З.А.Мотыгуллина – *язмыш* (Мотыгуллина 2007) и другие.

Таким образом, понимание концепта несет отпечаток тех подходов, в рамках которых он рассматривается. В понимание концепта условно можно выделить три направления. Концепты рассматриваются учеными, исходя из разных парадигм изучения: сторонники лингвокультурологического подхода (Н.Д.Арутюнова, З.Х.Бижева, А.Вежбицкая, С.Г.Воркачев, Р.Р.Замалетдинов, В.И.Карасик, В.В.Колесов, Н.А.Красавский, С.Х.Ляпин, В.П.Нерознак, С.Е.Никитина, М.В.Пименова, Е.В.Сергеева, Ю.С.Степанов, Ф.Ф.Фархутдинова, и др.) придерживаются парадигмы *язык – культура – этнос*; исследователей, ориентирующихся на триаду *язык – мышление – культура* можно назвать сторонниками когнитивного подхода (А.П.Бабушкин, Г.И.Берестнев, Р.Джэкендофф, В.Зусман, Дж.Лайонз, Дж.Лакофф, Д.С.Лихачев, Р.Павиленис, З.Д.Попова, И.А.Стернин, В.Н.Телия, Н.Тихонова и др.); ученые, склоняющиеся к психолингвистическому аспекту изучения концептов (С.А.Аскольдов-Алексеев, Е.С.Кубрякова, Г.Г.Слышкин, М.А.Холодная и др.), выбрали триединство *язык – мышление – личность (национальная личность)*.

Следует отметить, что общей особенностью этих исследований является то, что интерпретация семантических явлений направляется не на абстрактно понимаемый смысл, а на культурный феномен, который существует в человеке и для человека. Все многообразие интерпретаций термина концепт убедительно свидетельствует о том, что проблема взаимодействия человека, культуры и языка, а также вопрос об основной единице антропоцентрической парадигмы находятся в центре научных интересов современных исследователей.

Как мы уже отмечали, выделение концептов, во многом определяющих специфику языковой картины мира, основывается на принципах «культурной

разработанности» и «частотности». То же можно сказать и об исследуемом нами концепте «моң», который присущ только татарскому народу.

В последние десятилетия появилось огромное количество работ, посвященных исследованию культурно-значимых концептов на материале башкирского, казахского, балкарского, кабардинского и адыгейского языков. Рассматривая концепт «моң», мы тоже хотим внести свой вклад в исследование культурно-значимых концептов татарской лингвокультуры. Концепт «моң» носит определенную ценность для носителей татарского языка.

В нашей работе за рабочее определение концепта принимается определение, предложенное С.Х.Ляпиным (1997), согласно которому концепт предстает как культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, определенное в языковой форме. Таким образом, концепт «моң» рассматривается нами как ментальное образование, которое обладает эмоциональным, оценочным ореолом, является неотъемлимой частью татарской лингвокультуры и ее ценностью.

Эмоциональные концепты. Классификация

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной науке предлагаются самые различные подходы к изучению этого сложного психологического феномена как эмоции – филологический (Болотнова 1992; Маслова 1991:179–204), когнитивный, лингвокультурологический (Вежбицкая 1999; Голованивская 1997 и др.). Мы постараемся посмотреть это исследование с лингвокультурологической точки зрения.

Поскольку в психологии нет единого понимания и четкого терминологического разграничения в употреблении родственных понятий «эмоция», «чувство», «аффект», «ощущение» (см. Додонов 1975: 21-25; Клапаред 1984: 93-102; Лук 1982: 29; Нойманн 1998: 344; Юнг 1996: 37 и др.), мы, следуя терминологической традиции отечественных лингвистов-этимологов (Шаховский 1988; Мягкова 1990; Фомина 1996 и др.)

(Красавский 2001: 21), используем термин «эмоция» как собирательное понятие.

Антропологическая ориентация современной лингвистики, приводящая к исследованиям, реализуемым на стыке ее с другими дисциплинами, предопределяет междисциплинарный статус категории концепта, используемый в двух новых парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии [Дорофеева 2002: 20].

Представители первого направления (Е.С.Кубрякова, Н.А.Болдырев, А.П.Бабушкин, и др.) интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания, выступающего как целостное отражение факта действительности. Образуясь в процессе мысленного конструирования предметов и явлений окружающего мира, концепты отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека.

Представители второго, культурологического, направления (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, Д.Л. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко, С.Х. Ляпин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев и др.) рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой [Дорофеева 2002: 21]. В современной науке глубоко исследуется соотношение языка и культуры. Изучая их взаимодействие, лингвокультурология имеет интегральный характер, поскольку она а) образует систему философско-культурологических и лингвистических традиций; б) направлена на комплексное описание языка и культуры [Воробьев 1997: 298]. В результате, языковые единицы становятся единицами культуры. Отсюда следует, что язык имеет способность репрезентировать культурно-национальную ментальность его носителей, а значит, он функционирует как инструмент сознания. Это позволяет рассматривать категорию языковой системы как отраженный в языке этноспецифический способ интерпретации мира, присущий тому или иному лингвокультурному сообществу.

Внутренний мир человека моделируется в языке по аналогии с внешним миром. При означивании эмоций в сознании они приобретают собственное содержание, репрезентируясь в эмоциональных представлениях или когнитивных образах, в состав которых входят экстероцептивные и интероцептивные компоненты, сигнализирующие субъекту об изменениях в его внутреннем мире с точки зрения значимости для него окружающих лиц, предметов, явлений и событий. Представление человека о его внутреннем мире образуют в сознании эмоциональную концептосферу, состоящую из системы динамично развивающихся мыслительных конструктов – эмоциональных концептов (ЭК).

Эмоциональная концептосфера – динамичная, пластичная система, развитие которой обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами. Базисными экстралингвистическими факторами, определяющими формирование и трансформации эмоциональной концептосферы, являются усложнение практической деятельности человека, появление теоретического знания как способа освоения человеческого мира, социализация личности человека, оценочная квалификация им мира, моральная ориентация общественных институтов. Лингвистическими факторами, детерминирующими развитие концептосферы эмоций, являются асимметрия языкового знака, расширение регистров человеческого общения, социальная и стилистическая дифференциация языка (формирование функциональных стилей и речевых жанров) и заимствования.

Человеческие эмоции являются объектом пристального внимания представителей психологии, философии, культурологии, лингвистики. Эмоциональная система является одной из самых сложных систем человека, поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие все системы человека – восприятие, физиологические реакции, интеллект и даже речь. Помимо вопроса о функции эмоций, в целом – в культурантропологии – важное место отводится обсуждению проблемы их универсальности. При этом высказываются диаметрально противоположные

суждения. Одни исследователи считают, что эмоции не универсальны. Их природа и понимание зависят от типа культуры, лингвоэтнической принадлежности человека и некоторых других факторов. Сами эмоции, равно как и способы их вербального и невербального оформления в том/ином этносе, усваиваются как некие культурные паттерны, заданные определенным социокультурным пространством [Heelas 1984: 21-42]. Другие, наоборот, полагают, что эмоции универсальны. По их мнению, всякая эмоция «общедоступна», она открыта для переживания человека вне зависимости от каких либо культурных параметров того/иного этнического и языкового сообщества [Tomkins, McCarter 1964: 120–122].

Признание эмоций универсальным / неуниверсальным явлением зависит от понимания их природы. Если под эмоциями понимать простейшие, основанные на перцепции человеком мира психические процессы (гнев, страх), то этот феномен, безусловно, универсален. Элементарные поведенческие эмоциональные реакции, как доказано в психофизиологии, генетически заложены в человеке (см. напр., [Сеченов 1995: 103–110]). Сложнее с другим классом эмоций, которые мы бы назвали социализированными. К. Юнг обозначает их «интеллектуальными»; в терминологии Б.И. Додонова они определяются как «моральные» и «эстетические» [Додонов 1978: 118–126]; [Юнг 1996: 578–579]. Последние представляют собой действительно ментальный, культурно обусловленный продукт (любовь, счастье). Их осознание и дальнейшая рефлексия связаны с определенными этапами развития цивилизации. Переживание «социализированных» [Красавский 2001: 18] эмоций (чувств) доступно далеко не каждому человеку. Но причина их закрытости, скорее всего, носит не этнокультурный, а индивидуально-психологический характер.

Эмоции (франц. *emotion* – волнение, от лат. *emoveo* – «потрясаю», «волную») – обычно понимается как переживание, душевное волнение, это реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и

охватывающие все виды чувствительности и переживаний. Связаны с удовлетворением (положительные эмоции) или неудовлетворением (отрицательные эмоции) различных потребностей организма. Дифференцированные и устойчивые эмоции, возникающие на основе высших социальных потребностей человека, обычно называют чувствами (интеллектуальными, эстетическими, нравственными) [Новый энциклопедический словарь 1400]. Однако необходимо отметить, что такое деление весьма условно. Нам важно знать, что посредством эмоций сущность человеческого бытия отражается в сознании человека, регулируется ими и познается.

Эмоции – социально-психологическое явление, занимающее важное место в жизни человека и его языке. Проблема эмоций, как мы уже отметили, традиционно привлекала внимание исследователей самых разных областей знания. В современном языкознании в отдельную парадигму выделяют эмотиологию или лингвистику эмоций ([Бабенко 1989]; [Шаховский 1987] и др.), что свидетельствует об актуальности изучения языка эмоций, с одной стороны, и о большом накопленном ученом эмпирическом материале, с другой [Красавский 2001: 5].

В современной литературе существует множество классификаций эмоций. Полный список обозначений эмоциональных состояний представлен в Тематическом словаре под редакцией В.В. Морковника. Здесь в разделах «Эмоциональные состояния и переживания», а также «Чувства, проявляемые к другим» можно обнаружить более семидесяти терминов эмоций

В современной науке существует ряд параметров, служащих для разграничения различных эмоциональных состояний. В обобщенном виде их можно представить следующим образом:

1) По наличию/отсутствию интеллектуальной оценки – *простые* и *сложные* эмоции (чувства). Сложные эмоции (любовь, гордость, стыд и др.), в свою очередь, возникают лишь при наличии определенного уровня интеллекта, что отличает их от простых эмоций, предполагающих не столько

интеллектуальную оценку какого-то положения вещей как плохого или хорошего, сколько непосредственного ощущения, что оно таково (страх, злость, удовольствие и др.);

2) По «знаку» переживания (+/-) – *положительные* (стенические) и *отрицательные* (астенические) эмоции;

3) По направленности на говорящего или на окружающих – *личные* (отчаяние, горе, тоска) и *неличные* (жалость);

4) По влиянию на деятельность человека – активизируют или тормозят – *активные* эмоции (радость, воодушевление) и *пассивные* эмоции (тоска, отчаяние);

5) По степени интенсивности – эмоции высокой степени интенсивности (счастье, несчастье) и низкой степени интенсивности (удовлетворение, досада) [Гончарова 2003: 10–11].

А то, что касается эмоций в языке, Ю.Д. Апресян выделяет пять фаз эмоционального проявления:

1) первопричина эмоции – физическое восприятие некоторых положений вещей;

2) причина эмоции – интеллектуальная оценка этого положения вещей;

3) собственная эмоция или состояние души, например: при радости возникает приятное чувство, которое в душе человека похоже на приятное состояние его тела;

4) обусловленность той или иной интеллектуальной оценки, желание продлить или просечь причины, которые вызывают эмоцию. Так, в состоянии радости человека стремится продлить положительный фактор и для этого он веселится, ликует, восторгает, оживает;

5) внешнее проявление эмоции, имеющие две основные формы: а) неконтролируемые проявления представляют собой физиологическую реакцию тела на причину, которая вызывает эмоцию, например: при радости – сияние глаз, покраснение лица; б) контролируемые – двигательные, речевые реакции субъекта, например: хохот, улыбка при радости.

Так как эмоции присутствуют, участвуют в жизни человека и составляют «мотивационную основу его деятельности» [Апресян 1995: 23].

Эмоции являются одним из основных аспектов человеческой жизни. Описание человека по данным языка выявило восемь систем: физическое восприятие (семантический примитив «воспринимать»), физическое состояние (семантический примитив «ощущать»), физиологические реакции (семантического примитива нет), физические действия и деятельность (семантический примитив «делать»), желания (семантический примитив «хотеть»), мышление, интеллектуальная деятельность (семантический примитив «думать», «знать»), эмоции (семантический примитив «чувствовать»), речь (семантический примитив «говорить») [Апресян 1995].

Каждая из этих систем может быть проанализирована в терминах языковой репрезентации так называемых семантических «примитивов». Сами «примитивы», являясь своеобразными окрасками соответствующей системы, выходят на уровень глубинной, когнитивной семантики языковых единиц. Когнитивный уровень семантики – это уровень ментальных сущностей составляющих основу семантики единиц и, по сути, являются их «внутренней формой», обуславливающей появление в смысловой структуре единицы более важных, «вершинных», и дополнительных семантических признаков [Белявская 2000: 9].

По мнению В.И. Шаховского, каждую эмоцию можно представить в виде вербального сценария, то есть открыть этапы, стадии и последовательность ее зарождения, актуализации: семантики, синтактики, мотивов, и прагматики или в виде фрейма, включающего обобщенно все ситуации, связанные с определенной эмоцией и ее бесчисленными оттенками, все языковые и параязыковые средства и ее проявления, все представления, образы, мифы, символы, стереотипы, эталоны, т.е. весь дискурс (весь экстраязыковой видовой контекст) данной эмоции [Шаховский 2001: 13].

Что касается эмоционального концепта, в нашем понимании, – это этнокультурное обусловленное, сложное структурно-смысловое интегративное, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку, культурную ценность и функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы, вызывающие пристрастное отношение к ним человека.

Определение сущности эмоционального концепта предполагает изучение другого, лежащего в их основе феномена, – самих эмоций. В нашей работе термин «эмоция» имеет обобщающее, собирательное значение: под ним понимаются все психические переживания человека – чувства, состояния.

Каждый концепт может быть спроецирован в три сферы:

- 1) в сферу языковой репрезентации;
- 2) в сферу языкового сознания;
- 3) в сферу текста.

Изучение концепта в языковой репрезентации представляет выявление лексем и фразеосочетаний из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющих соответствующие семемы или отдельные семы разного ранга; свободных словосочетаний, выявляющих те или иные параметры концепта; структурных и позиционных схем предложений, несущих типовые позиции.

Эмоциональная концептосфера – динамичная, пластичная, лабильная семиотическая система, развитие которой обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами. Базисными факторами, определяющими формирование и трансформации эмоциональной концептосферы, являются усложнение практической деятельности человека, появление теоретического знания как способа освоения человеком мира, социализация личности человека, оценочная квалификация им мира,

моральная ориентация общественных институтов. Лингвистическими факторами, детерминирующими развитие концептосферы эмоций, являются асимметрия языкового знака, расширение регистров человеческого общения, социальная и стилистическая дифференциация языка и заимствования [Красавский 2001: 10].

Все специалисты, занимающиеся, вопросами изучения эмоционально-чувственной сферы человека, указывают на размытость формирующих ее сегментов, четкое подразделение которых трудно выполнима (см. напр.: [Рубинштейн 1984: 152–155]). «Чистых» эмоций, по их мнению не бывает, они в действительности тесно контактируют друг с другом; всякая эмоция комплексна, она подобна молекуле, состоящий из множества атомов. Но надо отметить то, что разные ученые предписывают каждой социализированной «эмоциональной молекуле» свое «атомное» строение.

Фундаментальное изучение учеными эмоций выявило их следующие основные характеристики: первичность – вторичность (Риман 1998), элементарность – абстрактность (Юнг 1996), культурная значимость (или моральная ценность в терминологии Б.И.Додонова) (Додонов 1975; см. также: [Рейковский 1979]), интенсивность, продолжительность [Вилюнас 1984: 20 – 21], осознанность [Фрейд 1984: 203–211]. Традиционно актуальной и по-прежнему наиболее острой остается проблема правомерности классификации психических переживаний на базисные (фундаментальные) и производные, периферийные.

Эмоциональные концепты наиболее субъективны по своему характеру. Сущность слов, репрезентирующих данные концепты, расплывчата. Понимая разумом, люди затрудняются вербально эксплицировать их значения. Концепты абстрактных имен чрезвычайно текучи. А.П. Бабушкин считает, что можно подойти к решению когнитивных проблем с сугубо лингвистических позиций, рассматривая концепты не в виде когнитивных процессов, а в качестве тех или иных семем. Именно через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке, «улавливаем» концепты. А

Вежбицкая пишет, что цель семантики состоит в том, чтобы выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка [Вежбицкая 1997: 225].

Способом представления эмоциональных концептов в системе языка являются эмоциональные состояния. Анализируя их проявления, Е.М. Вольф наглядно представляет основные параметры эмоциональных ситуаций, нашедших отражение в языке. Основными элементами она считает:

- 1) субъект эмоции;
- 2) само эмоциональное состояние;
- 3) его причина [Вольф 1989: 56].

Основные элементы представленной модели входят во все эмоциональные состояния, однако в каждом из них они получают соответствующую интерпретацию. Так общим свойством субъекта эмоционального состояния обычно отмечают целостность, т.е. эмоции охватывают человека полностью. Это проявляется в возможности сочетания субъекта состояния с предикатами *полный*, *наполнять*, *наполнить*, *переполнить*.

В.В. Виноградов подчеркивает: «Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова, рассматриваемое в целом в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько сливаются со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа» [Виноградов 1977: 198]. Но, следует отметить, что прежде всего, в каждом из языков существует большая группа слов, которые обозначают предметы и явления, присущие культуре только данного народа. Подобные слова, как правило, не имеют соответствий в других языках, и поэтому их совокупность называют безэквивалентной лексикой. Если привести примеры, например, из русского языка, то к безэквивалентной лексике принадлежат

такие наименования предметов и явлений традиционного русского быта, как *щи, рассольник, окрошка, блины, баранки, оладьи, сарафан, ушанка, варешки, балалайка хоровод, частушки*. Сюда же следует отнести и некоторые слова и выражения, вошедшие в русский язык уже в XX веке: *дом отдыха, парк культуры и отдыха, самодеятельность, маршрутное такси, многотиражка, электричка* и др. [Русский язык 2004: 98].

Как мы уже отмечали, одним из аспектов связи между языком и обществом является взаимная связь между языком и культурой любого из народов. С одной стороны, совершенно очевидно, что без языка как важнейшего средства общения между людьми были бы невозможны развитие материальной и духовной культуры народа и их передача от одного поколения к другому.

Являясь системой мировидения, язык воздействует на миропонимание его носителя, определяет его духовную жизнь, культуру формирует духовные силы нации, национальный характер. В результате взаимодействия человека с внешним миром складываются его представления об этом мире, о различных сторонах окружающей действительности, формируется многомерная модель мира. Связь человек – язык – культура является основным материалом изучения науки лингвокультурология, которая является сравнительно молодым направлением языкознания, возникшее на стыке культурологи и лингвистики. В основе динамично развивающихся исследований лежит подход к языку как явлению, теснейшим образом связанному с культурой того или иного этноса. Она включает в себя такие феномены, как «концепт», «языковая картина мира», «национальная картина мира». Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, работами Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.Шаклина, В.А.Масловой и других исследователей, благодаря которым традиции продолжают и в наши дни. В данной главе мы тоже старались просмотреть самые главные моменты изучения лингвокультурологии.

И «человеческий фактор» в языке в современных лингвистических исследованиях неотъемлема от понятия «языковая картина мира». Индивидуальная языковая картина мира – это восприятие и оценка мира отдельной языковой личностью. Исследование языковой картины мира какого-либо народа в наше время, является очень важным моментом, благодаря чему мы узнаем, изучаем не только его язык, но и историю, культуру, быт. Исследования также обращают внимание на факт многообразия картин мира. Концептуальная картина мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д.

В большинстве исследований, посвященных языковой картине мира, прослеживается противопоставление научной картине мира и так называемой «наивной картины мира» (по терминологии Ю.Д.Апресяна). «Наивная» языковая картина мира отражает национально-культурную специфику сознания народа – носителя языка, что дает основание говорить о национальной языковой картине мира, которая складывается из мировидения представителей конкретного национально-лингво-культурного сообщества. Общеязыковой языковой картины мира как таковой не существует, она образуется соединением составляющих ее национальных языковых картин мира.

Введение в научный обиход понятия «концепт» (С.А. Аскольдов, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, Р.И. Павиленис, Ю.С. Степанов и др.) как основной ячейки «культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 40] послужило хорошей методологической базой для последующих исследований в названной области и получения достоверных сведений о формировании концептов как сегментов национальных концептуальных систем. *Концепт* – и широко применяемый ныне термин имеет несколько значений. С утверждением в лингвокультурных исследованиях термина концепт появилась и форма научных изысканий, названная *концептуальным анализом* (см. [Фрумкина

1992: 2-3]. Концептуальный анализ – это исследования, в которых концепт является объектом анализа.

Концепт можно было бы сравнить с понятием, но концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Его объем шире объема понятия. Концепты – единицы, с помощью которых мы мыслим о мире, он составляет единицу национального менталитета [Колесов 1999: 157]. В рамках именно такого понимания концепта мы рассматриваем исследуемый нами эмоциональный концепт «моң», который является словом относящийся к безэквивалентной лексике, называем культурно ценным концептом, который обозначает и раскрывает «лицо» татарского народа.

Как и при изучении любого другого концепта, мы рассмотрели его лингвокультурологическое поле, которое состоит из ядерной, около-ядерной, ближнепериферийных и дальнепериферийных зон.

В рамках лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как ментальная сущность, несущая на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. В связи с целью и задачами нашего исследования, а также спецификой изучаемого нами материала мы определяем концепт «моң» как лингвокультурный, является национально-значимым концептом, относящийся к числу эмоциональных концептов, которые наиболее субъективный по своему характеру, где сущность слов, репрезентируемых данные концепты, расплывчаты.

2.4. СОСУЩЕСТВОВАНИЕ БАЗОВОГО И ДОБАВОЧНОГО СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ВЕРБАЛЬНОМ СЛОВЕ

Д.Ф.Хакимзянова

Среди актуальных задач современного языкознания определенное (и притом не последнее) место занимает изучение семантической деривации во всей широте ее проявления – начиная от выявления тенденций в

словообразовательном процессе, где применялся данный способ, до определения роли семантического словообразования в лексико-семантической системе языка

Признавая, что фонетические, грамматические и семантические формы каждого языка проходят уникальный путь развития, динамический аспект языкового развития взят под пристальное внимание многих исследователей. В ходе семантической деривации, которая представляет собой многоаспектное явление, визуально рассматривающееся и как процесс, и как результат в рамках вторичной номинации, происходит образование новых производных значений от базового без изменения формы знака. Необходимо в то же время отметить, что среди ученых нет единого понимания сущности семантического словообразования, понятие деривативности обычно связывают с необходимостью разграничения омонимичности и многозначности.

Анализируя ассоциативно-деривационные отношения, и соответственно через выявление закономерностей функционирования внутренней формы слова в речи и словарном богатстве целиком раскрывается системность (вспомним Ф. де Соссюра, который утверждал, что из микросистем слагается и макросистема языка) лексики и вскрываются механизмы этой системности. Учитывая это, в настоящем исследовании учтены сущностные свойства языковой системы, ее принадлежность к вероятностным, самоорганизующимся, открытым, динамическим системам. Эти свойства языка находят свое место в охватывающем разные уровни и планы языка непрерывном деривационно-мотивационном процессе и, в частности, в деривационном пространстве лексемы как многомерной, динамической и самоорганизующейся структуре, формирующейся в итоге при активном участии внутренней формы слова.

В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения профессора В.М.Маркова, который был поддержан его учениками и коллегами, учеными Казанской историко-лингвистической школы, который писал о

семантической деривации нижеследующее: «Появление нового значения — это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [Марков 1981: 15]. Отличительной чертой данного способа словообразования является то, что в образовании нового слова при семантической деривации не принимает участия словообразовательный формант. Вот эта особенность зачастую и провоцирует определенную часть лингвистов отрицать факт появления новой лексемы в результате семантического сдвига. Все же, даже сторонники теории многозначности вынуждены отметить существующее явное сходство моделей регулярной полисемии и словообразовательных типов.

Можно утверждать, что основным путем изменения словарного состава является переосмысление слов. И так как языковая специфика особенно ярко проявляется как правило на вербальном слове, то глагол является излюбленным объектом исследования для всех формализующих направлений. Это полностью относится и к признаваемому всеми семантическому своеобразию глагольной лексики.

Рассматривая семантические изменения в глагольных лексемах, необходимо прояснить вопросы, связанные непосредственно с самим процессом деривации. Так, под явлением деривации в настоящей работе понимается “процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные” [БЭС 1998: 129]. В современной аспектологии проблема выбора термина все еще остается однозначно нерешенной, и это порождает различные точки зрения из-за сложности изучаемого объекта. При всем существующем многообразии семантических начал словообразования наиболее распространенным выступает перенос признаков (состояний, действий) физического мира на мир внутренний, эмоциональной, интеллектуальной деятельности человека. Термин “метафорическое значение” может быть объяснен тем, что метафора является одним из наиболее активных способов регулярных семантических преобразований. Как заметил В.Г.Гак, “метафора делает абстрактное легче

воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального – к духовному" [Метафора 1988: 12].

В лексикографических трудах (например, в словарях) производные (метафорические) значения глаголов принято указывать как “переносные” и, на первый взгляд, подобное обозначение облегчает понимание значения лексемы рядовому пользователю. Все же, по нашему мнению, для специалистов, языковедов, фиксирование производных значений в качестве переносных приравнивается к их дополнительности, некоторой второстепенности. Однако при рассмотрении языкового материала можно увидеть одно интересное явление: многие из производных значений на определённом этапе развития языка начинают восприниматься в качестве основных, что является вполне закономерным языковым явлением, когда одно из лексических значений из-за потери своей актуальности выходит из применения или начинает употребляться настолько редко, что воспринимается читателем как вторичное значение.

Следует отметить, что в данное исследование привлечены фактологические материалы из разноструктурных языков, а именно – из русского, татарского и английского. С одной стороны, анализ примеров русского, татарского и английского языков на основе единого метаязыка и рассмотрения денотативного, коннотативного, структурно-языкового макрокомпонентов значения языковых единиц позволяет установить общее и различное в языковой картине мира; с другой стороны, сравнительное рассмотрение глагольных наименований в разноструктурных языках позволяет увидеть многообразие связей глагольного действия, в которых зафиксированы и закреплены разные понятийные признаки.

Для примера приведем глагол *волновать*, базовым значением которого выступает значение “приводить в колебание” (*Дуновение ветра начало волновать и листву дерева*), а значение “приводить во внутреннее волнение, возбуждать” в справочниках фиксируется второстепенным (см.: например:

ССРЛЯ, Т. II, 419), ср.: *И когда ветерок <...> волновал воду и маленькие воды достигали под кручей концов сосулк, то они качались, <...> звенели.* (М. Пришвин). *А ты, младое вдохновенье, Волнуй мое воображенье, Дремоту сердца оживляй, В мой угол чаще прилетай.* (А. Пушкин). То же можно наблюдать и на материале татарского языка, ср.: *Язгы жыл Днепр суын Дулкынландыра* “Весенний ветер волнует Воду Днепра (Ф. Карим). *Бу очрашу бик дулкынландырды Клараны* “Эта встреча очень взволновала Клару. (А. Еники).

Если посмотреть в диахроническом аспекте, значение каузации эмоционального состояния у данного глагола можно воспринимать как переносное, однако в настоящее время в семантической структуре глагола произошли изменения, а именно, первичное и вторичное значения поменялись местами. По этой причине, термины “производное”, “вторичное” значение (а не переносное или метафорическое) с точки зрения понятийности мы считаем более подходящими.

Понятие семантической деривации представляется нам более предпочтительным и по сравнению с понятием регулярной многозначности, т.к. позволяет выявить и более достоверно трактовать соотношение между производящей основой и производным словом, что служит необходимой предпосылкой правильного понимания направления производности и сути семантических отношений в этой оппозиции.

Изучение семантико-деривационного развития лексемы с неизбежностью приближает к мысли о том, что развитие слова не замыкается в границах любого отдельно взятого языка, в связи с чем ученые ввели новое понятие “межъязыкового пространства”. При рассмотрении истории развития лингвистической мысли можно заметить, что истоки концепции межъязыкового пространства усматривались еще в работах В. Гумбольдта, который в частности отмечал: “В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим

языком” [Гумбольдт 1984: 74]. Тезис об “общечеловеческом языке”, В.Гумбольдтом очевидно был выдвинут, исходя из того, что способность людей выражать мысли посредством языковых единиц является универсальной и всеобщей, в их основе лежит специфика ассоциативного мышления людей, объединенных общим языковым пространством. Последующие исследования целиком подтвердили, что слова из разных языков обладают относительно одинаковым семантическим объемом, хотя и регистрируют его в системе по-разному: то, что в одном языке было фиксировано на уровне потенции, в другом может прочно занять свое место в семантической структуре слова, и наоборот.

Языковые единицы с точки зрения семантики принято анализировать как семантическое поле в рамках так называемых частей речи, когда семантические случаи образуют в них некую организованную систему. Мы здесь будем вести речь лишь о глаголе, и то, не об обширной, сложной и многозначной части речи полностью,¹ а лишь об одном семантическом классе из акциональных глаголов, который можно сгруппировать под названием глаголов физического воздействия. Глаголы конкретного физического воздействия необходимо рассматривать в соответствии с их конкретной семантикой, то есть с точки зрения способов воздействия на объект. Физическое действие подразумевает чаще всего какое-нибудь изменение объекта в результате реакции на данное действие в денотативном плане. И при классифицировании в центре классификации должен быть способ такой языковой модификации объекта, который отражал бы семантическое познание мира.

Более детальная классификация глаголов физического воздействия на объект позволяет выделить следующие группы:

1. Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) глаголов нанесения удара.

¹ Подробнее о различных классификациях признаках дифференциации глагола см.: Хакимзянова Д.Ф. СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ // Хакимзянова Д.Ф., Хованская Е.С. Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. URL: <http://www.science-education.ru/129-21865>

2. ЛСГ глаголов давления.
3. ЛСГ глаголов приведения объекта в состояние покоя.
4. ЛСГ глаголов касания.
5. ЛСГ глаголов изменения положения.
6. ЛСГ глаголов очищения.
7. ЛСГ глаголов рытья.
8. ЛСГ глаголов обработки.
9. ЛСГ глаголов повреждения объекта:
 - а) глаголы повреждения неодушевленного объекта;
 - б) глаголы повреждения тела.
10. ЛСГ глаголов отрицательного воздействия на объект:
 - а) глаголы активного воздействия на объект с целью нанесения ему вреда, вплоть до разрушения;
 - б) глаголы лишения жизни живого существа.
11. ЛСГ глаголов разрушения.
12. ЛСГ глаголов соединения.
13. ЛСГ глаголов присоединения.
14. ЛСГ глаголов разделения.
15. ЛСГ глаголов отделения.

Причисление глаголов к группам (разрядам, классам, подгруппам) происходит, исходя из знания говорящих о реальной действительности, т.е. в конечном итоге – учитывая экстралингвистические факторы. Лексическое же значение слова обычно характеризуется многозначностью и относительной ёмкостью по смысловой нагрузке, что затрудняет процесс отнесения конкретного глагола к той или иной лексико-семантической группе. Поэтому значения в группах могут пересекаться, а в ряде случаев осуществляется переход в иную группу, т.е. в зависимости от точки зрения на денотат и от результатов действия могут оказаться эквивалентными.

Исследователями в качестве специфики семантики глагола отмечается выражение им активного динамического процессуального признака. В силу

того, что глаголы действия характеризуются, прежде всего, активностью, т.е. активность является основным элементом глаголов действия, их также называют акциональными глаголами.

В данном исследовании основной упор будет сделан на приобретение некоторыми глаголами семантических признаков другой ЛСГ, отличной от ЛСГ, в которой они находились, что в свою очередь является отражением изменения отношения носителя языка к тому или иному явлению, действию.

Одна из наиболее обширных групп глаголов физического воздействия представлена **глаголами касания** – это глаголы активного действия, которые называют действия-процессы, стремящиеся к достижению своего внутреннего предела в результате контакта. Основным значением глаголов данной группы является “дотронуться до чего-н./ кого-н., прикоснуться к чему/ кому-н.”. Необходимо отметить, что семантические возможности глаголов касания шире рамок данной группы, что послужило причиной активного использования глаголов касания и в других значениях.

Базовым глаголом касания в русском языке является глагол **касаться** (*[Чайки], опускаясь на воду, едва касались ее и кругами поднимались опять вверх.* И.Гончаров); тат. **кагыл-** «касаться, прикасаться» (*Син бары тик телеграф чыбыкларына гына кагыласың да шомлы итеп сызгырасың* “Ты лишь прикасаешься к телеграфным проводам и свистишь тревожно”. М.Магдеев), англ. **touch** (*Then she spoke to him and said, 'The Great Spirit felt sorry for you, because you would not be comforted, so he let me come back to you, but you must not stretch out your hand to touch me till we have seen the rest of our people* “Потом она заговорила и сказала ему: “Великий Дух сожалеет, что тебя ничто не утешит, поэтому он позволил мне вернуться к тебе, но ты не должен протягивать руки, чтобы дотронуться до меня, пока мы не увидим остальных наших людей”. Э.Лэнг). Помимо инвариантного значения касания чего/кого-то, у данного глагола имеются и варианты значения “затрагивать, освещать вопрос в изложении” и “иметь касательство к чему/кому-н.”, напр.: *Но разговоры наши не касались прошедшего.* И.Тургенев.

Оказались тоже и другие люди, до которых все это касалось, и, может быть, гораздо более, чем могло казаться Алеше. Ф.Достоевский. Подобные значения мы обнаруживаем и у эквивалентов глагола *касаться* в других языках. Сравним английский глагол *touch* “трогать, касаться” и татарский глагол *кагыл-* “касаться, прикасаться”. Татарский глагол по своей структуре образования являющийся страдательным от *как-*, приобрел свою систему значений, свою систему форм и деривационных возможностей, хотя общим для большинства и остается действие, не стремящееся к достижению предела.

Очевидно, в известном смысле к таким значениям можно отнести следующие, как: «трогать, тронуть, притрагиваться, касаться, прикасаться, дотрагиваться, дотронуться, притрагиваться, притронуться» – семантика вербальных слов в данном случае указывает на процессуальное состояние, в которых действие происходит кратковременно, путем легкого касания, в процессе пребывания в таком состоянии ничего не возникает, не создается равновесного качества в субъекте или объекте, ср.: *Кагылырман – карбизаклар сибар кыңгырауның көмеш чыңнары* “Притронусь – осыпят снежинки-орнаменты серебряным трезво-ном колокольчиков”. С.Сулейманова. *Ярасымы алла алар жирнең? Кагылдыңмы – жанны сызлата* “Раны ли они Земли? Притронешься – заставляют душу ныть”. Х.Аюп; Сюда же следует отнести и примеры с ситуативным значением, когда действие направлено не прямо, не целенаправленно, а лишь происходит лишь касательно, вскользь, ср.: *Кемдер печән жыйганда, имеш, беләгенә кагылып, елан төшөп киткән* “Вроде, некто, когда собирал сено, поднял целую охапку, и, коснувшись руки, змея скользнула вниз”. М.Магдеев; *Чыгам да Сөяләм каеннарға, Кагылып узалар жыллар шунда бер каермада* “Выхожу и Прислоняюсь к березкам, Притрагиваясь проходят ветра в одном размахе.” Х.Аюп; *Менә жил исең куйды бер заман, янындагы абагага кагылды* “Вот однажды и ветер подул, коснулся папоротника, что около него”. Г.Хасанов.

Однако в некоторых случаях характер семантики действия может приобретать результат внешнего предела, т.е. легкое касание в данном случае следует маркировать как результативное действие с качественным преобразованием, ср. *Бер дулкын кагыла, Уртак тел табыла исемсез актерга, билгесез шагыйрьга...* “Охватывает (досл. касается) волна, Находят общий язык И рядовой актер, и неизвестный поэт...”. С.Сулейманова; *Суны ярып йөзә пароходлар, Чал дулкыннар ярга кагыла* “Рассекают воду пароходы, Серые волны ударяются (досл. касаются) о берег”. Из песни.

В семантике глагола *кагыл-* может быть манифестировано и значение “трогать”, которое имеет градацию трогания (это уже не легкое касательство) от праздного любопытства до полного присвоения, ср.: – *Кешенекенә каз тими, кәжәнекенә ат кагылмый икән, димәк, ел саен жәткен утыртып, без жирнең гел бер төрле ашын алабыз дигән сүз* “Раз гусь не притрагивается к чужому, а лошадь не дотрагивается того, что для козы, – выходит, это означает, что ежегодно сея лен, мы все время из почвы берем одни и те же минералы”. К.Каримов;– *Кагылмагыз, – диен, – балтама, – Тота белсәң аны, Йомычканың һәрбер кисәгеннән бал тама* “Не трогайте, – сказав, – мой топор, – Коль умеешь пользоваться им, С каждой стружки капает мед”. М.Аглям; *Читәннең теге ягындагы кабакка кагылырга аның йөрәге житмәде* “У него не хватило духа украсть тыкву, что по ту сторону плетня”. Ф.Хусни. *“Don’t touch that book!” his father shouted.* “«Не бери эту книгу!» закричал его отец”. *He has a car but I’m sure he wouldn’t let you touch it* “У него есть машина, но я уверен, что он не разрешит тебе воспользоваться ею”.

Из сказанного о лексеме как единице-инварианте, следует выделить и вариант семантики “отношения к кому/чему-н., затрагивать кого/чего-н.”, ср.: *Әйткәне-безчә, Берия шымчылары чит илләрдә атомга кагылган мәсьәләләр буенча зур эзләнүләр алып баралар, чөнки фәнни-техник шпионаж да НКВД карамагында була* “Как мы уже сказали, сыщики Берии за рубежом ведут активные поиски по вопросам, касающихся атома, так как и научно-технический шпионаж находился во ведении НКВД”. Ф.Байрамова; *Сузарга*

ярмый торган тагын бер эш бар икән әле, Айдар Гафиятович, <...> бусы синең үзеңә генә кагыла “Оказывается, есть еще одно неотложное дело, Айдар Гафиятович, <...> это касается только тебя». Ф.Хусни. Примеры с аналогичным вариантным значением можно найти и в других рассматриваемых языках, ср.: рус. *Оказались тоже и другие люди, до коорых все это касалось, и, может быть, гораздо более, чем могло казаться Алеше.* Ф.Достоевский, англ. *How does it touch me?* “Каким образом это касается меня?” *The writer touched upon vital problems* “Автор коснулся (затронул) важные проблемы”.

В какой-то мере в глаголах с семантикой “напомнить что-н., отметить что-н.” наблюдается близость с вышеуказанным семантическим типом, ср.: рус. *Но разговоры наши не касались прошедшего.* И.Тургенев; тат. *Сүз уңаенда ул Артыкбикәне ничек итеп коткаруына кагылды* “Попутно он напомнил и то, как спас Артыкбике”. М.Амир; *Татар театры турында яза башласаң – Галиәсгар Камалның тормышына һәм иҗатына кагылмый һич мөмкин түгел* “Если начнешь писать о татарском театре, то невозможно не коснуться жизни и творчества Галиаскара Камала”. М.Гали; англ. **touch** (*He longed to question her, to hear more about the life of which her careless words had given him so illuminating a glimpse; but he feared to touch on distressing memories, and before he could think of anything to say she had strayed back to her original subject* “Он жаждал спросить ее, услышать больше о той жизни, частичная картина о которой у него сложилась из ее неосторожных слов; но он боялся затронуть мучительные воспоминания, и прежде, чем он придумал, что сказать, она вернулась к первоначальной теме”. Е.Уортон).

Данный глагол в контексте, связанном с активным действием, может означать и действие, совершенное попутно с основным, и иметь значения “зайти, забежать на минутку, заехать (попутно), ср.: *Рифма эзләп шактый изалангач, Кагыласы иттем базарга* “Измучившись долго поиском рифмы, Решил заглянуть на базар”. Р.Валеев; *Гөлйөземнең һичшиксез бу бүлмәгә кагыласын белгәнгә, җанына талгын бер рәхәтлек иңде, аның иртәнге наз*

тулы йөзен күз алдына китереп, елмаеп куйды “Зная, что Гульюзум обязательно забежит в эту комнату, он, представив ее лицо, полное нежности. И ощутив теплое спокойствие в душе, улыбнулся”. Ф.Латыфи.

Приобретение глагольной лексемой *кагыл-* значения “попробовать на вкус” обнаруживается в контексте с тематикой питания, хотя оно выступает и переносным значением глагола “притронуться”, ср.: *Ризыкларга кагылмаска сүз куештык, лейтенант алдында гына түгел, аның сылу хатыны һәм чачактай кызы алдында йөз суыбызны түгәсебез килми* “Договорились не притрагиваться к еде, не хотим унижаться не только перед лейтенантом, но и перед его женой-красавицей и, словно цветок, дочерью”. А.Гилязов; *Кәрим абзый карчыгыннан арткарак кала да, нәфсе төшеп, ымсындырып торган, нишләптер берәү дә кагылмаган бал тулы жамаякка үрелеп, агач кашык белән батырып берне каба* “Карим абзый приотстает от жены, и, дотянувшись до привлекавшей его миски, полного меда, и к которой почему-то никто не притронулся, зачерпнув полную деревянную ложку, отправил в рот”. Ш.Галиев. Подобное значение отмечается и у английского глагола *touch* (*He rarely ever touches alcohol, except at Christmas* “Он никогда не пьет (букв. не трогает) алкогольных напитков, только на Рождество”).

Значение “заразиться, схватить болезнь” проявляется в следующем примере: *Хәзер бер чир дә кагылмас, Мин үзем тоташ әрем* “Теперь ни одна болезнь не пристанет, Ведь я сам сплошь полынь”. Н.Гамбар. Нельзя не отметить, что значение отрицательного воздействия является универсальной тенденцией вторичной номинации глаголов касания, ср.: рус. *тронуть* (*Шельга осторожно спустился по тронутой гнилью, скользкой лестнице.* А.Толстой); тат. *тияргә* “трогать” → “заразиться” (*суык тияргә* “простудиться”, *досл.* дотронуться до холода, ср.: *Моның ата-анасы бик картаеп, авыру тиен, озакламый <...> үлеп китәләр* “Его родители сильно постарев, заболели и через некоторое время <...> умерли”. Народная сказка); *электрергә* (*авыру электрергә* “заразиться”); англ. *catch* “ловить”; “заразиться” (*catch cold* “простудиться”, *досл.* поймать холод; *I think I’m getting the flu – I must have*

caught it off Gerry “Думаю, я заболеваю гриппом – должно быть подхватил его от Джерри”), *touch* (*He was definitely touched* “Он определенно сошел с ума”; подобное значение в русском языке передает глагол *тронуться*).

В татарском языке глагол **кагыл-** может употребляться и в переносном значении “осветить кого/что-н.”, ср.: *Тәвакәллә, күңел, тик бер малгә!– Галәм нуры безгә кагылсын* “ – Решись, душа, лишь на миг! – Осветит и нас Вселенной свет. Зульфат; а также в значении “выполнить, исполнить что-н.”, ср.: *Жиде класс буена ул, нинди генә биремне эшләргә туры килсә дә, шул биремнең үзен язый, күнегүләренә кагылмыйча килде* “На протяжении семи классов, какое-бы задание не пришлось выполнять, выполняя сами задания, он к упражнениям не притрагивался”. М.Магдеев.

В ряде случаев обнаруживается значение “быть обиженным, притесненным”, и здесь имеется в виду результат действия, а не сам процесс. Ср.: *Исәп хисапсыз кимсетүләргә, кагылу-сугылуларга түзде, коточкыч вакчыл, карун, көнче бай хатыннары аның саф йөрәген этләр кебек таладылар* “Терпел бесчисленные оскорбления, притеснения-рукоприкладства, чудовищно мелочные, жадные, ревнивые байские жены теребили его чистое сердце, словно псы”. А.Абсалямов.

Глагольная лексема **кагыл-** “касаться, прикасаться”, употребляясь в сфере взаимоотношения людей, может проявлять признак или свойство этих отношений. Данный семантический признак выражает постоянное или временное свойство субъекта, его черту характера, умение и т.д., ср.: *Кала килмешә-генең авыл матурларына кагылуын авыл яшьләре әлбәттә күтәрмәсләр, бер жаен табарлар да аның кабыргаларын санарлар* “Деревенская молодежь, естественно, не стерпит знакомство (или какую-либо связь) городского пришлого с деревенскими красавицами, они найдут возможность пересчитать ему ребра”. Г.Ибрагимов; *Иренең болай йомшаклыгын күргәч, Фәтхия катырак кагылды, ныграк атларга тырышты* “Увидев такую мягкость мужа, Фатхия обращалась жестче. Старалась шагать уверенно”. Г.Ибрагимов.

Наконец, отдельно следует упомянуть еще два случая, связанные так или иначе с коневодством. В первом случае данный глагол имеет значение частого удара, стука в результате касания, ср.: *Минем дилбегэ тотасым юк, борын курмичэ барам чана шуганны, тояклар шапылдап, ат пошкырганнны тоеп барам, казылмаларда чалулаганда чана кагылганнны тоеп барам* «Мне не держать вожжи, еду не видя как скользят сани; чувствую как копыта стучат да лошадь храпит, чувствую, как сани стучат при раскате об ямки». Ш.Галеев. Второе значение связано с уходом в сторону при приближении саней, телеги или же вообще уклонение, увертывание, ср.: *[Гали] атлы тавышын ишетеп, юлдан читкэрэк кагылды* “[Гали] услышав звуки всадника, шагнул (досл. уклонился) в сторону от дороги». Ш.Камал. Как видно из примера, в данном случае ярко выражено значение, обратное касанию. В русском и английском языках подобных производных значений нами не было выявлено.

На первый взгляд, по своему понятийному содержанию глаголы касания подразумевают некое поверхностное действие (если можно так выразиться), т.е. в денотативном плане касание ассоциируется с легкостью, мимоходностью. Однако во многих глаголах касания обнаруживается дополнительная сема интенсивности действия, ср., например, рус. *браться, хвататься*, тат. *тотын-*, где помимо интенсивности действия можно констатировать и наличие градации значения. В инвариантных значениях вышеприведенных глаголов присутствует включенный актант инструменталиса, т.е. “касаться чего-н. рукой”, ср.: *[Чудинов] подозрительно кашляет, тяжело дышит и непрерывно хватается за грудь*. М.Салтыков-Щедрин. *[Калиныч] часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду*. И.Тургенев. В вариантных значениях данных глаголов включённый актант инструменталиса не сохраняется, ср.: *Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины*. Л.Толстой. *Она берется опять за книгу и хочет читать*. А.Чехов. В ЭТИХ

примерах налицо значение «браться за что-либо», а подобных значениях данные глаголы сближаются с глаголами начала действия.

В татарском языке значение начала действия передается с помощью глагола касания **тотын-** “держаться, браться, хвататься”, например: *Тиз барып житкән егет, эшкә тотынган баргач ук* “Парень быстро добрался и тут же принялся за дело”. Г.Тукай. Следует отметить, что в татарском языке глагол **тотын-** также выступает и как вспомогательный глагол в сочетании с инфинитивами, например *сикерергә тотынырга* “запрыгать”, *еларга тотынырга* “заплакать”, тем самым новой языковой формой к опорному значению добавляется признак начала действия без переосмысления. В английском языке подобных значений у глаголов касания нами обнаружено не было.

Глаголам касания свойственно обозначать действия и ментальной сферы, а именно приобретать значения интеллектуальной деятельности, напр., *He grasped the idea = Он ухватил* (т.е. понял) *идею. Что-то чрезвычайно знакомое, но такое, чего никак нельзя было ухватить, чувствовалось в этих узеньких, зорких ярко-кофейных глазках.* А.Куприн. В своих вариантных значениях глаголы могут также обозначать каузацию эмоционального состояния, ср.: **трогать** (*Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые.* А.Куприн); **задеть** (*К тому же ее самолюбие было задето.* И.Тургенев), **электрергә** “высмеять”, ср.: *Коллектив жылышында электрделәр үзенә* “На собрании коллектива ему досталось”; англ. **touch** (<...> *and you will not misunderstand me when I say I think it touched him that a woman should listen to him as I did, and in such circumstances* “<...> и вы меня не поймете неправильно, когда я скажу, что думаю, его тронуло то, что женщина должна была слушать его, как я, и при таких обстоятельствах”. Е.Хорнунг).

Таким образом, содержание периферии данной ЛСГ свидетельствует о том, что общей чертой глаголов касания рассматриваемых нами языков является употребление их в значении “иметь отношение”, отрицательного воздействия

и физического состояния. У глаголов касания русского и татарского языков выделяется значение эмоционального состояния и начала действия.

У глаголов очищения базовой семой, обнаруживаемой у всех глаголов данной группы, является значения “освобождения от чего-либо ненужного, мешающего”. В качестве дополнительной семы можно выделить сему положительной оценки. Положительная оценка присуща многим глаголам данной группы (ср.: рус. **чистить**, тат. **чистарт-**, **арындыр-**, **тазарт-**, **себер-**, **эрче-** и т.д.; англ. **clean**, т.к. сами глаголы обозначают действие очищения, которое у всех ассоциируется с чем-либо положительным, полезным, необходимым, например: рус. **чистить** (*Панночка пришла на конюшню, где он чистил конюшню. Н.Гоголь*); тат. **эрче-** (*Локман карт улы артыннан ияреп йөри, ул кисеп аударган агачларны ботакларыннан эрчи* “Старик Локман ходит вслед за сыном, очищает от веток поваленные им деревья”. А.Еники); англ. **clean** “чистить” (*‘Pull off my boots,’ and then he threw them in her face, and made her pick them up again, and clean and brighten them.* “«Сними мои ботинки», и потом он швырнул их ей в лицо, и заставил подобрать их снова, почистить и навести блеск”. Бр.Гримм).

Однако наличие семы положительной оценки у инвариантных значений глаголов вовсе не обуславливает обнаружение подобной семы и в вариантных значениях. Ярким примером вышеуказанного является употребление деривата глагола **чистить** в значении “обокрасть”, например: *Вчера обчистили наших соседей.* Примечательно, что и у эквивалентов глагола **чистить** в других языках выявляются похожие вариантные значения, сравним татарский глагол **чистарт-** и английский **clean**: *Көндезге сәгатъ унберләрдә теге фатирны чистартканнар* “Около 11-ти часов дня ту квартиру обчистили”. Р.Каримов. *Oh, no! There’s been a bank raid! I’ve been cleaned out!* “О, нет! Ночью был налет на банк! Меня обчистили!” (Big Comic Fortnightly – 1989).

Таким образом, наличие у глаголов с базовым значением “чистить” вариантного значения “обокрасть” в генетически неблизкородственных

языках позволяет отнести это явление к межъязыковым, когда опорное значение вступает в роли скрытого семантического предиката, а сам факт подобного явления объясняется универсальным характером человеческого мышления. Следует отметить, что в татарском языке глагол *әрче-* (например, *бәрәңге әрчегә* “чистить, очищать картофель”) также обнаруживает значение “обокрасть”, ср.: *Ул безне әрчеп китте* “Он нас обчистил” (Из разговорной речи). В русском языке глагол *умыть* также передает негативное отношение со стороны человека, ср.: *Ловко он тебя умыл (обманул)!* При таких вторичных языковых номинациях на базе существующей “готовой” языковой формы формируется новое языковой-понятийное содержание, хотя оно и включает в себя и признаки предшествующего [подробнее см.: Языковая 1977а: 157–160].

На примере нескольких языков мы можем наблюдать, что глаголам очищения свойственно “переходить” в группы глаголов повреждения или разрушения объекта, ср.: рус. *промыть* (*Терек сквозь него промыл себе проток.* А.Грибоедов); *обварить* (*Глафира Львовна сама подвинула чашку чая кандидату; он сильно прихлебнул и обварил язык и небо, но скрыл боль.* А.Герцен); *стирать* (*Крашенные полы были стертые.* К.Паустовский); *разметать* (*Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку.* Н.Гоголь); тат. *ю-* “мыть, помыть и др.” (*Елга ярын су юган.* “Вода смыла (разрушила) берег реки.”); тат. *себер-* “мести, подмести” (*Күп уйлап тормады, янгыннан калган баганалары белән бергә “себереп ташлады”.* “Не долго думая, он уничтожил все вплоть до бревен, оставшихся после пожара”). В английском языке для придания подобных значений повреждения или разрушения объекта используются послелого, ср.: *wash* “мыть” (*Because of the strong wind the water washed away the trees* “Из-за сильного ветра вода смыла прочь (снесла) деревья”).

Отличительной особенностью английского языка в плане внутриглагольной деривации является наличие у глаголов очищения значений повреждения

объектов с помощью огнестрельного оружия, например *shell* с инвариантным значением “очищать” и *sweep* с инвариантным значением “мести” употребляются и в значении “обстреливать”, ср.: Ср.: ; *Yet the night of Granet's capture the village was shelled, and those who escaped were cut off and made prisoners* “Хотя в ночь захвата Гранета деревню обстреляли, а тех, кто спасся, были отрезаны [от деревни] и захвачены в плен”. Е.Оппенгейм; *Long ones are not good; and the best, if not carefully shelled, are apt to be a little rancid on account of the gall* “Длинные не очень хороши, а самые лучшие, если не тщательно очищены, часто бывают немного прогорклые из-за желчи”. Э.По; *And very early every morning -- before anybody is awake -- Hunca Munca comes with her dust-pan and her broom to sweep the Dollies' house!* “И каждый день ранним утром – пока все спали – нескольких часов”. В татарских и русских языках подобных значений у глаголов очищения нам обнаружить не удалось. В то же время, так как язык неразрывно связан с обществом и подвергается его влиянию, в лексике отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества, “<...> в ходе языковой эволюции используется и содержательно-смысловой потенциал, заложенный в самом словарном составе: изменение значений слов, переосмысление, наращение новой семантики, стилистические переоценки слов – все это, наряду с рождением новых слов, значительно расширяет и обогащает словарь языка, усиливает его потенции” [Валгина 2003: 75].

Для иллюстрации вышесказанного в качестве примера приведем глагол *чистить* и его эквиваленты. Глагол *чистить* в русском языке, *purge* в английском и *чистарт-* в татарском языке имеют основное значение “делать чище, освобождать от ненужного”, ср. рус. [Христоня] *чистил и потрошил принесенных карасей*. М.Шолохов; тат. *Санька ашыкмый гына коры-сары жэйдды, ишек алдындагы учакка ут элде һәм, жәенне чистарттып, кисәкләргә турап, казанга салды* “Санька не спеша собрал хворост, разжег костер и, очистив сома, разрезав его на куски, бросил в казан». Ф.Латыфи; англ. *This*

medicine will help to purge away the poison in your blood “Это лекарство поможет вывести яд из крови”.

В этих значениях глаголы начали употребляться и в таких выражениях как *purge the army, purge the party* (т.е. освобождать армию, партию от ненужных элементов). В данном случае формирование сигнификативного содержания глагола осуществляется под воздействием признаков, которые входят в понятийное содержание второго компонента (*армия, партия и др.*). В силу расплывчатости понятийно-языковой общности компонентов словосочетания, их лексическая связь часто бывает диффузной, хотя принцип диффузности и бывает решающим фактором, определяющим его семантику [Шмелев 1973: 95]. Первоначально глаголы в рассматриваемых нами языках в подобных выражениях имели значение “освободить от ненужного”, ср.: рус. *Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать каналы.* А.Островский; тат. *Мине, Минхажетдин Гыйлажетдиновны, колхоздан чистартып чыгару кайсы законда, нинди дикриттә язылган икән?* “В каком законе, декрете сказано, что меня, Минхаджетдина Гилязетдинова, должны выгнать из колхоза (букв. очистить колхоз от меня)?” К.Тинчури; англ. *Three seconds after reading the letter of the honourable Secretary of Marine, I felt that my true vocation, the sole end of my life, was to chase this disturbing monster and purge it from the world* “Через три секунды после прочтения письма почтенного секретаря военно-морского флота я почувствовал, что моим истинным призванием, единственной целью моей жизни было преследовать этого назойливого монстра и стереть его с лица земли”. Ж.Верн.

Однако изменения в обществе и особенно нестабильное военное положение во многих странах обусловили крайне негативные ассоциации, вызываемые действиями, репрезентируемыми понятийно-языковым содержанием этих глаголов. Так, в настоящий момент в русском языке глагол *зачищать*, а особенно производное от него существительное “зачистка” (например, “проводить зачистку”) ассоциируются с крайне негативными действиями. На данном примере видно, как происходящие в обществе изменения влияют на

отдельно взятую лексическую единицу, на ее семантическое содержание. Таким образом, в основе формирования косвенно-производных значений лежат те признаки отображаемой действительности, рассматриваемые в качестве существенных для них относительно понятийно-языкового отражения окружающей действительности.

Примечательно, что подобный переход глаголов *чистить* и его эквивалентов *purge, чистарт-* в группу глаголов повреждения и разрушения обнаруживается во всех трех рассматриваемых нами языках, что подтверждает идею универсальности языкового мышления, где изменения в отдельно взятом социуме становятся известны всему обществу в целом и тут же находят отражение в языке.

При рассмотрении татарских и русских глаголов очищения, явно прослеживается тенденция их “перехода” (точнее, совмещения двух значений) в группу глаголов перемещения, например, рус. *цедить* (*Двое прислужников <...> едва успевали разносить по столам мутное бессарабское вино, которое сам Рубинштейн, стоя за прилавком, цедил из двух больших бочек в графины. А.Куприн*); *разметать* (*Дети разметали книги по всей комнате. БТС*); тат. *сөзәргә* “процеживать” → “ловить” (*Каршы як ярда, Баләкин утравында, өч кеше ау белән балык сөзәләр иде “В противоположном берегу, на острове Балякин, трое людей бреднем ловили рыбу”. Р.Сибат*).

В английском языке подобной тенденции нами обнаружено не было, однако многие английские глаголы очищения в ходе развития языка приобрели значение движения, ср.: *sweep* “величественно идти”/ “мчаться”; *clear* (*Here I am on the spot after the office cleaners have cleared off “Вот я и на месте после того как чистильщики убрались (ушли)” (J.Aitken 1971)*). Необходимо отметить и существование прямо противоположных значений в глаголах очищения английского языка, тем самым мы встречаемся со своеобразным дуализмом. Так, английский глагол *sweep* “мести” в одном случае может употребляться с вариантным значением “величественно ходить” (где присутствует сема

медлительности), ср.: <...> *and how stately her movements as she sweeps along* “<... > и как величественны ее движения, когда она проходит”. Ж.Верн; а в другом – в значении “мчаться” (где обнаруживается сема интенсивности), ср.: *Eva swept into the meeting and demanded to know what was going on* “Ева примчалась на собрание и потребовала объяснить, что произошло”. В русском языке только глагол **смыться** в разговорной речи обозначает движение и несет сему интенсивности, ср.: *Проиграл наш хозяин свое заведение, не заплатил нам за четыре месяца ни гроша и смылся куда-то*. Н.Островский.

Рассматривая глаголы русского и английского языков, мы пришли к выводу, что глаголам очищения данных языков также свойственно обозначать процессы речевой и интеллектуальной деятельности, например, рус. **вентилировать** (*вентилировать вопрос*), **цедить** (*Только сестрица недовольна и сердито цедит сквозь зубы: – Опять этот Малиновец... ах, противный!* М.Салтыков-Щедрин); англ. **sift** “просеивать” (*Let them take the testimony they had heard and sift it impartially* “Позвольте им забрать показания, которые они слышали, и рассмотреть их беспристрастно”. А.Кристи; **clear** (*clear the evidence* “выяснить суть дела”).

Благодаря своему лексико-семантическому объему глаголы очищения часто начинают обозначать совершенно разные процессы и “переходить” в другие лексические поля, что мы видим на примере татарских глаголов **арулан-** и **тазар-** которые помимо значения очищения имеют значение “поправляться”, ср.: *Рубен гоститальгә озатыла. Тазарып чыккач, яңадан алгы сызыкка килә* “Рубен был отправлен в госпиталь. Когда выздоровел, снова вернулся на передовую”. С.Шакир; *[Күлгә] барам дисәң, ярый, бик хуш. <...> Йөзеп, чумып, юынып, тазарып кайтырсың* “Если говоришь, что пойдешь [на озеро], ладно, очень хорошо. <...> Поплаваешь, искупавшись, чище вернешься”. М.Гафури. В русском языке примером подобного перехода глаголов в поле состояния может послужить глагол **проветрить** (*Что нужно сделать? Проветрить людей. Дать им возможность увидеть новые*

места, горизонты. К.Паустовский; ср.: *Стало душно, нужно проветрить комнату.*

Таким образом, содержание периферии ЛСГ свидетельствует о том, что очищение имеет тесные семантические связи с другими действиями и процессами – уничтожение, повреждение объектов, присвоение чужой собственности, социальной деятельности (во всех рассматриваемых нами языках); перемещение (в русском и татарском языках); движение, интеллектуальной деятельности (в английском и русском языках). Следует отметить значение изменения физиологического состояния (“поправляться”), обнаруженное только у глаголов татарского языка.

Типовая семантика глаголов обработки – обрабатывать что-л. (почву/ какой-л. материал) при помощи специальных инструментов. Базовым глаголом в русском языке является **обрабатывать**, а в татарском и английском – **эшкәрт-** и **process**, ср. рус. *Камень этот еще только чуть-чуть обработан, Вот если его огранить да в оправу золотую <...>, Красивая брошь могла бы получиться.* А.Салынский; тат. *Әмма бу хәтле материалны ничек кенә эшкәртеп чыгасы да, ничек итеп бер кулъязма хәленә китерәсе?* “Однако как обработать столько материала и привести в состояние рукописи?”. А.Еники; англ. **process** (*processed cheese* “обработанный сыр”).

Обработка включает в себя воздействие на предметы, в т.ч. на продукты питания, с какой-либо целью. Поэтому мы не считаем необходимым выделять глаголы приготовления пищи в отдельную группу, т.к. сам процесс приготовления пищи включает в себя обработку продуктов. В тех случаях, когда глаголы термической обработки относятся к неодушевленным объектам, они обозначают не их обработку, а изменение функционального состояния этих объектов, например, тат. *Аның аркасын әлегә учак алдыннан әнисе алып биргән он катыш алабута күмәче жылыта иде* “Его спину пока грел каравай из лебеды вперемешку с мукой, взятый и поданный матерью из края костра”. М.Магдеев; ср. также *мичне кыздырырга = жарить печь = heat an oven*. Как видим, подобное расширение семантического объема глаголов

обработки свойственно всем рассматриваемым нами языкам, впрочем, как и следующая тенденция.

Если глаголы термической обработки употребляются с одушевленными объектами (а именно, относятся к людям), то глаголы начинают обозначать эмоциональное состояние, напр., рус. **накалить** (*Обычно спокойный старшина сейчас был накален схваткой.* Н.Никитин); тат. **эшкәрт-** (*Колхозга кыстау, баш тарткач, нигезен күчерердәй салым даулап, буып-буып кәнсаларда эшкәртү-өркетү, өерелешеп өйгә килеп керүләр котны ала иде* “Принуждение поступить в колхоз, выбивание налога после отказа, хоть перетащи фундамент, беря за горло, обработка-напугание в канцелярии, гурьбой вваливание в дом – все это сильно пугало”. Ш.Галеев; **кыздыр-** (*Бер тапкыр Маһирә ханым, аның сәхнәдәге кылануларын күргәч, бик каты кыздырды* “Однажды Махира-ханум, увидев его кривлянья на сцене, сильно отругала (досл. нагрела)”. А.Абсалямов; англ. **stew** “тушить” (*<...> cried Ned Land, who was carried away by the delights of the chase, "what excellent game, and stewed, too"* “<...> кричал Нед Ленд, который был в восторге от погони, “какая замечательная игра, ну и поволновались тоже”. Ж.Верн); **warm** “греть” (*As to the 52-foot raters, praised so much by the writer, I am warmed up by his approval of their performances; <...>* “Что касается 52-футовых ворчунов, столь восхваляемых писателем, мне приятно его одобрение их выступлений; <...>”. Д.Конрад); **boil** “кипятить” (*She boiled with resentment.* “Она кипела от негодования”), ср. также общее: *уй жылыта = мысль согревает = smth warms me*. В последнем случае инвариантные значения даже оказываются более частотными, т.к. с точки зрения современного общества, его моральных принципов и устоев термическая обработка человека представляется невозможной. Поэтому мы можем констатировать, что в подобных сочетаниях в результате влияния общества на мышление человека (а через него на язык) первоначально инвариантное значение становится вариантным, а вариантное – основным.

Глаголы термической обработки могут также обозначать

физиологическое состояние, сравним рус. *печь* (*В середине у меня болит <...>. Так и печет и печет.* А.Куприн); тат. *әчет-* “ныть” (*Данилов кулының әчетүен шунда гына сизде* “Данилов только тогда заметил как ноет рука”. Г.Баширов); англ. *stew* “потеть” (*He was stewing in that hot room* “Он потел в этой жаркой комнате”), где возможно проследить ассоциативную цепочку от неприятных ощущений, возникающих в результате термической обработки, до ощущений, не связанных с высокой температурой, но столь же сильных и неприятных (рус. *печет блины ~ печет от боли*, тат. *пешкән жир әчетү ~ йөрәк әчетү*).

В татарском языке глаголы термической обработки *пешер-* “варить” и *кыздыр-* “жарить” употребляются также для обозначения речевого воздействия, ср.: *Шуннан зәһәр хатынның ачуы чыгып, ирен пешерергә керешә* “Затем злая жена, разозлившись от этого, начала ругать мужа”. Т.Гиззат; *Директорның кыздыра торган гадәте юк иде* “У директора не было привычки ругать”. Д.Аппакова. Здесь можно констатировать, что при равенстве морфологической структуры, опорное наименование “путем нагревания изменить что-л.” сыграло семиологически разрешающую роль при формировании косвенно-производного значения.

В русском языке глаголу *молотить* свойственно в разговорной речи обозначать речевую деятельность, а именно быстрое говорение, например, *Балда молотит языком уже полную ерунду.* И.Йовлев; *Он нас не видит и не хочет видеть. Он, видите ли, скучает!.. – Аська, только не молоти чертовщину, – сказал Сергей.* Ю.Бондарев. В данном значении глагол приобретает значение отрицательной оценки, неодобрения, в то время как *молотить* с основным значением “извлекать, выбивать зерна из колосьев” (ср.: *Нужно добывать именно хлеб, то есть нужно пахать, сеять, косить, молотить.* А.Чехов); ввиду имплицитивной семы интенсивности, также употребляется и как глагол удара, ср.: *Сам Хамса не переставая молотил яшу в живот.* А.Житинский; *Ему было видно, как в толпе <...> у кого-то молотили кулаки.* В.Шишков. См. также вторичное значения «стрелять» с

результатом взрыва после удара об землю: *Немцы, спохватившись, молотили уже вовсю. Рвались за спиной мины.* Н.Самохин.

Для обозначения нанесения удара в разговорной речи выступают глаголы **обработать** ([Рогожин] *только что возвратился <...> после жестокой битвы, в которой потерял глаз. – Батюшка мой, как тебя обработали! – произнесла, увидев его, бабушка.* Н.Лесков); дериват глагола “греть” **огреть** (*Благородной даме ты такие подлости предлагаешь! Так бы вот тебя по лысине-то и огрела.* А.Островский); ср. также тат. **эшкэрт-** (*Утны сүндереп, эшкэртеп чыгарганнар аны “Потушив свет, его обработали”*); **пешер-** (*Эх, пешердек Японны без Хасан күле буенда “Эх, и побили мы японцев близ озера Хасан”.* А.Ерикеев); англ. **trim** “побить” (*Stop trimming it! “Прекрати бить!”*).

У некоторых глаголов обработки русского и татарского языков помимо лексического значения обработки появляется дополнительное значение результативности, что в некоторых случаях позволяет отнести их к глаголам отрицательного воздействия. Ср., рус. *начесать руку* (повредить чесанием), *морозить яблоки*, тат. *чүкергә* “ковать” “убить” (*Тайга аучысы иде, фашистларны күп чүкегән* “Был таежным охотником, многих фашистов уничтожил”. Г.Ахунов). *аякны пешерергә* “обварить ногу”. В английском языке подобное расширение семантического объема глаголов обработки не обнаружено. У английских глаголов с семантикой обработки наблюдается тенденция обозначения интеллектуальной деятельности, например, **forge** “ковать” (“*You are a dangerous person, I fear,*” said she; “*if you can forge compliments at that rate, Zoraide will positively be afraid of you; but if you are good, I will keep your secret, and not tell her how well you can flatter*” “Боюсь, вы опасный человек, – сказала она, – если вы умеете придумывать комплименты с такой скоростью, Зораиде будет вас определенно остерегаться; но если вы хороший, то я сохраню ваш секрет и не расскажу ей, как хорошо вы умеете льстить”); **grind** “молоть” (*They’re grinding away for their exam* “Они зубрят перед экзаменом”), **cook** “варить” (*I’m sure the police*

have been cooking the evidence to get more convictions “Я уверен, полиция выдумывала улики для большей убедительности”); **thresh** “молотить” (*They were threshing out this matter again and again* “Они снова и снова обсуждали это дело”), Ш.Бронте); **brew** “за(варить)” (*These conversations were considered by the captain of a “mysterious and unwarranted nature,” and related, no doubt, to some foul conspiracy that was brewing among them* “Эти разговоры рассматривались капитаном, будучи человеком загадочной и непредсказуемой натуры, как определенно имеющие отношение к какому-то непристойному заговору, который они замыслили”. И.Вашингтон). Заметим, что у вторичных значений явно эксплицируется сема негативной оценки.

В русском языке в пределах данной ЛСГ подобное значение обнаружено только у глагола **варить** (без семы негативной оценки), чаще всего в сочетании со словом “голова” (или “котелок”) в значении “хорошо делать свою работу, работать”, например, *Голова у Ларионова шибко варит*. И.Арамилев; *Хватай выше! Я хоть и не ученый, но котелок у меня варит*. К.Паустовский.

Необходимо отметить и межъязыковую тенденцию, выявленную у глаголов обработки рассматриваемых нами языков – это употребление со значением “делать что-либо хорошо, умело”, ср.: рус. **ковать** (*Пришло время самим ковать свою судьбу*. А.Фадеев); **жарить** (*Я с одушевлением рассказывал своим соседям по парте про Святослава, князя Липецкого <...>. Я из этих повестей мог жарить наизусть целые страницы*. В.Вересаев); **обработать** (*Ловко обработали дельце, – одобряет приказчик*. Л.Андреев); тат. **чүке-** “ковать”, “делать, очень стараясь” (*Баһадирдай Москва эшчеләре Үлем чүки анда дошманга* “Словно богатыри, рабочие московские Куют там смерть врагу”. Ш.Маннур); **пешер-** (*Эшне шулай итеп бик ныгытып, пешереп эшләргә кирәк* “Работу надо сделать с усердием, в поте лица”. Г.Камал); англ. **cook** (*The band really got cooking after midnight* “Группа действительно хорошо работала после полуночи”); **grind** “молоть”, “работать с усердием” (*The girl was grinding away in the yard* “Девочка работала во дворе”). Однако эти глаголы

не являются эквивалентными в этих значениях, они отличаются друг от друга дополнительными смысловыми оттенками. Напр., *жарить* обладает семой интенсивности высокой степени (что в общем свойственно всем значениям этого глагола, ср.: *жарить семечки, солнце жарит, жарить печь*), в состав глагола *grind*, так же как и *чүке-* сема интенсивности не входит, в составе этих глаголов можно эксплицировать сему монотонности и однообразия действия, что находит отражение в их вариантных значениях “работать с усердием, стараясь”.

Любопытно, что некоторые глаголы обработки могут обозначать и межличностные отношения, здесь следует отметить, что при реализации смыслового содержания у таких слов появляется сема негативной оценки, отсутствующая в инвариантных значениях этих глаголов. Напр., рус. *нагреть* (*Понагрел ты Калистратушку. – Ну, его нагреть не грех, Сам снимет крест с убого. Н.Некрасов*); *обработать* (*[Сосед мой] тещу свою, между прочим, так обработал чудесно: вексели ей подсунул; значит, выбрал же самый чувствительный час! И.Тургенев*); тат. *юн-* “разорить обманным путем (разг.)” (*Бик борынын күтәрәп йөргән иде, үзеннән дә башлылар аны юнып киткәннәр* “Ходил, задирая нос, головастые чем он и самого обули”. Р.Сиражев); *куыр-* “поторапливать, подгонять (разг.)” (“*Я сөйлә инде, зарыктырма!*” – *дип, Габдулла иптәшен куыра башлады* “Абдулла, говоря “давай же, рассказывай, не томи”, начал подгонять приятеля”. А.Файзи); *суыт-* “красть (разг.)”; англ. *grind* “мучить, угнетать” (*She grinds her dependents, pinches her servants, and deprives even her daughters and herself of the real comforts of life, <... >* “Она мучает своих иждивенцев, ущемляет слуг и даже лишает себя и дочерей действительного комфорта в жизни, <...>” Ш.Бронте). Глаголы татарского языка *суыт-*, *юн-* относятся к подполно владения и имеют общую сему “лишение имущества”, обнаруживаемую только у глаголов с семантикой обработки татарского языка.

Если рассмотреть глаголы с точки зрения их семантического объема, то на примере татарского глагола *пешер-*, основное значение которого «варить»,

можно выявить явление дивергенции, т.к. данная лексема обладает большим семантическим потенциалом и включает в себя значения русских глаголов *варить, печь* или английских *cook, bake*. В то же время словосочетание *варить пиво* переводится на татарский язык как *сыра кайнатырга* (а не *сыра нешерергә*), а на английский – *brew beer* «варить пиво». Таким образом, глаголы рус. *варить*, тат. *нешер-*, англ. *cook* будут эквивалентными до тех пор, пока они подразумевают обработку нежидких продуктов, приготовление пищи, в противном случае наблюдается дифференциация значения глаголов: *варить еду* = *нешерергә*, но *сыра кайнатырга* (досл. “кипятить пиво”), *курт кайнатырга* “варить курт (засушенный творог)” (акцентируется длительность процесса).

В английском языке в значении “варить еду” используется *cook*, а *brew* передает значение “заварить напиток”. В русском языке префикс *за-* придает значение недолговременности (*заварить чай, кофе*, но не кипятить кофе, чай), а в английском языке у глагола *brew* сема, указывающая на длительность действия, нейтрализуется, ср.: *brew beer* “варить пиво” и *brew tea* “заварить чай”.

Таким образом, мы наблюдаем любопытный факт: один и тот же денотат в разных языках передается по-разному, так в русском языке говорят *заварить кофе, чай*, где префикс *за-* придает оттенок недолговечности, в то время как в английском для обозначения того же действия употребляются глаголы *brew* (*brew tea* “заварить чай”, *brew beer* “варить пиво”) – т.е. сема, указывающая на кратковременность действия нейтрализуется и даже наоборот акцентируется сема длительности.

Сопоставительный анализ глаголов обработки, рассматриваемых в исследовании языков, позволяет выявить следующие семантические особенности. За счет глаголов обработки в русском, татарском и английском языках пополняются группы изменения функционального состояния, каузации эмоционального состояния, межличностных отношений и совершения действия. Глаголы русского и татарского языка также

обозначают изменение состояния (в данном случае глаголы становятся одновалентными и обозначают изменения погоды), физиологическое состояние, речевую деятельность, удар, отрицательное воздействие. Среди уникальных особенностей деривации глаголов обработки мы можем выделить значение интеллектуальной деятельности у глаголов английского языка и значение присвоения чужой собственности у глаголов татарского языка.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

2.1. СЛОЖНОЕ СЛОВО: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СИНХРОНИИ

(на материале сложных слов русского и немецкого языков)

Иванова Т. К.

Протекающие в настоящий момент языковые процессы в различных европейских языках свидетельствуют об активных изменениях лексических и других языковых подсистем в достаточно широком диапазоне, что позволяет по-новому переосмыслить накопленные лингвистические знания.

Словообразование связывает внутренний мир человеческих представлений и объекты реальной действительности, оно участвует в формировании обозначения понятий окружающей действительности. Данная область языкознания связана с теорией номинации, то есть ономаσιологией; ее функции направлены на создание и использование номинаций. При этом основной задачей словообразования является пополнение словаря любого языка новыми наименованиями. В свою очередь, употребление знаковых единиц языка определяется особенностями коммуникации внутри отдельных языковых стилей, что находит отражение в такой отрасли языкознания, как стилистика. Взаимоотношения между стилистикой и словообразованием также представляют в этой связи большой интерес.

Область функционального анализа в словообразовании на данном этапе мало изучена. Появление и развитие новых подходов и методов (перспективный метод, функциональный и ономаσιологический подходы) требуют теоретического обобщения накопленного опыта, что особенно наглядно проявляется при сопоставлении дальнородственных языков.

В настоящей работе представлены результаты анализа образования сложных слов в таких языках, как русский и немецкий, которые представляют разные языковые семьи, а также их переводные трансформационные соответствия. Подобное исследование имеет целью установление структурно-семантического параллелизма в образовании сложных языковых единиц, что непосредственно связано с объяснением общих тенденций развития языков и выявлению их сходств и различий, в частности, на словообразовательном уровне в синхронии.

Особый интерес представляют сложные наименования, так как количество образуемых путем сложения слов (семантический способ) в русском языке также постоянно увеличивается. Механизмы образования сложных слов, или композитов, в отечественной лингвистике еще мало изучены. В то же время в немецком словосложении имеются основополагающие теоретические исследования, которые, однако ставят ряд открытых вопросов, например, относительно возможности образования сложных слов по моделям, структурирования композитов с прогнозированием ограничений по их компонентному составу и др., которые требуют своего объяснения.

Среди современных лингвистов интерес представляют работы Э. Доналис [Donalies 2005], Й. Эрбена [Erben 1975, 2006], В. Моча [Motsch 1983, 1996a, 1996b, 2004], И. Онхайзер [Ohnheiser 1987, 1991], К. Фандриха [Fandrych 1993, 1994], Г. Фанзелоу [Fanselow 1981a, 1981b] и других, в которых рассматриваются особенности структуры и семантики сложных слов. Работы А. В. Бондарко [Бондарко 1991, 2001], В. Г. Гака [Гак 1988], Р. Ф. Газизовой [Газизова 1989], В. И. Карасика [Карасик 1992, 2002], И. А. Стернина [Стернин 1989, 1997, 2001], М. Т. Гурчиани [Гурчиани 2009], Т. И. Кочетковой [Кочеткова 2005], П. Н. Магомедгаджиевой [Магомедгаджиева 1997], Хэ Хуа [Хэ Хуа 1997], М. У. Сулейбановой [Сулейбанова 2009], А. Н. Яковлюк [Яковлюк 2010], а также представителей Казанской лингвистической школы – В. М. Маркова [Марков 1976, 1980, 1981, 1982], Э.

А. Балалыкиной [Балалыкина 1985, 1993, 2007, 2016], Г. А. Николаева [Николаев 1987, 1980, 1995, 2009] – создали предпосылки для глубокого сопоставительного анализа сложного слова в русском и немецком языках.

Чаще всего лингвистами описываются структурные типы, отдельные словообразовательные способы, взаимосвязь композитов с исходной производящей базой, сферы употребления сложных единиц. За пределами исследований остаются вопросы организации внутренней структуры композитов, целостности их семантики, а также процессы организации номинации, отвечающие требованиям словообразовательных систем разных языков.

Характерологические особенности связи составляющих сложные слова компонентов в русском и немецком языках производилось на основании ономаσιологического подхода, который позволил установить общие и специфические отношения между средствами словообразования в русском и немецком языках. Исследование ономаσιологических групп и подгрупп, в свою очередь, ориентированлось на выявление своеобразия известных моделей и типов сложных наименований лица в русском и немецком языках с функциональной точки зрения. Для получения адекватных результатов применялся интегративный подход, включающий метод анализа по непосредственно - составляющим, статистический метод, а также сопоставительно-типологический метод.

В настоящей работе принято традиционное понимание **сложного слова** (композита) как лексемы, имеющей в своем составе две или более производящие основы. При этом каждая производящая основа входит в состав самостоятельного сложного слова, представляющего целостную структурно-семантическую конструкцию. В отечественных исследованиях данные образования принято обозначать также терминами «двукорневое», «бикорневое», «поликорневое слово»; в германистике применительно к сложным словам используются понятия «комполит», «сложное слово»

(Zusammensetzung). В работе термины «сложное слово» и «композит» используются как тождественные обозначения одного и того же явления.

Термин «словосложение» имеет в работе несколько значений: это обозначение словообразовательного способа, а также результата акта деривации, при котором образуется сложное слово или композит (в узком смысле слова). Сложение представляет собой разновидность самого композита, образованного морфемным способом, тогда как сращение – возникновение сложного слова на основе семантического переосмысления его компонентов (изменения морфемного состава при этом не происходит; дополнительные словообразовательные форманты, как правило, отсутствуют).

Материал исследования составили сложные слова, зафиксированные различными словарями начиная с середины 90-х годов XX века в русском и немецком языках. По заданным критериям было обработано порядка 80 000 слов русского и немецкого языков и отобрано около 1000 сложных слов, количество которых в русском и немецком языках постоянно увеличивается, что подтверждается данными словарей новых слов. В качестве источников были использованы серия словарей Н. З. Котеловой, словарь иностранных слов Л. П. Крысина; справочные издания по написанию сложных слов Б. З. Букчиной; словари неологизмов немецкого языка. Проверка осуществлялась по традиционным академическим и электронным словарям.

Словообразовательные системы русского и немецкого языков обладают рядом сходных черт: в них отмечаются такие известные способы образования слов, как деривация и словосложение. Одновременно у каждого языка есть характерологические особенности, заключающиеся, например, в разной степени продуктивности образования слов тем или иным способом, в количественном соотношении словообразовательных средств, а также в наличии характерных для данного языка словообразовательных моделей и способов. Обнаружение подобных различий расширяет границы исследований в отношении словообразования русского и немецкого языков,

позволяет по-новому взглянуть на теории развития языков, обнаружить новые тенденции. Возможность моделирования композитов и их образование по аналогии в русском и немецком языках демонстрируют явное сходство протекания словообразовательных процессов в словосложении и деривации [Иванова 2011a].

Сопоставимость русского и немецкого языков обеспечивается высокой степенью изученности соответствующих языковых подсистем. Они достаточно подробно описаны в крупных академических трудах – грамматиках русского и немецкого языков. Однако сопоставительный анализ словообразования даже родственных языков демонстрирует разнообразие методов и подходов в отечественных и зарубежных исследованиях [Сопоставительное 1987; Нецименко Гайдукова 1994; Марков 1980, 1981; Милославский 1987; Онхайзер 1991; Сопоставительное 1989; Сопоставительное 1994], что обуславливает неоднозначность лингвистических описаний и характеристик исследуемых языковых явлений.

Русский и немецкий языки с типологической точки зрения являются неблизкородственными, поэтому сопоставительный анализ комозитообразования в них может быть произведен на основе единиц высокой степени абстракции. «Сущность сопоставительного метода заключается в системно-функциональном подходе к языковым феноменам, безотносительно к генетической, типологической, ареальной принадлежности языков. Прием сопоставления является не самоцелью, а способом углубленного познания системно-функциональных закономерностей языков, выявления сходств и различий между ними, а также общезыковых универсалий» [Сопоставительное 1987:3]. Сопоставительное исследование со словообразовательной точки зрения можно определить как изучение функционирования словообразовательных средств в зависимости от передаваемого ими словообразовательного значения внутри ономаσιологической категории.

В этом случае каждому словообразовательному значению необходимо подобрать соответствующее словообразовательное средство или ряд средств, а также проанализировать, какие уровни языка взаимодействуют при этом. Таким способом достигается обеспечение одинаковых подходов к языковым системам дальнородственных языков. Анализ производится от наиболее общих к более конкретным единицам языковой структуры. Вещественное выражение последних (например, словообразовательные форманты) составляет при этом специфику данного языка.

Поскольку ономазиология занимается изучением наименований и закономерностями использования различных языковых средств [Ономазиология], для проведения сопоставительного анализа необходимо использовать интегративный подход, при котором учитываются словообразовательные, лексические и семантические составляющие, которые вызывают соответствующие ассоциации у носителей языка [Бондарко 1984:60–62, 71–72]. Так, в основе сопоставительного анализа именного словосложения русского и немецкого языков находится структурно-функциональный подход, который позволяет проанализировать компонентный состав сложных слов и их семантические особенности. Исследование отдельных единиц словообразования дополняется ономазиологическим подходом. В результате способы образования сложных слов, а также виды композитов описываются по единым критериям и могут быть представлены в виде иерархичной системы, подчиняющейся общим словообразовательным закономерностям.

При разработке методологической базы сопоставительного изучения словосложения русского и немецкого языков необходимо также установить единицы изучения, так как понятия, используемые в описании словообразовательных систем данных языков, не всегда совпадают [Иванова 2011].

Основной единицей при проведении сопоставительного анализа словосложения русского и немецкого языков следует считать

ономасиологическую категорию, в которую могут входить словообразовательные категории, отражающие реализацию определенных словообразовательных типов и значений. Ономасиологическая категория является словообразовательной, если она объединена одним словообразовательным значением и реализуется различными словообразовательными средствами. В случае сопоставительного анализа дальнородственных языков она способна выступить в роли основной единицы сравнения. В одной ономасиологической категории рассматриваются явления, характерные не только для словообразования, но и относящиеся к другим уровням языка. При этом выявляется ряд относительно регулярных типов компенсаций [Онхайзер 1987:216].

По типу ономасиологической связки и ономасиологического признака среди наименований лица выделяются три большие группы: 1) сложные наименования лица по профессии, сфере официальной деятельности; 2) сложные слова – характеристики; 3) собирательные наименования лица [см. также Земская 1992:48, 83–84; Шкатова 1984]. В свою очередь при словообразовательном подходе они распадаются на две подгруппы: а) СНЛ по действию и б) СНЛ по предметному признаку (в широком смысле). Ономасиологический принцип позволяет объединить в одной ономасиологической группе различные словообразовательные типы и, таким образом, выявить межъязыковые (русско-немецкие) словообразовательные параллели.

При рассмотрении каждой группы было выявлено, что выражаемое словообразовательное значение может быть представлено разноуровневыми языковыми единицами [более подробно см.: Иванова 2013].

Собирательные обозначения группы лиц – наиболее однородная структурной точки зрения ономасиологическая подгруппа. Словообразовательную основу данных композитов образуют два имени существительных, одно из которых выступает в роли определения ко второму. В структуру значения последнего, определяемого компонента,

входит элемент, обозначающий некую совокупность индивидуумов или коллектив, связанный общностью определенного вида деятельности.

Единообразия структуры и семантики сложных существительных данной подгруппы отмечается как в русском, так и в немецком языке. Данные существительные образованы сочетанием усеченной и полной форм имени существительного – бандгруппа, бандгруппировка, бандформирование, панк-группа, поп-группа, рок-группа, фолк-группа; а также сочетанием существительного в роли определения с именем существительным – Beatband, Blau-helm-truppe, Drogenmafia, Fernseheteam, Jazzband, Kunstmafia, Lehrkraft, Opiumsmafia, Pornomafia, Rockband, Rockgruppe, Rockerbande.

Наиболее распространенное употребление имеют сложные имена существительные русского и немецкого языка, использующиеся для обозначения лиц по роду занятий или виду профессиональной деятельности. В данной ономастической группе отмечаются следующие подгруппы: наименования по действию или выполняемой функции; по действию и объекту, на который оно направлено; по результату действия; по действию и его месту; по признаку действия и; по действию и профессиональной сфере (отрасли науки, техники, виду искусства); по образу действия; наименования специалистов по профессиональной деятельности (с уточняющими компонентами). В группе наименований лица, представляющих собой характеристики человека, зафиксированы подгруппы по предметному признаку; СНЛ по отношению к предмету или признаку, связанному с ним; СНЛ по признаку; СНЛ по двум предметам/признакам; СНЛ по действию или выполняемой функции; СНЛ по действию и объекту, на который оно направлено; СНЛ по действию и его признаку.

В ходе исследования были рассмотрены порядка 80 000 слов, из которых 1049 сложных слов русского языка и немецкого языка. В исследование не вошли примеры единичного использования отдельных слов. Вопрос дифференциации композитов на узусальные и окказиональные

образования не вошел в рамки исследования. Большинство сложных слов русского языка (порядка 50%) являются семантическими сращениями.

В ходе работы было выявлено преобладание в русском и немецком языке композитов, имеющих в своем составе заимствованные компоненты. Они составляют более 50% всех рассмотренных слов.

В рамках данного исследования не ставилось задачи определения сущности межъязыковой эквивалентности или адекватности перевода той или иной словесной конструкции, однако для успешного решения вопросов межъязыкового сопоставления следует подчеркнуть, что адекватность перевода предполагает высокую степень воспроизведения в языке перевода явлений языка оригинала: формы, содержания, структуры исходного текста и пр.

На самом деле «адекватный перевод» в большинстве случаев невозможен в силу различий в языковых системах, а также в силу расхождений в плане культурологического и страноведческого аспектов. Перевод всегда является компромиссом и требует от переводчика пожертвовать какой-либо стороной языкового явления. Для достижения эквивалентного перевода используются переводческие трансформации (основополагающее определение понятия трансформации дано Л. С. Бархударовым [Бархударов 1975:190-231]).

Переводческие трансформации – это межъязыковые преобразования в виде перестройки элементов исходного текста. В случаях, когда некоторые смысловые элементы и стилистические особенности невозможно передать предельно точно, используются межъязыковые компенсации, представляющие собой элементы разных уровней языка.

Компенсации представляют собой «номинативные типы, характеризующиеся определенной регулярностью, которая в сопоставляемых языках системно обусловлена отсутствием определенных словообразовательных категорий, способов и средств в одном из языков или

же предпочтением или частотой определенных способов номинаций внутри идентичных ономаσιологических категорий» [Онхайзер 1991:226].

Для полного понимания значения немецких СНЛ требуется детальное восстановление семантики составных частей композитов. Так, слово *Mietmutter* ('суррогатная мать, получающая деньги за то, что выносила и произвела на свет ребенка для другой семьи'), в дословном переводе 'мама напрокат', или 'наемная мама', по своей структуре состоит из глагола *mieten* – 'снимать, арендовать, нанимать, брать напрокат' и существительного *Mutter* – 'мать' [Иванова 2012б]. В толковом словаре немецкого языка [GDF 2003] данное обозначение отличается от понятия *Leihmutter*, также переводимого как суррогатная мать, компонентами которого является основа глагола *leihen* – 'одалживать, брать и давать займы' и имени существительного *Mutter*. При этом речь идет о матери, которая вынашивает чужого ребенка для другой семьи, возможно, на безвозмездной основе [см. Иванова 2012б].

Данные обозначения лиц имеют определяющий компонент в виде глагольной основы для уточнения характеристики женщины, которая может произвести на свет ребенка для другой семьи (*Mietmutter*), либо выносить чужого ребенка (*Leihmutter*). Тот же принцип образования детерминативного сложного наименования представлен в СНЛ *Scheinasylant* 'мнимый беженец': основа глагола в качестве определяющего компонента и имя существительное в качестве определяемого. Компонент *Schein-* передает отрицательную коннотацию, которая возникает у слова за счет семантики исходного глагола [Иванова 2012б].

В случае выражения процессуального значения отглагольным компонентом, обозначающим абстрактный процесс, немецким наименованиям лица соответствуют, как правило, русские синтаксические конструкции, уточняющие семантику СНЛ с помощью перифразы: 'беженец, который таковым не является', 'человек, притворяющийся беженцем'.

«Целевой ономаσιологический признак, выраженный в немецком языке определительным композитом «существительное + существительное», также не имеет аналогов в русском языке : *Karrierefrau* – ‘женщина, занимающаяся карьерой или имеющая большие успехи в профессиональной деятельности’; *Drogensuechtige* – ‘лицо, болезненно зависимое от наркотиков’, ‘наркозависимый’; *Weltreisende* – ‘лицо, совершающее кругосветное путешествие’ [Иванова 2012].

Определительным композитам немецкого языка, состоящим из основ двух существительных, часто соответствуют русскоязычные словосочетания: *Aufbereitungsmechaniker* – механик по обогащению горной породы; *Ausbaufacharbeiter* – специалист по демонтажу; *Automatisierungstechniker* – техник по автоматизации; *Vertriebsspezialist* – специалист по сбыту [Иванова 2012 б].

Немецкие сложные слова со словообразовательным значением дифференциации образа действия имеют в русском языке соответствия в виде перифраз: *Unfalltote* – ‘кто-либо, погибший в результате несчастного случая’, ‘лицо, лишившееся жизни в результате катастрофы’; *Verkehrsofper* (*Verkehrstote*) – ‘лицо, пострадавшее в результате дорожной катастрофы (и умершее от полученных травм), ‘жертва дорожно-транспортного происшествия’.

Оппозиционные отношения дифференциации словообразовательного значения по профессиональной – непрофессиональной, а также постоянной – временной деятельности в немецком языке выражаются компонентами определительных композитов: *Amateur* – ‘любитель’; *Berufs-* – ‘профессионал’; *Profi-*, *-fachmann*, *-spezialist* – ‘специалист, профессионал’. В русском языке им соответствуют семантические сращения и конструкции «относительное прилагательное + существительное»: *Amateurfilmer* – кинематографист-любитель; *Amateurboxer* – боксер-любитель; *Berufssoldat* – военный-профессионал, кадровый военный; *Berufsmusiker* – профессиональный музыкант; *Profisportler* – спортсмен-профессионал,

профессиональный спортсмен; Sportlerprofi – спортсмен-профессионал; Tennisprofi – теннисист-профессионал [Иванова 2012б].

В свою очередь, русские семантические сращения, обозначающие лицо и не имеющие переводных структурных соответствий, передаются в немецком языке различными видами определительных композитов (примеры указаны выше). Копулативные композиты немецкого языка, которые являются обозначениями лица и наиболее соответствуют со структурной и семантической точки зрения русским сращениям, в настоящий период времени достаточно малочисленны.

У русских композитов со значением лица были выявлены и трансформационные словообразовательные значения, при этом их адекватный перевод на немецкий язык возможен лишь на уровне перифраз или должен сопровождаться пояснениями, например:

Автоджигит → автомобильный + джигит (перен.) – ‘храбрый воин, настоящий мужчина’ (шутл.); *видеонаркоман* – ‘человек, имеющий чрезмерное, болезненное пристрастие к просмотру видеофильмов (как наркоман)’.

Среди аналогичных образований немецкого языка наблюдаются семантические трансформации по определенным схемам: предмет, объект → лицо, обладающее подобными свойствами (*Blitzableiter* – ‘громоотвод, молниеотвод’ → ‘лицо, на котором кто-либо срывает свой гнев’; *Hemmschuh* – ‘тормозной башмак’ → ‘лицо или явление, которое тормозит, препятствует чему-либо, например, развитию’; *Strohmann* – ‘подставное лицо, марионетка’, *Schiessbudenfigur* – ‘предмет насмешек; человек, который смешно выглядит, безвкусно одет’); ситуативное переосмысление (*Betonkopf* – ‘бетонная голова’ → *Betonkopf* ‘человек, у которого такая твердая, бетонная голова, что делает его невосприимчивый к новым идеям’; *Kurschatten* – ‘курортная тень’ → *Kurschatten* – ‘курортный любовник’; *Sittenpolizei* – ‘полиция нравов’ → *Sittenpolizei* – ‘о блюстителях порядка, занимающихся вопросами нарушения моральных норм’). Переосмысление самой ситуации

характерно также для таких наименований лица, как *Querdenker* ('инакомыслящий'), *Kolonnenspringer* ('попрыгунчик'; 'водитель часто меняющий дорожную полосу при движении'), *Kilometerfresser* ('любитель быстрой езды на автомобиле'), *Wegbereiter* ('новатор'), *Traumtaeuzer* ('мечтатель'), *Tagtraeumer* ('фантазер'), *Kanalarbeiter* ('работник канализационной службы', 'помощник, который помогает сделать карьеру'), *Steigbuegelhalter* ('стремянной', 'помощник, который помогает сделать карьеру'), *Drahtzieher* ('закулисный водила', 'серый кардинал'), *Nestbeschmutzer* ('злопыхатель') [Иванова 2012б].

Основанием для семантических преобразований некоторых наименований сложной структуры служат качества, приписываемые тому или иному животному, насекомому: *Wasserratte* (зоол. водяная крыса) → *Wasserratte* – 'любительница плавания, заядлая купальщица'; *Nachtschwaermer* (зоол. бражник, ночная бабочка) → *Nachtschwaermer* – 'ночной гуляка'. По аналогичной схеме осуществляется трансформация значения слов *Beutetier* ('жертвенное животное, жертва'), *Eintagsfliege* ('бабочка-однодневка, мыльный пузырь'). В некоторых случаях семантическому переосмыслению подвергается лишь один компонент: *Kredithai* – 'кредит' + 'акула' → *Kredithai* – 'акула бизнеса' [см. примеры: Иванова 2012б].

Таким образом, изменения, происходящие в лексической структуре сложного слова, провоцируют и трансформацию его словообразовательного значения. Подобные трансформации, осуществляемые без изменения привлеченных словообразовательных средств и связанные с переосмыслением самих ситуаций номинации, следует рассматривать как разновидность лексико-семантического способа словообразования.

При семантическом подходе к анализу сложного слова, последовательно изложенном в работах Н. М. Шанского [Шанский 1975, 1981], В. М. Маркова [Марков 1981, 1982], утверждается, что образование слов может происходить «путем включения слова в иной лексической

разряд» [Марков 1981:9]. Формальным словообразовательным средством в данном случае является модель семантической трансформации. Сфера функционирования сложных слов с так называемым переносным значением и стилистической окраской – это, как правило, разговорная речь.

Наименования лица приведенной выше группы образованы без изменения словообразовательной базы и лишь с помощью семантической трансформации отдельных компонентов, что свидетельствует о возможности образования межспособных словообразовательных омонимов в сопоставляемых языках. Подобные словообразовательные омонимы немецкого языка образованы по моделям «сложное обозначение явления, предмета, животного» → «лицо»: *Hemmschuh* ('тормозной башмак, тормоз' → *Hemmschuh* ('человек, тормозящий какие-либо изменения'), *Schiessbudenfigur* ('фигура в будке для стрельбы или тире, по которой стреляют') → *Schiessbudenfigur* ('человек, над которым все смеются, которого никто не воспринимает всерьез') и так далее [Иванова 2012б].

Для передачи соответствующего словообразовательного и лексического значения сложных образований с языка оригинала на язык перевода используются межъязыковые эквиваленты в виде структурных соответствий или такие межспособные трансформации, которые позволяют добиться наибольшей адекватности передачи содержания сложных наименований лица и обладают широкой воспроизводимостью в языковой системе данного языка.

Сложным наименованиям лица русского языка, вне зависимости от передаваемого ими словообразовательного значения и структурного оформления (сложение или семантическое сращение), чаще всего соответствует немецкая лексема в виде сложного слова (определятельный композит) или, значительно реже, описательная конструкция. Развитая система немецкого словосложения позволяет подобрать уже существующий в языке структурный эквивалент или создать на основе словообразовательных моделей немецкого словосложения новую лексему,

которая не нарушает словообразовательных норм немецкого языка в области словосложения.

Поиск эквивалентов при переводе сложных наименований лица с немецкого языка на русский, вызывает ряд существенных затруднений в выборе адекватных конструкций. Сложному слову немецкого языка в языке перевода (немецкий язык) может соответствовать: а) аналогичная лексема, представляющее собой словосочетание: «имя прилагательное + имя существительное»; б) субстантивированное причастие; в) перифраза на основе семантической трансформации «лицо, которое...; человек, который...».

В каждом конкретном случае переводчик на основании контекстуального анализа решает, какой способ передачи сложного наименования наиболее ясно отвечает цели достижения адекватности – эквивалентности перевода. Ниже приводится ряд немецких СНЛ с повторяющимся первым компонентом и их перевод на русский язык с учетом специфики словообразовательной структуры: *der Fernsehmechaniker* – телемеханик, *der Fernsehjournalist* – тележурналист, *der Fernsehreporter* – телерепортер, *der Fernsehredakteur* – телередактор, *der Fernsehsprecher* – диктор телевидения, *der Fernsehkoch* – телеповар, *der Filmkritiker* – кинокритик, *der Filmproduzent* – ‘кинопроизводитель’, продюсер фильма, *der Filmregisseur* – кинорежиссер, *der Filmautor* – автор фильма, сценарист, *der Filmbesucher* – кинозритель; *der Filmmacher* – режиссер-сценарист и т.д. (немецкие примеры взяты из толковых словарей [GDF 2003; WDW 1981], перевод – автора). Наиболее удачными соответствиями являются *der Fernsehmechaniker* – ‘телемеханик’, *der Fernsehjournalist* – ‘тележурналист’, *der Fernsehreporter* – ‘телерепортер’, *der Fernsehredakteur* – ‘телередактор’, то есть наименования лица, по основному содержанию и структуре близкие к межъязыковому эквиваленту. В приведенных примерах определительному композиту немецкого языка соответствует в русском языке сложное слово, первый компонент которого является аффиксоидом, образованным на основе

аналитической формы имени прилагательного *телевизионный*, обозначающем принадлежность к телевидению или телекоммуникации как особому средству массовой коммуникации, место которых на современном этапе занял Интернет, что также привело к своеобразному «словообразовательному буму».

Для передачи содержания исходных сложных слов немецкого языка в отдельных случаях требуется объяснение в виде ссылки на саму ситуацию, например слово *der Fernsehkoch* как ‘телеповар’ требует дополнительной трактовки значения путем использования перифразы ‘повар, приготавливающий пищу на глазах у зрителей в телестудии’. Таким образом, межъязыковые соответствия могут быть межспособными и межуровневыми явлениями языковой системы в целом.

Итак, сложному наименованию лица русского языка может соответствовать сходная словообразовательная конструкция в виде сложного слова или, гораздо реже, перифраза. Сложные наименования лица немецкого языка переводятся на русский чаще всего описательными оборотами или определительными словосочетаниями. Подбор соответствий немецким СНЛ в виде сложного слова в русском языке затруднен по причине отсутствия аналогичных структурных конструкций. Эквивалентный перевод со структурной точки зрения возможен лишь для сращений, а также образований с аффиксоидами (ср.: *Filmproduzent*, *Filmregisseur* и *кинопроизводитель*, *кинорежиссер*), обладающих в сопоставляемых языках сходными значениями.

Кроме того, сложные наименования лица могут иметь несколько способов передачи в виде СНЛ при переводе на другой язык в зависимости от контекста и с учетом словообразовательных особенностей.

Дополнительно к основной семантике в сопоставляемых языках возможна также передача оценочных и градационных отношений. Данные явления связаны главным образом с лексическим значением основ, входящих в состав композита.

Для выражения оценочного значения в СНЛ (с наличием/отсутствием эмоционального компонента) русский язык имеет возможность образования сложных слов – сращений, которые не свойственны немецкому языку. Оценочная коннотация входит в значение элементов, составляющих сложное слово: «*профессионал* – человек, который (в отличие от любителя) занимается каким-нибудь делом как специалист, владеющий профессией» [Ожегов 2004:626]. Например: *фотограф-профессионал, шофер-профессионал* [там же].

Словообразовательные средства, передающие градационные признаки, существенную роль играют лишь в немецком языке. Определительные композиты с градационным значением состоят из двух основ существительных и обозначают в большинстве случаев высокую степень наличия признака у лица, которое обозначено опорным компонентом. Существительные, находящиеся в препозиции по отношению к опорному компоненту, употребляются в переносном значении, причем такой семантический перенос при самостоятельном функционировании слова не наблюдается. Часто возникают словообразовательные ряды с повторяющимися компонентами, например: *Mords-*, *Riesen-*, *Sau-* и др. Сложные слова с аффиксоидами, образующие переходную зону между словосложением и деривацией, в немецком языке, как правило, стилистически маркированы. В качестве аффиксоидов выступают компоненты *-fritze*, *-muffel*: *der Meckerfritze*, *der Quasselfritze*, *der Modemuffel* [Иванова 2012а].

В «Словаре словообразовательных элементов немецкого языка» [ССЭРЯ:166] «элемент *-fritze* рассматривается как полусуффикс существительных мужского рода, образованный от собственного имени *Fritz/Fritze*. Он служит для обозначения лиц по роду занятий с оттенком фамильярности и разговорной окраски, а также лиц, обладающих отрицательными качествами, в сложных наименованиях с первым

компонентом – основой глагола или существительного» [Иванова 2012а].
Имеющиеся соответствия в русском языке – суффиксы *-ец, -ун, -щик*.

Подобные элементы обладают разной степенью продуктивности и могут выступать в роли словообразовательных формантов в равной мере, как и другие аффиксоиды. Например, компонент – *muffel* [ССЭРЯ] не зафиксирован. Собственно словообразовательное значение аффиксоида, вероятно, сформировалось на основе собственного значения слова *Muffel* – ‘ворчун; морда, рыло (груб.)’, что ограничивает сферу употребления аффиксоида [Иванова 2012а].

Образование аффиксоида на основе слова *Papst* [GDF 2003:768]., равно как и *-guru*, происходило на основе трансформации семантики самостоятельной лексической единицы, связанной с обозначением религиозного учителя. Первоначально относившиеся к лицам, исповедующим индуизма или буддизм, они стали компонентами сложных слов со значением ‘кто-либо, играющий руководящую роль в какой-либо области, являющийся примером для подражания’ [Иванова 2012а]. На настоящий момент они имеют дополнительную, свойственную разговорной речи, окраску ироничности и пейоративности / пренебрежительности. Например: *Musikguru Gulda will Freude durch eine lockere Konzertatmosphäre bereiten: Lautstaerke Publikumskritik duldet er nicht* [COSMAS II_ЭР; O97/MAR.31069 Neue Kronen-Zeitung, 25.03.1997, S. 34; Der mit Wolferl tanzt] (музыкальный гуру Гульда хочет доставить радость путем создания непринужденной атмосферы на концерте: громкую критику со стороны публики он терпеть не может – перевод автора).

Ряд компонентов сложных существительных немецкого языка обозначает только оценку, без указания на степень проявления признака, например: положительная характеристика в компонентах *Traum-* – *Traummann* (‘мужчина-мечта’) или *Universal-* – *Universalgenie* (‘гений во всех областях’); отрицательная характеристика или негативное отношение к чему-либо – *Schmalspur-* в слове *Schmalspurjurist* (‘юрист-недоучка’), *Feld-*, *Wald-*

und Wiesen- в слове *Feld-, Wald- und Wiesendichter* (‘посредственный поэт’) [Иванова 2012a].

При помощи компонентов *Best-, Spitzen-, Top-* образуются сложные наименования лица с дополнительной эмоциональной окраской положительного оценочного значения. В случае образования сложных слов с помощью данных элементов и одинаковым вторым компонентом, например, *Spitzenkandidat* и *Topkandidat*, словообразовательные типы данной структуры следует рассматривать как синонимические.

Сфера употребления большинства приведенных немецких образований, как уже говорилось выше, – разговорная речь. В структуре сложного слова аффиксоиды, или полусуффиксы немецкого языка имеют соответствия в виде структурных межспособных синонимов русского языка, причем они, как правило, лишены стилистически маркированного употребления (ср.: *Topkandidat* и *топ-кандидат*). Выявленные в составе сложных наименований лица русского языка аффиксоиды типа *био-, видео-* в словах *биоинженер* и *видеоинженер* обозначают сферу профессиональной деятельности лица по отношению к науке или производству и стилистически нейтральны. Функционирование словообразовательных типов сложных слов русского языка, в состав которых входят подобные аффиксоиды, характеризуется, как правило, близостью к терминологии [Шкатова 1984:40–41]. В их структуру зачастую входят названные выше компоненты, имеющие латинское или греческое происхождение: «Характерно, что почти все греко-латинские корни участвуют в образовании не единичных терминов, а целых серий (блоков) однотипных дериватов, что придает их компонентам большую смысловую понятийную конкретность» [Буянова 2011:152]. Сложные наименования специалистов в области науки или производства, как правило, однозначны.

Таким образом, наличие существенных совпадений по приведенным выше параметрам у сложных наименований лица, формирующих межъязыковую пару в сопоставляемых языках, позволяет сделать выводы об

их принадлежности к эквивалентным или близким переводным соответствиям. Отсутствие или несовпадение существенных признаков у сложного наименования лица исходного языка на фоне единицы языка сопоставления разрешает отнести их к приблизительным межъязыковым соответствиям, а также выявить случаи безэквивалентности и лакунарности в двух языках, которые должны быть темой отдельного самостоятельного исследования.

Характерологическими чертами образования сложных наименований русского языка являются: образование сращений, расширение состава сложно-суффиксальных моделей, формирование аффиксоидов в области терминологии в словах с нейтральной семантикой, аббревиатурный тип СНЛ с определительными отношениями компонентов. В немецком словообразовании СНЛ отмечается сложение как наиболее распространенный тип сложных слов, многочисленность характерологических образований с аффиксоидами и ярко выраженное терминологическое содержание наименований лица с заимствованными компонентами.

Для новых наименований лица в научно-технической области используются морфемы греческого и латинского происхождения. Они сочетаются в разных комбинациях по стандартным интернациональным моделям (*бионавт* – ‘человек, находящийся длительное время в искусственно созданной среде обитания’). Структурные и семантические свойства данных лексических единиц близки к терминам: их однозначность облегчает коммуникацию и они, по причине универсальности, присутствуют в словарном составе разных языков. Активное использование новообразований указанного типа способствует развитию такой тенденции в словообразовании, как стремление к унификации наименований лица (интернационализации), которое характеризует в настоящее время многие мировые языки (в европейских языках данное явление отмечается в работах

Э. Доналис, А. Зайферт, Й. Эрбена; в русском – Е. А. Земской, Л. П. Крысина).

Указанная тенденция языкового развития проявляется в системах русского и немецкого языков и в формировании таких словообразовательных структур, которые возникли на основе расширения сочетательных возможностей заимствованных морфем: *клиполюб* (ср. *книголюб*), *кофеман*, *игроман* (где *мания* – ‘болезненное пристрастие к чему-либо’); *Aids-krankte* (*Aids* – ‘СПИД’, сокращение от сочетания: *синдром приобретенного иммунодефицита человека*), *Barkeeper* (где *keeper* – англ. ‘человек, содержащий бар – питейное заведение’), *Fussballcrack* (‘профи в футболе’, где *crack* – англ. ‘давать трещину, раскалывать’), *Design-guru* (где *guru* – ‘вероучитель’).

Чрезвычайно показательно, что подобные лексические единицы, возникающие на основе языковой аналогии, способствуют языковому автоматизму «словообразовательная модель – слово как отдельный знак» и тем самым ведут к регулярной воспроизводимости новых словообразовательных моделей в системе языка. Заимствованные компоненты выступают в роли составных частей сложных слов, которые уже являются неотъемлемыми элементами данной языковой системы.

Итак, сложные наименования лица имеют четко организованную структуру. В новообразованиях подобного рода отчетливо прослеживается мотивированность словообразовательного значения семантикой входящих в них компонентов. Стремление к мотивированности значения СНЛ усиливает аналитическое и агглютинативное начала в строе русского языка, поскольку мотивированность наименования предполагает внешнее выражение логической структуры обозначаемого.

Композиты со значением лица как комплексные единицы способны выражать как целостное понятие, так и расчлененное, называемое ономаσιологическим признаком. По ономаσιологическому признаку образование СНЛ подчинительного типа основано на отношениях

конкретизации компонентов; компоненты наименований лица сочинительного типа дополняют друг друга.

Сложные наименования лица являются единицами номинации и единицами речи. Экономичность и точность сложных наименований связана с их способностью к передаче «свернутых ситуаций», так как комплексные наименования выражают широкий спектр связей и отношений за счет частичного вхождения в словообразовательное значение семантики отдельно взятых компонентов СНЛ.

В образовании и процессах увеличения количества композитов немаловажное значение имеет наличие соответствующих словообразовательных стереотипных моделей, по которым образуются наименования лица и используемых в дальнейшем для осуществления правильного или адекватного перевода. Таким образом, в языке-реципиенте возникают новые словообразовательные типы и соответственно значения, которые первоначально не имелись как у заимствованных, так и у исконных компонентов, входящих в сложное слово, что свидетельствует об усилении аналитических тенденций в словосложении обоих исследуемых языков.

3.2. ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Абдрахманова А.А.

Понятие окказионального слова

В лингвистике уделяется большое внимание структуре, семантике и функционированию новообразований. Исследователи особо подчеркивают роль окказиональной лексики в художественном произведении, указывая на то, что окказионализмы являются важным текстообразующим средством, отличаясь исключительной семантической емкостью.

Значительные поэтические достижения возникают там, где плодотворная литературная традиция пересекается с вызовом времени, социально-психологическими особенностями эпохи. Раньше молодые поэты сперва включались в течение традиции, а потом постепенно выходили на уровень запросов эпохи, – теперь же многие талантливые молодые авторы сразу начинают работать в пласте современности, а за основу берут современные речевые модели, представленные окказиональными новообразованиями.

Таким образом, в современных художественных текстах учеными отмечается всплеск неузального словообразования как яркого экспрессивного средства. Активизация деривационных процессов привела к появлению многочисленных окказионализмов, нуждающихся в изучении.

Окказиональный – (лат. *occasionalis* 'случайный') – слова, образуемые «по случаю», в конкретных условиях речевой коммуникации и, как правило, противоречащие языковой норме, отклоняющиеся от привычных способов образования слов в данном языке. Неузальный, несоответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления. («Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой – 4, с.20)

Окказиональное слово в художественных текстах – это языковой знак, позволяющий судить об особенностях художественного мышления автора, о его гибкости в выборе средств языкового воплощения содержания.

Н.Г. Бабенко пишет: «Действительно, наиболее частотны окказионализмы в поэтических текстах, что естественно, поскольку поэтический язык, «как потенциальный максимум воплощения национального языка» (В.П. Григорьев), «напрягает» все не только языковые, но и речевые ресурсы образного повествования [Бабенко 1997: 45].

Окказиональное словообразование в настоящее время – достаточно разработанная область языкознания. Однако на данный момент практически отсутствуют работы, в которых бы уделялось внимание современной поэзии

в аспекте окказиональности. В первую очередь, это касается женской поэзии уже известной, но малоизученной поэтессы Веры Полозковой, чье творчество особенно отличается обилием окказиональных композитов, без дешифровки которых невозможно проникнуть в смысл их текстов. Следовательно, рассмотрение окказионализмов в сборнике стихов данной поэтессы поможет глубже понять идейный вектор ее творчества, определить особенности авторской манеры и специфику мировоззрения.

Окказиональная деривация является реализацией игрового потенциала языка и может интерпретироваться как творческий когнитивный акт, вскрывающий скрытые механизмы и возможности языковой системы. В процессах окказиональной деривации создаются и модифицируются новые знания о мире, актуализируются скрытые и периферийные смыслы, причём инновационные оттенки смыслов задаются автором намеренно. В функциональном плане окказиональная деривация отражает различные коммуникативные установки языковой личности - создание, подбор номинаций для соответствующих предметных и абстрактных реалий; выражение субъективно-эмоционального отношения индивида к тому или иному фрагменту картины мира; особенности собственной системы ценностей той или иной коммуницирующей личности.

Объектом и результатом нестандартной деривации является окказионализм, отражающий специфику языковой картины мира личности на когнитивном, эмотивном, аксиологическом и прагматическом уровнях.

Несмотря на большое количество работ, посвященных различным аспектам неологизации, вопросы о сущности нового слова, критериях его выделения до сих пор остаются открытыми. Новообразования с незапамятных времён обращали на себя внимание своей необычностью.

Более двух десятилетий назад в своей работе «Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово)» А.Г. Лыков отмечал, что на вопрос о сущности нового слова «в нашей специальной литературе пока однозначного ответа нет как в отношении принципиальной сущности и

релевантных признаков вообще всякого нового слова, так и в отношении указания конкретных хронологических рамок, в пределах которых первое появление и бытие слова было бы ясным признаком его новизны в современном русском литературном языке» [Лыков 1976: 48].

По прошествии значительного временного периода положение дел не изменилось. До сих пор в современной лингвистике нет вполне чёткого и общепринятого определения неологизма, а так же не решён вопрос о разделении новых слов. Исследователи единогласно признают существование следующих разновидностей новообразований:

1) слова, быстро входящие в языковую систему в силу их общественной значимости, становящиеся общим достоянием людей;

2) слова, рождённые в каком-либо контексте или акте речи и остающиеся принадлежностью автора, – а также в том, что первая группа слов – это факты.

При этом основополагающим принципом разграничения двух видов новообразований становится их изначальная принадлежность к сфере языка или речи. На первый взгляд, подобное разграничение логично и обоснованно. Следует отметить, что «появляются новые слова обоих типов сначала в речи» [Соссюр 1977: 56], и только потом их «жизненные пути» расходятся: одни входят в активное употребление и в языковую систему, другие же так и остаются принадлежностью речи создавшего их словотворца. Именно поэтому некорректно говорить, что в основе принципа разделения двух типов слов лежит принадлежность нового факта к языку или речи. Несмотря на это, в лингвистической литературе до сих пор не всегда указывается принадлежность неологизма в сфере речи, хотя зарождение этого явления, как отмечал ещё Фердинанд де Соссюр, следует искать «вне языка» [Там же].

Н.З. Котелова даёт следующее определение термина: «Неологизм (от греч. *neos* – новый и *logos* – слово) – слова, значения или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные только один раз (окказионализмы, см.) в каком-либо тексте

или акте речи» [Котелова 1971: 67]. Примечательно, что при подобном толковании термина «неологизм», не различаются компоненты дихотомии «язык-речь»; из двух видов новых слов отсылка даётся только к одному - окказионализму. Следовательно, представляется необходимым уточнение определения «неологизм».

При широком толковании к неологизмам относят новые факты языка, различные индивидуально–авторские образования (собственно окказионализмы), новые фразеологические обороты.

При узком понимании термина к неологизмам относят те «новые единицы лексической системы языка, которые возникли в силу общественной потребности дать имя новому предмету или выразить новое понятие и которые функционируют в речи в качестве готовых, воспроизводимых единиц» [Шанский 1968: 78].

Ещё Ф. де Соссюр писал о том, что «термин «окказионализм» широко используется в лингвистической литературе, но общепризнанного определения окказионального слова нет» [Соссюр 1977: 69]. Очевидно, это связано с неоднородностью классификационных признаков, положенных в основу определения термина.

Окказиональное словообразование – явление любого живого языка, поскольку оно связано с появлением новых вещей или явлений.

Окказионализмы могут в дальнейшем получить распространение и статус неологизмов. Н. А. Янко – Триницкая пишет: «...строение окказиональных слов имеет право на внимание, поскольку они все же слова и поскольку ими пестрит не только устная, но и письменная речь» [Янко-Триницкая 1972: 254].

В лингвистике вопросам окказиональности как особой теме внимание стало уделяться недавно, очевидно в силу аномальности, противоречивости этого явления, хотя авторские новообразования привлекали внимание исследователей.

Если обратиться к соответствующей научной литературе, то можно обнаружить различные названия окказиональных слов: «индивидуальные слова»; «авторские слова», или «индивидуально-авторские неологизмы»; «стилистические», или «индивидуально-стилистические неологизмы»; «неологизмы контекста»; «литературные неологизмы»; «слова-экспромты»; «слова-метеоры»; «неологизмы поэта». Эта терминологическая многоликость, конечно, не только связана с особенностями проводимых исследований, но и с установлением точных границ и характера описываемого лингвистического явления; с разграничением материала исследования - языковая система, устная речь, разговорная речь или художественный текст.

В зависимости от условий создания неологизмы делятся на общеязыковые, появившиеся вместе с новым понятием или новой реалией, и индивидуально-авторские, введенные в употребление конкретными авторами.

Таким образом, среди новообразований русского языка достаточно четко противопоставляются две категории: неологизмы и окказионализмы (последние на словообразовательном уровне дифференцируются на потенциальные и окказиональные слова).

В лингвистической литературе проявляются две тенденции, направленные на:

- а) разграничение;
- б) неразграничение потенциальных и окказиональных слов.

Первая тенденция реализуется в работах Г.О. Винокура, Е.А. Земской, Эр. Ханпире, М.А. Бакиной, М.У. Калниязова, Л.И. Джоглидзе, Н.А. Богданова и других.

Другая тенденция представлена в работах А.Г. Лыкова, В.Н. Хохлачевой, В.В. Лопатина, О.А. Габинской, Л.И. Загрузной, Е.А. Жигаревой и других. В.В. Лопатин объединяет под общим названием «окказиональные» и потенциальные, и окказиональные слова, отсутствующие в языковой

традиции, следовательно, «такие, которые создаются в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются, воспроизводятся как готовые единицы языка» [Улуханов 1996: 84].

Мотивы и причины словотворчества писателей и поэтов

Как пишет Н.З. Котелова, словотворчество – это процесс создания новых слов национального языка, пополнение словаря национального языка новыми словами, создаваемыми носителями языка с применением различных нормативных и индивидуальных средств словообразования [Котелова 1978: 119]. В фактах словотворчества и словопреобразования (изменения значений слов в речи) проявляется потребность в выходе за рамки стандартного словаря. Её испытывают, прежде всего, художники слова. Так, глубокое погружение в стихию словотворчества может быть связано с особыми типами повествования.

Например, у М. Е. Салтыкова-Щедрина авторские неологизмы имеют яркую сатирическую окраску, у Н. С. Лескова произведениям, написанным в сказовой манере, они придают особый колорит, пестроту, весёлость, у Н. В. Гоголя неологизмы вообще представлены очень широко в произведениях разных жанров и стилей. Однако в некоторых индивидуально-авторских стилях в художественных произведениях словотворчество практически отсутствует, например, известен незаметный авторский неологизм в поэме А. А. Блока «Двенадцать»: *Оплечь ружейные ремни*.

Но и обычные субъекты разговорной и устной публичной речи, профессионального общения, носители жаргонов и т.п. более или менее свободно прибегают к словотворчеству. Роль словотворчества заметна в публицистике, критике и смеховой культуре, в истории терминологии, поэтической ономастике.

Мотивы и причины словотворчества могут быть различными. Нередко, особенно у поэтов (и в «прозе поэтов»), оно приобретает характер художественного миротворчества, «эстетической гносеологии» (термин Д. С. Лихачёва), например, у А. Белого [Лихачёв 1999: 34]. В отличие от него,

броские окказионализмы В. В Маяковского обычно решают конкретную художественную задачу данного текста. Независимо от того, насколько широко тот или иной автор пользуется приёмами словотворчества, различные стили языка сохраняют и используют авторские неологизмы.

Например, в языке художественной литературы находим эпатажные словечки типа *еуы* или *элюстра* А. Е. Крученых, в публицистическом языке – слова *коммуноид* или *чегоугодничать* Р.В. Иванова-Разумника, а общелитературный язык обогащается находками вроде слов *бездарь* И. Северянина или *заумь* (авторство принадлежит кругу футуристов). Современные вопросы словотворчества наглядны в спорах вокруг творчества В. Хлебникова, идей А. И. Солженицына, практики русской публицистики 80 – 90-х гг. XX в. [Лыков 1990: 76]

По мнению Солженицына, пишет исследователь Л.И. Сараскина, расширение словаря возможно за счёт забытых или полузабытых слов из истории или диалектов русского языка [Сараскина 2009: 734]. Перестроечная и постперестроечная публицистика и литературная критика 80-90-х гг. XX в. перенасыщены словотворчеством на базе морфем западно-европейских языков: *прихватизация, реабилитанс, амбициоз, дсморбратия, нашизм, ивангардизм* и т.п.; но также зафиксировано появление таких слов, как: *катастройка, начхальство, оболживеть* и т.д., созданные на базе морфем русского языка.

Таким образом, словотворчество в русском языке – это создание новых понятий и выражение их оттенков с помощью словообразовательных возможностей русского языка в духе русского языка, с помощью аффиксов, чередований гласных и согласных корня и многого другого. Это особая словообразовательная модель. Также подобные новообразования – это наглядная иллюстрация путей и форм развития языка, пополнения его словарного состава. Многие языковеды не раз задавались вопросом: обладает ли слово самостоятельным значением или же его значение не только проявляется в контексте, но и целиком определяется им? Ответы на этот

вопрос давались противоречивые. По мнению ряда исследователей, «собственное значение слова» – это искусственная абстракция или даже фикция, так как трактовка всегда обусловлена контекстом [Mubarakshina, Abdrakhmanova, Marsheva, Peretochkina 2017: 253].

Основными причинами появления новых слов являются собственно социальные причины словотворчества и социально-индивидуальные. Преобладают окказионализмы, вызванные к жизни социально-индивидуальными причинами, так как любой индивид – это общественное существо. В производстве новых слов, в основном, сохраняются тенденции нормативного словообразования как по использованию определённых типов с присущими им видами мотивирующих основ и формантов, так и в целом способов словообразования.

Способы и приемы порождения окказионализмов

В 1957 году в статье Н.И. Фельдмана «Окказиональные слова и лексикография» был впервые употреблен термин «окказионализм», ставший наиболее распространенным обозначением индивидуально-авторских новообразований. Исследование, осуществленное Н.И. Фельдманом, было построено на материале новообразований, извлеченных из произведений XIX века (в основном М.Е. Салтыкова-Щедрина: *халджоватость, ташкентство, афинство, лудительный* и т.д.), и направлено на определение места, которое занимают индивидуально-авторские новообразования среди других разрядов слов, связанных с диахроническим аспектом языка (архаизмы и историзмы). Фельдман считал, что привязанность к диахронии является наиболее важным признаком индивидуально-авторских слов [Фельдман 1957:73]).

Исследователь А.Г. Лыков существенно углубил представления об индивидуально-авторских словах, указав на связь данного типа слов с контекстом, как на их важнейший конститутивный признак: «Тесная связь слов-самоделок с контекстом делает их уместными и особо выразительными на своем месте, однако, вместе с тем, как правило, препятствует им оторваться от контекста и обрести жизнь вне его. Вот это основное их

свойство позволяет назвать их, в отличие от неологизмов, т.е. от новообразований, вошедших в язык, окказиональными словами» [Лыков 1976:66].

Анализ идиолекта поэта, входящих в него различных речевых элементов с точки зрения живых форм и категорий современной языковой системы «не может не учитывать искусственных, не соответствующих языковой действительности построений писателя» [Виноградов 1986:28]. В связи с этим следует учитывать важность экспрессивно-смысловых принципов отбора, объединения, сочетания и мотивированного применения авторских выражений и конструкций.

Окказиональные образования оказываются эстетически оправданными и художественно актуальными. Окказиональные слова – слова, созданные «по случаю», для определенного контекста. В лингвистике существуют различные точки зрения относительно основных признаков окказиональности. Исследования номинативных свойств окказиональных единиц затрагивают три направления:

1) будучи единицами, построенными из деривационного материала и в соответствии с закономерностями словопроизводства, они рассматриваются ономастиологами с тех же позиций, что и канонические слова;

2) когда принимается во внимание такой аспект, как вхождение/невхождение новообразований в язык в качестве социально значимого обозначения «кусочка действительности», эти слова, в отличие от канонических, характеризуются как единицы, обладающие «номинативной факультативностью» [Белова 1987:37];

3) номинативная специфика окказиональных слов выявляется применительно к той или иной сфере (стилю) речи – разговорной, художественной, публицистической» [Там же: 39].

Различают словообразовательные, семантические, фразеологические, грамматические, морфологические и синтаксические окказионализмы. Р. Ю.

Намитокова выделяет следующие способы окказионального словообразования, характерные для художественной речи:

- редеривация (*нечаянный – чайный*);
- субституция – замена морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова (*отдарочек*);
- контаминация – проникновение первой части одного слова в другое и вытеснение его начала (*ломастер от ломать мастер*);
- тмезис – вторжение аффикса или слова внутрь слова (*еже – почти – минутно*);
- наложение – на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало второго слова (*ленингра – дуга*) [Намитокова 1986: 141].

Исследуя специфические причины порождения окказионализмов, Е. А. Земская акцентирует внимание на таких явлениях, как:

- междусловное наложение (*заходерзистость – Заходер+дерзости*);
- контаминация (соединение двух узуальных слов, порождающих окказионализм: *профанакторий – профанация+профилактикторий*);
- слияние (использование в качестве базы для слова, словосочетания или предложения: *какбычегоневышлисты/Е. Евтушенко*);
- образования по конкретному образцу (*крикоинот новокаин*);
- построение слов с вымышленными корнями (*забубенить* в значении засунуть);
- важность начального согласного (*гномобиль* от гном+автомобиль);
- «словообразовательный куст» (набор производных слов от производящей основы слова: *слово злодей*. Из стихотворения В. Хлебникова «О пане Злодиевском»);
- высвобождение аффиксов и других частей слова (*надцатилетие*);
- использование аффиксов в качестве базовых основ (фамилия Крутихвост + щина) – *Крутихвостщина*);
- каламбурные и паронимические пары со словами (метостазы – *дурростазы*) [Земская 1972: 98].

Особая роль, как в лексикографической фиксации новых слов, так и в попытке теоретического осмысления неологии принадлежит Н.З. Котеловой [Котелова 1978: 266]. Исследовательница разработала комплексный подход к выделению узуальных неологизмов, предполагающий их «тестирование» по следующим пунктам:

- 1) время появления (когда?);
- 2) сфера бытования данного неологизма (где?);
- 3) языковой уровень, на котором ощущается новизна: морфемный состав, произношение, семантика (что нового?);
- 4) определитель, позволяющий выделить непосредственные признаки новизны (каким образом новое?).

Безусловно, центральным среди признаков, характеризующих узуальный неологизм, является его тесная привязанность к определенному временному отрезку – этот признак настолько существенен, что зачастую неологизмы быстро переходят в разряд архаизмов и историзмов. Классическая иллюстрация данного явления – судьба неологизмов, появившихся в 20-30-е годы XX века (*рабкоры, шкрабы* и т.д.), и к настоящему моменту перешедших в пассивный запас языка.

При взгляде на данную классификацию становится очевидным, что те же самые критерии вполне могут быть применены и для выделения контекстуальных неологизмов. Все, кроме первого, поскольку «новизна» не входит в сущностную характеристику индивидуально-авторских новообразований. Впервые на эту черту окказионального словообразования обратил внимание А.Г. Лыков: «Новым может быть только то, что способно с течением времени «стареть» – утрачивать качество новизны. Иначе говоря, новым может быть только то, что включено в фактор временной протяженности своего существования, в фактор исторического (в широком смысле слова) развития и изменения. Это в полной мере относится как к языку в целом – исторически изменяющемуся явлению, так и другим

(каноническим) словам, лексическим единицам языка. Все только что сказанное неприменимо к окказиональным словам» [Лыков 1972: 86].

Изучение способов порождения неологизмов породило «узкое» понимание термина окказионализм, предполагающее квалификацию явления в словообразовательном аспекте. В соответствии с данным взглядом, окказионализм – это слово, созданное либо с нарушением сложившихся на современном этапе развития языка словообразовательных типов, либо слово, созданное по непродуктивной на данном этапе развития языка словообразовательной модели. Такой точки зрения на окказиональное словообразование придерживается, в частности, Е.А. Земская [Земская 1971: 413].

Более подробную типологию окказиональных способов словообразования предложил М.У. Калниязов, считавший, что окказионализмы создаются в речи по трем образцам:

- 1) по непродуктивным словообразовательным типам;
- 2) с нарушением законов словообразовательных типов;
- 3) без отношения к словообразовательным типам; «внетипово» (образования, созданные междусловным наложением, слиянием и контаминацией) [Калниязов 1975: 292].

Можно сказать, что изучение индивидуально-авторских новообразований с точки зрения их словообразовательных черт идет по пути все более подробного перечисления специфических окказиональных способов словообразования. Укажем на некоторые из них. А.Г. Лыков главную особенность окказионализмов видел в том, что они «не подводятся ни под один из словообразовательных типов» [Лыков 1976: 233], поэтому исследователь выделял семь специфических способов окказионального словообразования, которые проявляются в семи видах отклонения от словообразовательного (узуального) типа:

– увеличение числа основ, участвующих в окказиональном словообразовании: *слабо – глупо – либерально – пьяный – помещик* (М.Е. Салтыков-Щедрин);

– несовместимость семантического и грамматического оформления словообразования: *миллионглазый* (В.В. Маяковский);

– контаминация (смешение слов): *гроссбухнуть* (В.В. Маяковский);

– переосмысление орфографического или графического облика слова: т.н. «кореизация» русских и украинских фамилий *Юр Чен Ко, Ли Си Цын*; фонетические окказионализмы: *хлорный хапах хмерти*;

– создание тавтологических окказионализмов: *океан океанствует, самолет самолетствует*;

– создание метонимизированных окказионализмов: *орел кордильерствует, крокодил гангствует* [Лыков 1976:234].

Н.А. Янко-Триницкая выделяла окказионализмы лексического и словообразовательного характера [Там же: 465]. Для первых, по ее мнению, характерно то, что все они общедоступны и созданы по имеющимся в языке образцам [Там же: 467]. В качестве примера она приводила такие слова, как *сатиреска, вотвосяси, антипошлостин, вчетыредорога* и т.д. [Там же: 464]). Словообразовательные окказионализмы, по ее мнению, создаются в тот момент, когда нельзя найти аналогий с каким-либо из известных образцов и даже с каким-либо из слов, образованных по уникальной модели.

В качестве примеров словообразовательных окказионализмов Н.А. Янко-Триницкая приводила такие случаи, как, например, замена слова другим, созвучным ему по начальной (реже по иной) части, но более длинным, а главное – совершенно чуждым ему по значению. В качестве примера исследователь приводит встречающиеся в произведениях А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского случаи шуточных названий *спиныспинозой, рома – ромео* (сейчас такие примеры квалифицируются как семантические окказионализмы [Янко-Триницкая 2001: 466]). Приведем другие выделенные Н.А. Янко-Триницкой типы словообразовательных окказионализмов:

– использование формы имени и отчества для характеристики персонажа (*Твой Шиллер Шекспирович Гете* – из писем А.П. Чехова);

– замена суффиксом –ич финального сегмента фамилий –ов и –ин (*Ананьев – Ананьич, Федоров – Федорыч* и т.д.);

– образование сложных притяжательных прилагательных (*тети – Тосин, дяди – Женин*);

– образование прилагательных с приставкой раз-, означающей усиление признака (*разниций, рассибирский* и т.д.) [Там же:469].

Как указывает исследователь Е.А. Белоусова, художественному языку писателей свойственны многочисленные вкрапления в текст окказионализмов. Такие единицы в идиолекте писателей используются с целью воссоздания определенного колорита места, времени, специфики речи, а также для характеристики героев [Белоусова 2002: 8].

Таким образом, данные образования органически входят в словесную ткань произведений, выступая, наряду с другими языковыми средствами, в качестве важнейших элементов, определяющих индивидуальность и своеобразие их произведений.

Окказионализмы в творчестве Веры Полозковой

Вера Полозкова – довольно известная молодая поэтесса, объявившаяся на поэтическом олимпе несколько лет назад и ставшая знаменитой благодаря ЖЖ (Живой Журнал, или LiveJournal), который является удобным бесплатным сервисом для создания блога, ведения дневника и общения с единомышленниками. Эта поэтесса сразу завоевала сердца молодых людей, потому что писала и пишет искренне, чисто, открывая душу, честно признаваясь себе и читателю в том, что чувствует, мыслит и что ее тревожит больше всего.

В теории окказиональности принято выделять следующие типы окказионализмов:

1. **Фонетические окказионализмы** рождаются в том случае, когда автор предлагает в качестве новообразования какой-либо звуковой комплекс,

считая, что этот комплекс передает, содержит некую семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, его составляющих. Классические примеры фонетических окказионализмов находим в экспериментальном стихотворении В. Хлебникова: *Бобэоби* пелись губы, *Вээоми* пелись взоры, *Пиээо* пелись брови, *Лиэээй* - пелся облик, *Гзи-гзи-гзээо* пелась цепь. Отметим, что данный вид окказионализмов не представлен в поэзии данной поэтессы.

2. **Лексические окказионализмы** создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Менее частотно образование лексических окказионализмов лексико-синтаксическим и морфолого-синтаксическим способами. При образовании лексических окказионализмов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Новообразование komponуется из морфем, уже существующих в языке, при этом "...истинно новым ... в слове, которое только что создано, является скрещение координат, а не координаты как таковые". Данная группа композитов стала самой многочисленной из классифицированных.

3. **Грамматические (морфологические) окказионализмы.** Представляют собой образования, в которых, с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма. Невозможное в системе языка оказывается возможным в авторском контексте благодаря творческому развитию лексического значения слова. Например, в стихотворении В. Брюсова окказиональная форма *злы* органичен, так как является номинацией не отвлеченного понятия, а конкретных его проявлений: общественных пороков, изъянов. *К великой цели двигались народы. Век философии расцвел, отцвел; Он разум обострил, вскрыл глубины зол, И людям вспыхнул маяком свободы.*

4. **Семантические окказионализмы** являются результатом появления семантических приращений (иначе говоря "обертонов смысла",

“контекстуальных значений”, “эстетических значений”), которые существенно преобразуют семантику исходной узуальной лексемы, употребленной в художественном контексте. Примером семантического окказионализма может служить прилагательное *лазоров* в стихотворении И. Северянина “Нерон”: *Мучают бездарные люди, опозорив Облик императора общим сходством с ним. Чужды люди кесарю: Клавдий так лазоров, Люди ж озабочены пошлым и земным.* Саркастичностью окрашен весь текст стихотворения, соответственно и семантический окказионализм *лазоров* характеризуется отрицательной экспрессией. Анализировать окказиональное образование любого типа следует только в его контекстной позиции, с учетом его контекстных связей.

Лексические окказионализмы, образованные узуальным способом

Система словообразования русского языка располагает большим количеством способов словообразования. Лингвисты называют разные цифры: Е.А. Земская говорит о двенадцати способах, В.Н. Немченко отмечает четырнадцать, авторы «Русской грамматики» - пятнадцать, И.С. Улуханов насчитывает двадцать одну «математически возможную комбинацию способов», из которых двенадцать представлены в узуальной лексике (большая часть из них, как отмечает ученый, представлена и в окказиональной), два – только в окказиональной, а семь способов лексически не реализованы [Земская 1973: 169-181; Немченко 1994: 247-275; Русская грамматика 1980: 136-137; Улуханов 1984: 44]. Многие из окказионализмов в творчестве Веры Полозковой образованы узуальным способом, однако есть нюансы. Окказиональность у слов, образованных по узуальным моделям, создается с нарушением семантических или структурных ограничений. В данной работе материал классифицирован в соответствии с морфемным способом.

Новообразования, созданные путём суффиксации

Больше всего в сборнике стихотворений Веры Полозковой встретилось окказионализмов, образованных именно суффиксальным способом.

Суффиксальные прилагательные представлены преимущественно новообразованиями с модификационным типом значения. При этом частотной является семантика суффиксов со значением степени проявления признака:

Облакастый [облако+аст]. Образовано с помощью непродуктивного суффикса **-аст-** (значение: сильная степень выраженности данного свойства. Ср: зубастый, клыкастый, носастый). В данном случае, *облакастые* – необремененные волнением, заботами и от этого легкие головы (легкие и светлые, как облака):

Просто пена щекочет пятки

И играют в бильярд словами,

В такт покачивают мулатки

Облакастыми головами («Disk World»).

Титанье чувство [титан+је]:

Нету смертельнее чувства титаньего,

Тяжелей исполинских лап –

Хоть ты раним и слаб.

В индивидуально-авторском употреблении слово **титанье**, на наш взгляд, выражает именно увеличительно-оценочный компонент семантики «огромное (такое же громадное, как титан)».

Океаний [океан+еј]:

В Баие нынче закат, и пена шипит,

как пуни в океаньей пасти.

Притяжательное прилагательные образуются, как правило, от одушевленных существительных. В данном контексте *океан* является именно одушевленным существительным, реализуя прием олицетворения.

Хоть ты раним и слаб.

*Мать **Кинг-Конгова**; дыбом шерсть.*

Кинг-Конгов [Кинг-Конг+ов-а] образовано от имени собственного и указывает на масштаб и размер того, что названо производящей основой, то есть масть сильная и непобедимая.

Наряду с модификационным окказиональным образованием Вера Полозкова достаточно часто использует и тривиальные словообразовательные модели, например, с суффиксом **-н-**: *В чашке неба Господь размешивает **капучинные** облака.*

Капучинный [капучин+н-ые]. Семантика воздушности и легкости создается за счет сходства облаков и пенки на кофе капучино. В другом случае, эффект создается полярно противоположный:

*Мы вplyваем друг другу в сны иногда – акулами,
Долгим боком, **пучинным** облаком, плавниками,
Донным мраком, лежащим на глубине веками,
Он таскает, как камни, мысли свои под скулами,
Перекатывает желваками...*

Пучинный [пучина+н-ым]. Пучина – водная глубь, морская бездна (древнерусск. «то, что вздымается»). Окказионализм выступает в значении «вздымающиеся, клубящиеся облака, возможно темно-синего цвета, как водная глубь», создавая эффект напряженности, давления и безысходности процесса. Стоит указать, что капучинный и пучинный – композиты, находящиеся в отношениях антонимии в идиостиле Веры Полозковой, так как *капучинный* обладает семантикой легкости, а *пучинный* – тяжеловесности, неподъемности.

Редко суффиксация используется для создания композитов-наречий:

*И там вздыхаете невольню,
И возмущаетесь смешню-
И мне становится не больню,
Раскайню и хорошо*

Раскаянно [раскаян+н+о; усечение –иј-]. Как и в узувальном словообразовании, данная лексема образуется от соответствующего прилагательного и приобретает значение «спокойно, легко на душе».

Крайне продуктивным словообразовательным элементом является суффикс существительных **-ость-**, который выступает со значением отвлечённого признака:

*Связь, тесность, струнность, музык помесь –
неважно, что мы говорим; как будто давняя
искомость вдруг стала ведома двоим («Детское»).*

Тесность [тесн+ость] употребляется в данном случае вместо тождественного существительного теснота под действием закона верификации.

Окказионализм **струнность** [струнн+ость] не так легко трактовать, как предыдущий, возможно, автор имела ввиду скопление звуков струнных музыкальных инструментов, либо нервное напряжение (от выражения «нервы натянуты как струна»).

Искомость [иском+ость] в значении «поиск чего-то». В данном случае говорится о том, что два человека близки по духу, ищут одно и то же.

Окказиональность перечисленных существительных заключается в том, что в русском литературном языке абстрактное существительное от производящей основы *тесн* образуются путем добавления суффикса **-от-**: ср. *теснота*, а существительные *искомость* и *струнность* не зафиксированы словарями.

Чьятость [чья-т+ость; наложение -о-]. Образовано данное окказиональное слово от несвойственной производной основы – неопределенно-личного местоимения в форме ж.р. *чья-то*. Обычно с помощью продуктивного суффикса **-ость-** образуются существительные от прилагательных, т.е. наблюдается нарушение закона системной продуктивности СО типа, но сохраняется значение абстрактности благодаря этому суффиксу. Значение: принадлежность кому-то.

*Лишь бы билась внутри, как пульс, нутряная **чьтость**.*

*Долгожданная, оглушительная **твоязнь** («Детское»).*

Твоязнь [твој+азнь] употребляется в значении принадлежности конкретному человеку (тебе). Образовано по непродуктивной модели, с помощью уникального суффикса **-азнь** от притяжательного местоимения «твоя». Также возникают ассоциации со словом болезнь. Можно рассмотреть «твоязнь» как болезнь тобой (кем-то).

Существительные-квалификаторы могут быть созданы при помощи разных словообразовательных средств. В частности, при помощи суффикса **-ищ(е)-**. Название **Стишище** [стиш+ищ-е] образовано по продуктивной модели словообразовательным средством, образующим имена существительные мужского, женского и среднего рода с увеличительным значением «весомый стих, большой, длинный».

*От жути перед этой бездной, от этой истовой любви,
от этой боли-пой, любезный, беспомощные связки рви;
тяни, как шерсть, в чернильном мраке из сердца строки - ох, длинны!
(«Стишище»).*

Новообразования, созданные путём сложения

Данный способ образования новых лексем в словотворчестве Веры Полозковой является одним из наименее продуктивных. Автор использует следующие типы сложения:

А. Чистое сложение:

Умноглазый [умный+глаза]. Значение: с умными глазами, понимающий все (как человек). Прием, использованный по отношению к коту, очень интересный в данном случае. Прилагательное умноглазый вполне могло бы переключиться в литературный язык. Например, по мнению Т.М. Фадеевой, структура композита потенциально готова к воспроизведению в составе новых единиц, чем не могут не воспользоваться поэты и писатели, стремящиеся наиболее полно и самобытно отразить в слове свое мировидение, мироощущение [Фадеева 2011: 680]. Отметим, что в

представленном отрезке текста атрибутив обладает дополнительной образной коннотацией, так как является эпитетом.

*Кот кругло глядит на неё со стиральной машины,
большой, **умноглазый**, печальный; и дергает ухом...*

Б. Сложение с суффиксацией.

Сложносуффиксальный способ – выражение деривационного значения производного с помощью словосложения и суффиксации. Действует в словообразовании имен существительных: орденосец, канатоходец, землепроходец (не существует ни слов «орденос», «канатоход» и т.д., ни слов «носсец», «ходец» и т.д.).

В некоторых случаях образование сложных прилагательных вовсе не мотивировано, например, **гигантоманский** [гигант+о+ман+ск] в значении «сильно манящий юмор». В одном случае, созданное таким путем новообразование является книжным: *А на этом стеклянном шарике только я и ценю твой **гигантоманский** усталый юмор.*

В другом случае – окказионализм приобретает разговорную коннотацию:

«Бабьелетнее» (используется в заголовке одного из стихотворений).

Бабьелетнее [баби+лето+н]. Бабье лето – фразеологизм, «период сухой солнечной и теплой погоды в начале осени», следовательно, содержание этого стихотворения имеет отношение к данному периоду времени – бабьему лету.

Чувство кем-то-любимости.

Кем-то-любимость [кем-то+любимый+ость]. Окказионализм имеет достаточно оснований, чтобы войти в узуальное употребление, так как словообразовательная модель видится нам достаточно продуктивной. Значение окказионализма – «чувство, когда тебя кто-то любит, когда ты кому-то нужен.

Окказионализмы, созданные незуальными способами словообразования

1. **Грамматические (морфологические) окказионализмы** представляют собой образования, в которых, с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма. Невозможное в системе языка оказывается возможным в авторском контексте благодаря творческому развитию лексического значения слова. Это самая большая группа окказионализмов, встречающихся в сборнике Веры Полозковой «Непоэмание». Представлены лишь некоторые из них.

Здесь, наверное, каждый третий – из Кустурицевых картин. Всяк разморожен и позитивен.

Разморозный [размороз + ен]– форма краткого страдательного причастия, которое в языке не образуется. Значение окказионализма – «раскрепощён, непосредственен».

Шалостью бризовой

Шелестью рисовой

Поговори со мной,

Поговори со мной.

Шелесть [шелест + j-ю]в форме женского рода (в русском литературном языке шелест принадлежит к существительным мужского рода). Этот окказионализм создан под воздействием принципа верификации и приема звукописи.

*И нет никого. И так **нежило** внутри, как-будто распахнули брюшную полость.*

Нежило [нежил + о]– наречие, которое образовано по модели наречий на -о от относительного прилагательного «нежилой», а это грамматическая особенность качественных прилагательных. Здесь новообразование имеет значение «пусто, мертво».

Но мы как-то разбились.

Выронились.

Распались.

Глагол **вырониться** [вырони +л-и- +сь] приобретает грамматический показатель возвратности. В языке существует только невозвратный глагол «выронить». Стоит в ряду с глаголами «разбились», «распались», которые тоже являются возвратными, поэтому глагол является частью стилистического приема градации. Значение: разъединились, упустили друг друга.

*Не ждут нас пока **Европы** те.*

Европа – имя собственное. Множественное число образуется со сдвигом в семантике (становится именем нарицательным).

*Помилуй **мя**.*

Мя – стяженная форма местоимения «меня» в древнерусском языке (устаревшая форма).

***Поумирай** со мной, поговори со мной, слёзы повылей.*

Поумирать – глагол совершенного вида. В современном русском языке у глагола «поумирать» следующее значение: Разг. Поумирать от холода, от эпидемии. Все её дети поумирали в раннем возрасте [Толковый словарь РАН 2008: 774]. Таким образом, узувальный глагол передает законченное однократное действие, а в данном контексте передается продолжительный процесс (длительное действие), реализуется значение «посочувствуй мне, пожалей меня».

*Ночь безмолвная **субботня**.*

Субботня – краткое прилагательное образовано от относительного прилагательного «субботный». Данное грамматическое свойство характерно в русском языке только для качественных прилагательных.

Достаточно часто в стихах поэтессы встречаются краткие грамматические формы, например, в сфере причастий:

***Порастеряны** прыть и стать.*

Порастерян [порастеря +н-ы]– форма краткого страдательного причастия от несуществующего в русском литературном языке глагола

порастерять. Можно сказать, что данная лексема у Веры Полозковой приобретает оттенок просторечного слова.

Небосвод здесь сливочен.

Сливочен – форма краткого относительного прилагательного. В современном русском языке краткие формы образуются только у качественных прилагательных. Появляется значение – «цвета сливочного масла или сливок».

Встретился грамматический окказиональный глагол:

Бессмертить, увековечивать.

Бессмертить – форма глагола несовершенного вида. В современном русском языке существует только форма совершенного вида «обессмертить» [Толковый словарь РАН 2008:125]. В данном контексте, наоборот, передается незаконченность действия с целью подчеркнуть факт незабвенности явления.

Встречаются и окказионализмы-существительные, перешедшие из разряда недифференцированных слов:

Половодьем накрыло веки, не удержалось.

*Я большая-большая куча своих **пожалуйст**.*

Пожалуйста [пожалуйст – усечение -а] – лексема *пожалуйста* приобретает форму множественного числа и семантику предметности.

2. Семантические окказионализмы

Семантические окказионализмы являются результатом появления семантических приращений (иначе говоря, “обертонов смысла”, “контекстуальных значений”, “эстетических значений” » [Ращибуурская 2010: 291]), которые существенно преобразуют семантику исходной узуальной лексемы, употребленной в художественном контексте. Заметим, что круг семантических окказионализмов очертить значительно труднее, чем лексических или грамматических, поскольку практически каждое эстетически нагруженное слово образного текста характеризуется смысловыми приращениями.

Так уютнее - будто с козырем в рукаве.

С тополиной опухолью в листве;

*- Я остаюсь **летовать** в Москве.*

- Значит лети.

Лети. (17 июня 2005 года).

Летовать [лето+ова-ть]. С одной стороны, можно трактовать данное слово как узуальное со значением «проводить лето» [Толковый словарь РАН 2008: 561], с другой стороны, в контексте оно превращается в окказионализм, так как проводится параллель со словом «летать» [лёт+ова]. Возможно, в значении «летать на крыльях фантазии».

И, может, не придется ждать сто лет.

*Я знаю - зряч лишь тот, кто пил сей **хмель**...*

Слово **хмель** приобретает значение «любовь», хотя в литературном языке обозначает «вьющееся растение семейства тутовых с длинным тонким стеблем, а также семена некоторых культурных видов этого растения, употр. в пивоварении, в кондитерском производстве, в промышленности» [Толковый словарь РАН 2008: 981].

*И, поправляя свой алмазный **нимб**,*

Богини улыбаются лукаво...

Когда-нибудь и нас настигнет слава.

*Когда-нибудь мы покорим **Олимп**.*

В данном случае поэтесса рассуждает о популярности в мире «селебрити», поэтому **нимб** приобретает значение «украшение», а **Олимп** становится метафорой шоу-бизнеса.

Практически все стихи поэтессы содержат большое количество метафорических слов и выражений, которые подчас можно трактовать как семантические окказионализмы. Ярким примером может стать отрывок:

Стиснув до белизны кулаки,

Я не чувствую боли.

*Я играю лишь **главные роли** -*

Пусть они не всегда велики,

*Но зато в них всегда больше соли,
Больше желчи в них или тоски,
Прямоты или истинной воли -
Они страшно подчас нележки,
Но за них и награды поболе.*

В данном случае поэтесса описывает состояние любви, или лучше сказать процесса любовных отношений. **Роль** в ее понимании – «место единственной возлюбленной», **соль** – «искренность», **желчь** – «страсть».

Назвать мне что ли сына Питер-ну, Питер Пэн там, Питер Бург.

Имена собственные, обозначающие сказочного героя и город на Неве воспринимаются как потенциальное имя ребенка.

Словообразовательный анализ окказиональной лексики поэтического сборника «Непоэмание» Веры Полозковой показал, что новообразования в художественных текстах поэтессы могут создаваться как узуальными, так и незузальными способами, продуктивность которых зависит как от лингвистических, так и от экстралингвистических причин. К лингвистическим причинам относятся наличие системных и стилистических ограничений, семантика мотивирующих основ и аффиксов, влияющая на значение окказионального слова, возможность создания экспрессивных номинаций и т.п., а к экстралингвистическим причинам относятся знание авторами того или иного способа словообразования, возможность его истолкования читателем, литературно-эстетические предпочтения и т.п. Преобладание суффиксальных окказионализмов можно объяснить большим количеством словообразовательных формантов и большой вариативностью семантики от абстрактной до самой конкретной. Это позволяет автору создавать фактически бесконечное количество разнообразнейших номинаций, ярко передающих даже самые малые оттенки значения и авторскую точку зрения.

В сборнике присутствует достаточное количество сложных новообразований, что объясняется конкретностью значений компонентов

сложного слова и отсутствием строгих системных и стилистических ограничений в сочетаемости морфем, когда значение производного слова выводится из суммы значений его составляющих. В результате мы имеем большое количество ярких сложных окказионализмов, чье лексическое значение во многих случаях становится понятным и вне контекста.

Среди популярных невузальных способов у Веры Полозковой – чересступенчатое словообразование и контаминация.

Можно сказать, что у поэтессы среди окказиональных типов лидируют лексические окказионализмы, так же представлены грамматические окказионализмы.

3.3. ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

Хабибуллина Э.К.

Увеличение в последние годы количества антропоориентированных исследований свидетельствуют о важности гендерной лингвистики. Самой актуальной проблемой данного направления является анализ языкового гендерного портрета.

Одним из приоритетных направлений исследований отечественных и зарубежных лингвистов остается изучение гендерной проблематики в языке. Антропо-ориентированные исследования в лингвистике становятся все более актуальными и востребованными. Новизной подобных исследований является анализ языкового портрета в половом аспекте. Исследование в области языка и коммуникации на сегодняшний день представляется достаточно привлекательным для большого круга ученых. Говоря о татарской лингвистике, стоит отметить, что история изучения данного вопроса в татарском языкознании, а именно в сопоставительном плане,

представляет собой малоизученный аспект исследования. В теории перевода гендерные аспекты всегда оставались вне зоны исследования, хотя отдельные аспекты отношения языка и рода нашли отражение в трудах Ф.С.Баязитовой (2010), Э.Н.Денмухаметовой (2014), Р.Р.Замалетдинова (2004), Х.Х.Кузьминой и т.д.

Чтобы изучить особенности перевода гендерной лексики с татарского языка на турецкий, мы разделим лексемы на нижеследующие тематические подгруппы:

1. Лексика, характеризующая пол.
2. Лексика, обозначающая возрастные маркеры.
3. Лексика, выражающая родственные отношения.
4. Лексика, определяющая семейное положение человека.
5. Лексика, отражающая названия профессий, вида деятельности.
6. Лексика, характеризующая качества характера, нравственные особенности.
7. Лексика, обозначающая национальную принадлежность.
8. Лексика, определяющая социальный статус.
9. Лексика с оценочной маркировкой.

Трансформация лексем, характеризующих пол. Основными гендерными единицами являются понятия «мужчина» и «женщина». Для определения информационного содержания данных концептов, необходимо выяснить их лексическое значение. С этой целью обратимся к словарям. Начнем с концепта «мужчина». Толковый словарь Ушакова предлагает следующее определение:

«Мужчина - МУЖЧИНА, мужчины, муж. 1. Лицо, противоположное женщине по полу. У нас в бригаде четыре мужчины и две женщины. Красивый мужчина. 2. Лицо мужского пола, достигшее зрелого возраста, физической и духовной зрелости. Настоящий мужчина. Скоро ты будешь уже мужчиной» [Электронный ресурс:

<http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov/m/muzhchina.html>]

В толковом словаре татарского языка дано следующее определение: 1) пол: человек, имеющий противоположный женскому пол; 2) возраст: человек, преодолевший юношество, среднего возраста человек; 3) семейное положение: живущий вместе с женщиной в браке человек (быть замужем); 4) особенности нрава: храбрый сердцем, дельный человек [ТТАС 2005: 190].

«Женщина — человек женского пола или гендера. Слово «женщина» обычно обозначает взрослого человека, для обозначения ребенка или подростка используются слова «девочка» и «девушка». В некоторых случаях слово «женщина» используется вне зависимости от возраста, например, в выражении «права женщин». Слово «женщина» также может обозначать гендерную идентичность, а не пол человека [<https://ru.wikipedia.org/wiki>].

Толковый словарь татарского языка дает следующее определение: 1) семейное положение: вступившая в семейные узы, живущая с мужем женщина, жена [ТТАС 2005: 631]. В словаре Г.Ф.Саттарова-Мулиле мы встречаем следующее определение: «1) биологический пол: имеющая противоположный мужскому пол; 2) демонстрирующая особенности, характерные для женщины: имеющая в поведении противоположные мужскому характеристики, имеющая анатомические от мужского пола отличия; 3) возраст: человек, переживший детство и отрочество, достигший зрелости; 4) семейное положение: находящаяся в браке с мужчиной, способная к деторождению» [Саттар-Мулиле: 1998: 482-483].

Э.С.Хузина, исследовав в своей кандидатской диссертации татарские паремии, пришла к следующему выводу: «В татарской языковой картине мужчина – храбрый, трудолюбивый, сильный, исполнительный, прямолинейный, щедрый и немногословный человек; отрицательными чертами мужчин принято считать трусость, леность и праздность. В татарских афоризмах мужчина параллельно с такими качествами, как храбрость, решительность, изображается эгоистом, не умеющим хранить секреты, хвастливым существом. Женщина же всегда добродетельна, скромна, воспитана, застенчива, бесхитростна, невинна. В татарских

традициях мужеподобные женщины имеют отрицательную оценку. Резко критикуется физическая сила, ее неприличное поведение. В приведенных автором афоризмах татарская женщина ласковая, милая, эмоциональная, загадочная и в то же время сильная, решительная, надежная, терпеливая» [Хузина 2012: 173].

Перед тем как рассмотреть конкретные примеры, отражающие особенности трансформации лексем, содержащих гендерные маркеры, отметим, что для татарского и турецкого языков нехарактерна грамматическая категория рода. Для отражения пола героя или образа авторы используют отдельные лексемы, обозначающие принадлежность к тому или иному полу. В отдельных случаях принадлежность к конкретному полу мы узнаем из контекста или при помощи других вспомогательных средств.

Пласт лексики, обозначающий понятия «мужчина» и «женщина» в произведениях татарской литературы и в их переводах на турецкий язык, достаточно широк и разнообразен. Рассмотрим конкретные лексемы, обозначающие лиц мужского пола:

- *Ирнең исеме Мирвали иде* (ӨАЖ: 139) / *Adamın adı Mirveli 'ydi* (ВАТ: 17) / (Мужчину звали Мирвали).

Одними из самых распространенных в значении «мужчина» в татарском языке являются лексемы *ир*, *ир-егет*, *ир-ат*. Именно их мы встречаем в изучаемых произведениях. Интересны особенности их трансформации при переводе на турецкий язык. Так, в приведенном выше примере лексема *ир* (мужчина) в переводе отражена лексемой *adam* (мужчина). В другом предложении лексема *ир-егет* (мужчина) при переводе отражена при помощи слова *erkek* (мужчина):

- *Теләсә нинди нинди ир-егетне шаштырырлык, телсез калдырырлык чибәр хатын-кызлар яши анда* (ТК: 231) / *Her erkeğın aklını başından alacak, onu divaneye çevirecek güzel kızlar yaşıyor orada* (SK: 11) / (Там живут девушки, способные свести с ума и лишить дара речи любого мужчину).

Если понятие «мужчина» используется в конкретном значении лица мужского пола, то предпочтение отдается лексеме *adam*. В широком значении принято использовать лексему *erkek*. В татарском языке мы чаще встречаемся с употреблением в данном значении лексем *ur*, *ur-eget*, *ur-at*. Лексема *адам* тоже встречается в татарских произведениях, однако при этом конкретное значение гендера может отсутствовать:

- *Адам балалары бер-берсен ничек кенә яратмаса да, бу жирдә ялгыз яши алмыйлар бит.* (Китүчеләр, 107) / (Как бы люди ни ненавидели друг друга, а жить в одиночку на этом свете они не могут).

В данном предложении использовано словосочетание *адам балалары* (дети Адама или люди), которое, по сути, не содержит гендерный маркер, а имеет обобщенное значение: «человечество».

Представители мужского пола в татарском языке могут быть обозначены и такими лексемами, как *малай* (мальчик), *карт* (старик), *егет* (юноша, молодой человек) и т.д. Предпочтение той или иной отдается в зависимости от возрастных особенностей называемых ими образов и героев, родственных отношений и т.д. Рассмотрим отдельные примеры:

- *Малайлар монда ак чалбар, погонлы күлмәкләр киеп кенә йөри* (СК: 11) / *Oğlanlar sadece beyaz pantolon ve apoletli gömlek giyiyormuş burada* (СК: 7) / (Мальчики здесь всегда носят белые рубашки с погонами).
- *Мин, олан, әкият сүләмим!* (ТК: 230) / *Ben hikaye anlatmıyorum evlat!* (СК: 10) / (Я, сынок, сказки не рассказываю).

В татарском варианте данного предложения использована устаревшая и вышедшая из употребления лексема *олан* в значении «ребенок, сын». В современном татарском языке данная лексема употребляется только в диалектах. Ее употребление в данном тексте оправдано тем, что она звучит из уст пожилого старика. Выше мы упоминали, что в турецком языке данная лексема употребляется именно в этом значении: *oğlan*. Однако переводчик в заменил ее синонимом *evlat*.

- *Бабай Хозер Ильяс төсле ап-ак сакаллы, ап-ак күлмәк-ыштаннан иде (М: 219) / Dedenin sakalı ve elbisesi bembeyazdı (G: 46) / (Борода у дедушка была белая, словно у Хызра Ильяса (мифический пророк), одет он был в белую рубаху и штаны).*

Для обозначения представительниц женского пола в татарском языке наиболее часто используется лексема *хатын-кыз* (женщина). В переводных текстах мы встречаем турецкий вариант *kadın* (женщина).

- *Менә бер заман кичләрен безнең авылга күз күрмәгән машиналарга төялеп Казаннан хатын-кызлар килә башлады (АЭ: 193) / Günlerden bir gün köye, bizim hayatta görmediğimiz arabalara doluşup Kazan'dan kadınlar gelmeye başladı (BK: 142) / (И вот по вечерам на невиданных нами машинах из Казани начали приезжать женщины).*

В отдельных случаях мы наблюдаем изменение места компонентов составного слова:

- *... сихерен тапшырырга бүтән кыз-хатын эзләп йөрүен дә ишеткәннәр... (АЭ: 193) / ... sihrini geçirecek bir kadın aradığımı duyutan kalmamış (BK: 142) / (Слышали и о том, что она ищет женщину, которой могла бы передать свои колдовские способности).*

В других случаях для обозначения представительниц женского пола используются лексемы: *ханым, туташ, кыз, кызый, карчык, әби* и т.д.:

- *Казанда анда әллә нинди ханым-туташлар бар, безнең хатыннар чутыгына түгел (АЭ: 193) / Orada ne kadınlar kızlar var. Hepsi birbirinden bakımlı, alımlı, becerikli (BK: 142) / (В Казани каких только женщин и девушек нет, больше чем наших-то будет).*

В турецком варианте в данном значении чаще всего используется лексема *kadın*, реже – *hanım, kız* и др. Например,

- *Кызларын исә күбәләккә охиатып киендергәннәр (СК: 11) / Kızları ise kelebek gibi giydirmişler (SK: 7) / (Девочек своих они одели словно бабочки).*

В этом примере лексема *кыз* (девочка) при переводе отражена эквивалентом *kız*.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что при переводе гендерно маркированной лексики с татарского языка на турецкий в большинстве случаев используются прямые эквиваленты слов.

Трансформация гендерной лексики, обозначающей возрастные маркеры. Как упоминалось выше, в отдельных случаях гендерно-маркированные лексемы, могут иметь и дополнительные возрастные маркеры. Так, маленькие представители человечества в исходном языке обозначены лексемами *малай* (мальчик), *кызчык* (девочка). В отдельных случаях встречаются сочетания *кыз бала* (ребенок женского пола), *ир бала* (ребенок мужского рода). В турецком языке присутствуют подобные сочетания: *erkek çocuk* (мальчик, ребенок мужского пола), *kız çocuk* (девочка, ребенок женского рода). Однако в процессе анализа текстов произведений татарской литературы и их переводов на турецкий язык подобные лексемы нам практически не встречались.

Для обозначения подростков используется лексема *үсмер* и т.д. Рассмотрим отдельные примеры:

- *Мәктәптә иң абруйлы малай кем дип уйлыйсыз?* (Телефонлы: 48) / *Okulda en itibarlı delikanlı sizce kim?* (Telefonlu: 177) / (А кто по-вашему самый уважаемый мальчик в школе?)

В данном примере лексема *малай* (мальчик) в переводе трансформирована в *delikanlı* (юноша, молодой человек). На наш взгляд, здесь перевод не совсем точный, так как эквивалентами лексемы *малай* (мальчик) в турецком языке являются слова *erkek çocuk*, *oğlan* и т.д. О том, что лексема *delikanlı* переводится как «юноша, молодой человек», свидетельствует и следующий пример:

- *Әмма Сәгыйть Сүнчәләй – әдәбият вә шигырь белән әсәрләнгән үсмер* (СК: 31) / *Ama Segiyt Sönçeleay edebiyat ve şiire meraklı bir delikanlıdır*

(SK: 23) / (Однако Сагит Сунчелей – юноша, вдохновленный литературой и поэзией).

Представляет интерес использование лексем *үсмер/delikanlı*. В татарском языке слово *үсмер* является именем прилагательным и не имеет четко выраженного гендерного маркера. Поэтому для обозначения мальчика-подростка в татарском языке к лексеме *үсмер* добавляется *егет*, а девочки-подростка – *кыз*. При отсутствии этих показателей мы определяем род из контекста. В турецком же языке слово *delikanlı* используется только в значении мужского рода и имеет конкретный гендерный маркер.

Подобное явление имеет место и в следующем примере:

- *Табигате белән ул, ничек дим, шундый тигез, сабыр холыклы бер егет иде* (M: 215) / *Fitrati çok temiz, çok iyi kalpli ve sabırlı bir gençti Bedrettin* (G: 45) / (По своей природе он, как бы сказать, был очень спокойным, терпеливым молодым человеком).

Значение «юноша, молодой человек» в татарском языке передает лексема *егет*. В турецких переводах данная лексема параллельно с лексемой *delikanlı* имеет эквивалент *genç*. В данной паре лексем интересно то, что в турецком языке лексема *genç* является именем прилагательным и имеет значение «молодой». В тексте имеет место субстантивация прилагательного. Если к этой лексеме добавить слово *kız* (девочка), то конструкция будет переводиться, как «молодая девушка».

Значение «молодая девушка», «молодая женщина» в татарском языке можно передать лексемами *кыз, яшь кыз, яшь хатын, кыз-кыркын* и т.д. В турецком языке мы встретили такое же использование лексем и конструкций: *kız, genç kız, genç kadın*:

- *Карале, бу кызый сорауга сорау белән сөйләшә башлады түгелме?* (KKK: 287) / *Bir dakika, bu kız soruya soruyla cevap vermeye başladı sanki* (GGG: 169) / (Смотри-ка, эта девчонка стала отвечать вопросом на вопрос).

Анализ выявленных нами примеров показал, что наиболее употребительными в данной функции являются лексемы *кыз/genç kız*, *яшь хатын/genç kadın*. Как правило, это словосочетание, в котором прилагательное указывает на молодой возраст, а существительное имеет гендерный маркер.

Для обозначения людей более старшего возраста в татарском языке используются слова *ана* (сестра, теть, женщина старшего возраста), *агай* (брат, дядя, обращение к мужчине старшего возраста). При переводе в татарского языка на турецкий в большинстве случаев гендерная лексика трансформируется путем передачи прямых эквивалентов:

- ...ак эбиләр тау-сырт өстенә жылып Коръан чыга икән дигән хәбәрдән Дүсем авылы тынып калды (АӘД: 3) / *Köydeki mübarek ninelerin tepenin başına toplanıp yüksek sesle Kur'an okumaya başladığı haberi Düsüm Köyü'nü hayretler içinde bıraktı* (EDDBV: 139) / (Новость о том, что набожные бабушки соберутся на горе и будут вслух читать Коран, удивила всех жителей деревни Дюсем).

На этом примере мы наблюдаем, что лексема *эби* (бабушка) в переводе имеет эквивалент *nine*. В других случаях имеет место замена лексем. Так, в следующем предложении при переводе лексемы *эби* (бабушка) использован такой вид переводческой трансформации, как частичная замена, т.е. замена синонимом, который является органичным для языка перевода в данном контексте. В тексте перевода присутствует сочетание *ihtiyar kadın* (пожилая женщина):

- Бу тарихны ишеткәч, мин ул эбинең болдырына утырып озак кына жыладым... (ЖКК: 210) / *Ben bu yaşananları duyunca o ihtiyar kadının avlusuna oturup uzun uzun ağladım...* (CGA: 25) / (Услышав эту историю, я долго плакал на крыльце дома этой старушки).

Такое же явление частичной замены мы наблюдаем и в следующем примере:

- Карчыкның бөек рухы, эҗимерек йорты белән сабуллашып китә башлагач, борылып карадым (ЖКК: 210) / *Yaşlı kadının büyük ruhu,*

yıkık eviyle vedalaşmış giderken dönüp geriye baktım (CGA: 25) / (Когда я, попрощавшись с духом пожилой женщины и ее разваленным домом, начал отходить, вновь бросил взгляд назад).

Здесь лексема *карчык* (старуха) заменена словосочетанием *yaşlı kadın* (пожилая женщина), т.е. произошла замена.

В следующем предложении также частичная замена при переводе гендерной лексики: лексема *кортка* (пожилая женщина) заменена на сочетание *ihhtiyar kadın* (пожилая женщина). Смысловый аспект при переводе сохранен, однако в татарском языке лексема *кортка* имеет некий дополнительный смысловой оттенок: обычно пожилая женщина, потерявшая мужа, вдова, и используется в несколько пренебрежительном значении. При переводе этот дополнительный аспект был утерян.

- *Әллә инде кортка үзенең мәңгелек язмышына күнеккән...* (АЭ: 193) / *Acaba ihhtiyar kadın ölümsüzlüğe alışmış...* (ВК: 142) / (То ли старуха уже свыклась со своей вечностью).

Обозначение мужчин почтенного возраста в исследованных нами текстах в большинстве случаев осуществляется с помощью лексем *карт* / *ihhtiyar* (пожилой, старый), выраженных в обоих языках субстантивированными именами прилагательными. Например, в предложениях:

- *Карт түбәдән төшөп китә, үзәнлекләрдән уза, иген басуларын буразна буйлап кисеп чыга...* (ӘВ: 269) / *İhhtiyar, tepeden iniyor, vadileri geçip, ekin tarlalarını, saban izlerini takip ederek yürüyor* (V: 63) / (Старик спускается с холма, проходит по долинам, пересекает хлебные поля...)
- *Кушнарат авылында Бәхтияр атлы бер жәүләр карт бар икән* (ТК: 229) / *Kuşnarat Köyü'nde Bahtiyar adında deli bir ihhtiyar varmış* (SK: 9) / (Оказывается, в деревне Кушнарат живет сумасшедший старик).

Следующей парой лексем, обозначающих пожилых представителей мужского пола в изучаемых нами произведениях, являются имена существительные: *бабай/dede* (дедушка). Интересно то, что в турецком языке созвучная татарскому *бабай* лексема *baba* используется в значении *отец*.

Данная пара слов наряду с обозначением возрастного маркера, может выражать и родственные отношения: дедушка – отец матери или отца.

- *Бабай күтәрелен миңа карады* (ТК: 230) / *Dede başını kaldırıp dikkatlice bana baktı* (SK: 10) / (Дедушка, подняв голову, посмотрел на меня).

Для обозначения женщин преклонного возраста в произведениях часто используется лексема *эби/nine* (бабушка). Как и в приведенных выше примерах, данные лексемы могут иметь дополнительное значение родственных отношений: бабушка – мать отца или матери. Чаще всего лексемы *бабай* и *эби* используются в обращениях:

- *Нихәл, Миңлежәмәл эби!* (БӘ: 78) / *Nasılsın, Minlicamalı Nine!* (СҖЕ: 144) / (Здравствуй, бабушка Минледжамал!).

Представляет интерес и отражение в переводе лексемы, более характерной для разговорного языка: *картлач* (старина, старик). В переводе мы наблюдаем трансформацию этой лексемы (путем частичной замены) в сочетании *koca ihtiyar* (муж-старик):

- *Син тагын бу картлач мактана дин уйлыи күрмә* (СВ: 4) / *Ama sen, bu koca ihtiyar bōbürleniyor diye düşünme sakın* (SV: 49) / (Однако ты не подумай, что этот старик собирается хвастаться).

В татарской культуре при обращении к старшим по возрасту людям принято использовать лексемы *абый*, *абзый* (в значении «дядя, дядюшка»); *ана*, *түти*, *түтәй* («в значении тетя, тетушка») и т.д. Подобное явление мы наблюдаем и в турецкой культуре. Здесь наиболее часто встречаются лексемы как *атса*, *emmi*, *dayı* (дядя), *teyze* (тетя) и т.д. Эти лексемы используются, как правило вместе с именами собственными:

- *Дәһрилеге белән танылган ата коммунист... Гыйльметдин абзый безнең янга килеп утырды...* (АӘД: 1) / *Dinsizliği, ateistliğiyle nam salmış kızıl komünist... Gylmitdin Emmi bizim yanımıza gelip oturdu...* (EDDBV: 139) / (К нам подсел известный своими атеистическими взглядами коммунист дядя Гыйльметдин).

- *Югары очтан Абзалый абзый төшен килә иде* (АӘД: 2). / *Yukarı baştan Abzalıy Emmi geliyordu* (EDDBV: 139) (В верхней улицы спускался дядя Абзалый).

В обоих примерах мы наблюдаем использование сочетаний: *Гыйльметдин абзый/ Gylmitdin Emmi* (дядя Гыйльметдин), *Абзалый абзый/ Abzalıy Emmi* (дядя Абзалый).

Таким образом, анализ в переводах гендерной лексики, обозначающей возрастные маркеры, показал, что в большинстве случаев в обоих языках употребляются эквиваленты подобных лексем, в отдельных случаях мы наблюдаем трансформацию лексики, а именно частичную замену.

Трансформация гендерной лексики, обозначающей родственные отношения. Проблематика, связанная с изучением особенностей лексем, обозначающих родственные и семейные отношения, прежде всего имеет междисциплинарную значимость. Исследования, проводимые в этой области, охватывают такие области науки, как лингвистика, этнография, социология и ряд других направлений. Причиной является то, что ученые обращают свое внимание на слова, обозначающие семейно-родственные отношения, как на структурно обособленную группу языковых знаков, которые отражают определенные синхронные и диахронные характеристики социальной системы и обнаруживают устойчивую тенденцию к последовательной исторической трансформации. К.А.Добронравин первым из лингвистов обратил внимание на то, что под данное понятие подводятся, как минимум, три группы лексики: 1) кодифицирующая лексика, составляющая собственно термины родственной номенклатуры; 2) имена родства: «детские» наименования родственников, слова-обращения, смыкающиеся с ними возрастные наименования лиц мужского и женского пола и т.п.; 3) относительно устойчивые описательные сочетания с узнаваемой мотивировкой и, очевидно, единственным значением, столь характерные для этнологических анкет [Зыкина: 13].

Достаточно значимое влияние на значение, употребление и функционирование лексем, выражающих семейные и родственные отношения, оказывают различные социокультурные факторы, связанные с осознанием роли женщины и мужчины в обществе, а также в семейной сфере. Поэтому, когда речь идет о гендерных исследованиях данной группы слов, важно учитывать оба аспекта: как лингвистический, так и социологический, учитывая, что между ними всегда существует определенная связь.

В лингвистической литературе мы наблюдаем, что лексика, которая обозначает родственные отношения, представляет собой имена, существование и название которых относительно, так как эти субъекты не могут существовать самостоятельно, либо они названы в соответствии с их отношением к другим субъектам.

На примерах выше мы отмечали, что некоторые слова, выражающие родственные отношения, иногда в речи могут использоваться в качестве синонимов к словам, выражающим отношение к тому или иному полу. Так, в отдельных случаях словом *бабай/dede* (дедушка) обозначают пожилого мужчину, старика и т.д. Однако это не отменяет его первичного значения родственности.

Говоря о классификации терминов родства, стоит отметить, что все существующие классификации отражают одни и те же особенности существующей в любом народе системы родственных отношений. Однако все классификации сходятся к тому, что родство бывает кровное и некровное (родство через супружескую связь). Кровное родство при этом можно подразделять на прямое (отец, сын, дед, внук и т.д.) и на родство по боковой линии (брат, дядя, племянник и т.д.).

Рассмотрим примеры употребления лексем, обозначающих некровное родство. Стоит отметить, что данная группа лексем довольно нечастое явление в исследуемых нами произведениях и их переводах.

Значение супругов в татарском и турецком языках выражаются следующей группой лексем: *ир/коса* (муж), *хатын/кари, hanım* (жена). В исследуемых нами переводах в большинстве случаев мы наблюдаем полное совпадение словарных значений лексем:

- *Хәнифәнең ире, мәктәп директоры Игнат Белов асылдан керәшен иде* (ЖКК: 250). / *Hanife'nin kocası, okul müdürü İgnat Belov aslında Kireşindi* (CGA: 70). (Муж Ханифы, директор школы Игнат Белов, по сути был крещеным татаринном).

На примере ниже в значении «жена» использована лексема *карчык*. Словарное значение данного слова соответствует слову «старуха, старушка» и второе значение: «жена, старуха (обращение к своим жёнам мужчин среднего и пожилого возраста)». В турецком варианте это слово было переведено вариантом *hanım*, первое значение которого «ханым, ханум, госпожа» и второе значение «жена, супруга».

- *Карчык, мин нинди чэй алырмын икән юлга?* (Сэмиг: 300) / *Hanım ben yola hangi çay alsam acaba?* (Semig: 250) (Жена, какого мне чаю взять в дорогу?)
- *Фәрештә иде минем хатыным* (ТК: 234). / *Bir melekti benim hanımım* (SK: 14). (Моя жена была ангелом).

В приведенном выше предложении мы наблюдаем пару лексем *хатыным/hanımım* (моя жена). В татарском языке слово, как мы уже упоминали выше, лексема *хатын* обозначает «женщина». Использование этого слова в категории принадлежности добавляет к слову дополнительный оттенок *хатыным* – моя женщина, соответственно, моя жена.

Интересен перевод лексем *кода* (сват) и *кодагый* (сваха). В татарском варианте мы наблюдаем использование гендерной пары мужского и женского полов. А в переводе мы встречаем лексему *düniürler* (сватья) во множественном числе. Несмотря на то, что в турецком языке мы встречаем гендерную пару *düniür* (сват) и *düniürcü* (сваха), в переводе гендерный маркер

утрачен. Тем не менее из контекста читатель понимает, что это семейная пара, приходящаяся хозяевам сватьями:

- *Кода һәм кодагый бик тизлек белән...* (Сәмиг: 297) / *Dünürler hemen...* (Semig: 110). (Сват и сваха со скоростью...)

В приведенном ниже предложении мы встречаем употребление слова *кияу/damat* (зять).

- *Көннәрнең берсендә кияүнең ата-аналары үзара мәхраманә генә бер мәжлескә чакырылдылар* (Сәмиг: 250). / *Günlerden bir gün damadın anne babası kendi aralarındaki mahrem bir meclise çağrıldılar* (Semig: 112). (Однажды родители зятя были приглашены на торжество, организуемое в узком семейном кругу).

Более широко в исследуемых текстах представлена лексика, обозначающая кровное родство. Данный пласт лексики также принято делить на две группы: на прямое родство (отец, сын, дед, внук и т.д.) и на родство по боковой линии (брат, дядя, племянник и т.д.). Стоит отметить, что лексика, обозначающая родственные отношения, представляет пласт в большинстве своем общий как для татарского, так и для турецкого языков. За исключением некоторых фонетических несоответствий слова совпадают в обоих языках. Самыми частыми в употреблении лексемами в исследуемых нами произведениях были выявлены слова, обозначающие непосредственно прямое родство:

- *Нишлисез, әти кеше әйткәч, карышып булмый* (СК: 7). / *Ne yaparsın, babanın dediğine karşı da gelinmez* (SK: 3). (Ничего не поделаешь, раз отец сказал, противиться напрасно).
- *Их, ничек кенә аңлатырга соң боларны әнисенә* (СК: 31). / *Nasıl anlatmalı bunları annesine* (SK: 21). (Эх, как же все это объяснить матери).
- *Үз нәүбәтләрендә алар бик ябыккан, тәмам кечерәеп калган әниләрнең зәгъфрандай саргайган тәмам кечерәеп сулган йөзен күрдәләр* (ӘВ: 277). / *Onlar bu gelişlerinde, iyice zayıflamış tamamen küçülüp gitmiş*

annelerinin çiçek gibi sararıp solan yüzünü gördüler (V: 73). (В свою очередь они увидели пожелтевшее словно шафран, осунувшееся лицо своей матери).

- *Булды, улым* (M: 220) / *Hazır oğlum* (G: 50). (Готово, сынок)
- *Бар шатлыгы – тормыштагы кызы һәм яңа туган оныгы* (CB: 4). / *Onun tek sevinci, evli olan kızı ve yeni doğan torunu* (SV: 49). (Вся его радость – это замужняя дочь и новорожденная внучка).

В приведенных выше предложениях мы можем выделить такие гендерно маркированные пары лексем, обозначающих прямое родство: *әти/baba* (отец, папа), *әни/anne* (мать, мама), *ул/oğul* (сын), *онык/torun* (внук) и т.д. Практически во всех случаях употребления в текстах произведений мы наблюдаем полное соответствие эквивалентов данных лексем в переводах и отсутствие каких-либо попыток их трансформации. Такое же явление мы наблюдаем и при переводе гендерной лексики, обозначающей не прямое кровное родство:

- *Абый әллә кайчан яткан бит* (АӘД: 2) / *Ağabeyim yatalı ne kadar oldu* (EDDBV: 142). (Брат давно уже лег спать).

В отдельных случаях при анализе перевода лексики, выражающей кровное родство, мы наблюдаем трансформацию путем генерализации лексем. Так, например в нижеследующем предложении лексемы *эне-сеңелләренә* (младшим братьям и младшим сестрам) при переводе было заменено словом *kardeşlerine* (младшим родственникам). В турецком языке понятия сестренка или братишка обозначаются одной и той же лексемой *kardeş*. Для обозначения гендера, как правило, добавляются лексемы *erkek* (мальчик) и *kız* (девочка), образуя сочетания: *erkek kardeş* (братишка) и *kız kardeş* (сестренка). С одной стороны, используемая переводчиком замена лексемы оправдана использованием слова *kardeş* для обозначения младшего брата и младшей сестры. Однако с другой стороны отсутствие гендерной окраски данной лексемы допускает разночтение смысла данного предложения. Ведь под словом *kardeşlerine* читатель может подразумевать только младших

братьев и только младших сестер. В то время как в оригинале упоминаются и те, и другие: *эне-сеңелләренә*.

- *Тәржемә итә, әзер өлешен иң элек әнисенә, апалары, эне-сеңелләренә укый* (СК: 18). / *Tercüme ediyor ve ilkin annesine, ablalarına, kardeşlerine okuyor* (SK: 12). (Переводит и читает вслух готовые отрывки маме, старшим сестрам, младшим сестрам и братьям).

Таким образом, при переводе гендерной лексики, выражающей родственные отношения, переводчик в большинстве случаев использует прямые эквиваленты гендерных лексем. Большая часть этих лексем в обоих языках имеют совпадение за исключением некоторых фонетических различий. В отдельных частных случаях при переводе данной группы лексики мы наблюдаем явление генерализации и частичной замены.

Трансформация гендерной лексики, обозначающей семейное положение. Говоря о гендерной лексики, имеющей маркеры, выражающие семейное положение, стоит отметить, что речь будет идти о двух категориях людей: состоящих в браке и несостоящих в браке. В татарском языке для обозначения незамужней девушки используются такие лексемы как: *кыз* (девчѣка, девушка), *тутаиш* (девушка, мадмуазель), *карт кыз* (старая дева), *кыз-кыркын* (девчата) и т.д. Лексема *хатын* (женщина) и другие, содержащие в своей структуре эту лексему обозначают замужнюю женщину: *хатын-кыз* (женщина), *яшь хатын* (молодая жена), *карт хатын* (старая жена), *баиш хатын* (главная жена при многоженстве) и т.д. Понятие овдовевшей женщины передается сочетанием лексем: *тол + хатын* (овдовевшая женщина). Соответственно для обозначения мужчин вдовцов в данном сочетании лексема *хатын* заменяется лексемой *ир* (мужчина) – *тол ир*. Для обозначения неженатого мужчины в татарском языке используется лексема *буйдак* (холостяк). Также значение неженатого мужчины можно передать при помощи лексемы *егет* (парень, молодой человек).

Достаточно интересным представляется исследовать способы передачи этих маркированных гендерных единиц при переводе на турецкий язык.

- *Тәрәше авылында Габәш атлы бер ялгыз буйдак егет яшәгән* (ХГ: 355).
/ *Tereşli Köyü'nde tek başına yaşayan Gabeş adlı bir genç varmış* (GG: 45).
(В деревне Терешли жил одинокий холостой парень по имени Габеш).

В татарском варианте предложения мы встречаем лексему *буйдак* (холостяк). Также нам известно, что в турецком языке в значении холостого мужчины или женщины выступает лексема *bekar*. Однако в переводе мы видим, что при трансформации данного понятия было произведено опущение данной лексемы, а в переводе мы встречаем слово *genç* (молодой человек). И лишь сочетание *tek başına yaşayan* (живущий одиноко), акцентирует наше внимание на том, что он одинок и, соответственно, холост. Несмотря на то, что контекст перевода помогает нам сделать вывод о семейном положении молодого человека, все же опущение данной лексемы не совсем оправданно. Подобное явление мы можем наблюдать и на примере ниже. В тексте оригинала мы встречаем сочетание *карт кыз* (старая дева, девушка, не состоящая в браке). При этом в том же предложении конструкция *кияүгә чыкмый калган* (не вышедшая замуж, оставшаяся в девках) также сообщает нам о семейном положении девушки. Если обратиться на перевод, то мы обнаруживаем, что переводчик, сохранив сочетание *evde kalmış* (оставшаяся дома, засидевшаяся в девках), прибег к приему генерализации и использовал лексему *kız* (девушка), не уточняя того, что она старая дева.

- *Шушы Тәрәшле авылында, чибәр булмаганы аркасында, кияүгә чыкмый калган Зарифат исемле бер карт кыз бар икән* (ХГ: 356). /*Bu Tereşli Köyü'nde güzel olmadığı için evde kalmış Zarifat adında bir kız varmış* (GG: 45). (В этой деревне Терешли жила старая дева по имени Зарифат, засидевшаяся в девках из-за того, что не была красавицей).

Некоторые лексемы в определенном контексте также могут выражать маркеры, обозначающие семейное положение. Так, например, слово *ялгыз* (одинокий). В разговоре двух героев, девушка Айсылу говорит своему собеседнику:

- *Мин бит ялгыз...* (СВ: 17) /*Ben tek başıyım* (SV: 65). (Я же одинокая).

Таким образом, она сообщает, что одинока, не замужем. При переводе переводчик прибегает к приему смыслового развития и использует сочетание *tek baştauyt* (я сама по себе, я самостоятельная).

Также интересен следующий пример:

- *Бар шатлыгы – тормыштагы кызы һәм яңа туган оныгы* (СВ: 4). / *Onun tek sevinci, evli olan kızı ve yeni doğan torunuudu* (SV: 49). (Вся его радость – это замужняя дочь и новорожденная внучка).

В татарском языке для передачи значения «замужняя женщина» используется лексема *кияүдәге*. В этом предложении для передачи значения замужней женщины – дочери героя используется конструкция *тормыштагы кызы*. В переводном тексте мы встречаем сочетание *evli olan kızı* (замужняя дочь), в которой происходит частичная замена.

В другом примере значение замужней женщины передается посредством лексем *хатын* (жена, женщина) и конструкции *ип хатыны* (жена мужа). При переводе мы наблюдаем трансформацию первой лексемы путем генерализации в слово *еş* (супруг, супруга), лишенную гендерной окраски и путем калькированного перевода второй: '*bir erkeğin hanımı*' (жена одного мужа):

- *Гади бер хатын булып <...> ип хатыны исемен йөртеп яшисе калган* (СВ: 18). / *Sıradan bir eş olup <...> 'bir erkeğin hanımı' ünvanını alarak yaşamak varmış aslında* (SV: 66). (А надо было жить как обычная жена, в статусе замужней женщины).

При этом явление генерализации гендерных лексем, обозначающих понятия «муж» и «жена», в исследуемых нами текстах явление достаточно частое. Так путем генерализации трансформируется в одном из примеров лексема *кәләш* (невеста, молодая девушка, собирающаяся выйти замуж). В тексте перевода данная лексема преобразована в лексему *еş* (супруга, супруг), которая лишена гендерной окраски.

- *Шуннан соң без кырыгыбыз берьюлы кәләш эзли чыгарга булдык* (ТК: 233). / *Daha sonra hepimiz birlikte kendimize eş aramaya yola çıktık* (СК: 14). (После этого мы решили все вместе выехать на поиски невесты).

Таким образом, рассмотрев особенности перевода гендерной лексики, обозначающей семейное положение, стоит отметить, что в практически все гендерные лексемы татарского языка, содержащие в своем значении семейное положение, имеют прямые эквиваленты в турецком языке. Однако изучение выявленных примеров переводов, содержащих упоминаемые лексемы, показало, что достаточно часто переводчик для отражения их прибегает к таким видам трансформации как частичная замена, генерализация и реже встречается смысловое развитие. В целом такие виды преобразований не нарушают смысловую целостность языка переводов, хотя и в единичных случаях носят не совсем оправданный характер.

Трансформация гендерной лексики, обозначающей названия профессий и сферу деятельности. Исторически сложилось, что в разделении профессиональной деятельности во всем мире мужчинам принадлежит неоспоримое первенство. Мужчины дали названия большому числу профессий, которые теперь используются в языке. Такая участь не обошла и татарских женщин. Лишь в начале XX века, в связи со сложившимися в стране историческими событиями, татарская женщина начинает приобретать некий социальный статус. Быстроразвивающаяся динамика женской эмансипации, которая достигает своего пика в конце прошлого столетия, повлекла за собой массовый приход представительниц прекрасного пола в профессии, которые ранее считались «мужскими». Такие изменения в обществе стали невольно требовать адекватного отражения женской профессиональной деятельности в языке.

Однако нельзя утверждать, что до упоминаемых выше исторических событий в татарском языке не существовали гендерно окрашенные лексемы, обозначающие названия профессий. У каждого народа есть своя культура, свои обычаи, которые играют достаточно важную роль в формировании

языка. Так, например, в татарском языке можно выделить обозначения духовных лиц: *имам, мулла, хэзрэт, ишан*. Такие слова связаны с мусульманской религией и обозначают духовных лиц мужского пола. Женой духовных лиц у татар является *абыстай*.

Также в татарском языке существуют слова, обозначающие род деятельности людей, которые одновременно содержат в себе маркеры родового признака. Издавна представителями мужской профессии являлись *балтачы* (плотник), *аучы* (охотник), *сәүдәгәр* (торговец), *һөнәрче* (ремесленник) и т.д. Лексемы *асрау* (прислуга, служанка, горничная), *тегүче* (швея), *тәрбияләүче* (воспитательница), *жыештыручы* (уборщица) характеризуют больше всего для лиц женского пола.

Одной из ярких морфологических особенностей татарского языка можно выделить отсутствие в нем категории рода как грамматического показателя. Такое же явление мы наблюдаем и в турецком языке. В этом аспекте интересным представляется изучение особенностей перевода гендерной лексики, содержащий маркеры названий профессий или обозначающих сферу деятельности человека. Кроме перечисленных выше исторически прижившихся в языке названий профессий, в татарском языке существует большой пласт интернациональной заимствованной лексики. В большинстве языков данные маркеры выражаются морфологическим путем, то есть путем добавления аффиксов, обозначающих принадлежность к тому или иному полу. В татарском и турецком языках наименования большинства профессий не предусматривают их разделение на женский и мужской род. Для того, чтобы обозначить женщину как представителя той или иной профессии, необходимо использовать вспомогательные слова. Интересным представляется исследование особенностей перевода гендерной лексики, маркированной названиями профессий с татарского на турецкий язык.

В татарском языке отдельным лексическим пластом представлены названия профессий, заимствованные из арабского языка. Стоит отметить, что в татарский язык одновременно просачивались пары лексем,

обозначающие мужской и женский род: *табиб* – *табибә* (врачи и женщина-врач), *мәгаллим* – *мәгаллимә* (учитель-учительница) и т.д. В арабском языке имена личные принимают аффикс -а-ә (-ия), когда они обозначают лицо женского пола. Собственные мужские имена в большей степени имеют закрытый слог. Рассмотрим некоторые примеры употребления заимствованной из арабского языка лексем, обозначающих название профессий:

- *Шуны аңлап, яшь табибә аңа аерым игътибарлылык күрсәтте...* (СВ: 4) / *Bunu sezen doktor hanım ona özel ilgi gösterdi* (SV: 49). (Поняв это, молодая врач уделила ему особое внимание).

В приведенном выше предложении мы видим, что арабское заимствование в татарском языке *табибә* (женщина врач) при переводе заменено интернациональной лексемой *doktor* (доктор) с добавлением лексемы *hanım*, акцентирующий внимание читателя на ее половой принадлежности.

- *Шагыйрь вәгъдәсендә торды* (Китүчеләр: 109). / *Şair dediğini yaptı* (Gidenler: 250). (Поэт сдержал свое слово).

В приведенном выше предложении мы видим, что в обоих вариантах употребляется заимствованное из арабского языка слово *шагыйрь/ şair* (поэт). Такое же явление мы наблюдаем и в предложении ниже, когда лексема *шәкерт/şekirt* (шакирд, студент медресе) совпадает в обоих языках.

- *Ике шәкертнең берсе шигырь яза* (М: 216). / *İki şekirtten biri şiir yazıyordu* (G: 46). (Каждый второй студент сочиняет стихи).

Таким образом, заимствованная из арабского языка лексика, обозначающая названия профессий, в большинстве своем совпадает в обоих языках. Исключением являются лексемы, обозначающие представителей женского рода. Здесь переводчик прибегает к замене синонимом, заимствованным из европейских языков и используют гендерный маркер, указывающий на пол.

Выше мы упоминали о пласте лексики, уходящей своими корнями и историей употребления в культуру и обычаи народа. В связи с этим интересно рассмотреть использование в текстах лексемы *абыстай*. Так называли жену

духовного лица, священнослужителя. Понятно, что в русском языке не встречается эквивалента данного слова, ведь исконно русское общество придерживалось христианских канонов. Однако в турецком языке данная лексема также не имеет единого эквивалента и встречается несколько вариантов передачи выражаемого им значения: *imatın eşi* (супруга имама), *imat hanımı* (жена имама). Со временем слово *абыстай* в татарском языке стало использоваться и для обозначения набожных пожилых женщин, участвующих в религиозных обрядах, в обучении детей и женщин канонам ислама, либо просто для обращения к пожилой женщине в отдельных диалектах татарского языка. Так, например, в нижеследующем предложении слово *абыстай* имеет значение набожных бабушек и переведено при помощи сочетания *hoca nine* (бабушка учительница). Таким образом, переводчик использовал прием описательного перевода для трансформации этой лексемы. Если в языке оригинала слово *абыстай* имеет гендерный маркер, то в переводе значение гендера приобретается благодаря лексеме *nine* (бабушка).

- *Tau сыртында ак әбиләр:.. ун-унбиш абыстай ... Коръән чыга иделәр* (АӘД: 1). / *Terenin üzerinde mübarek nineler:.. on onbeş kadar hoca nine... yüksek sesle Kuran okuyorlardı* (EDDBV: 137). (На горе набожные бабушки, десять-пятнадцать бабушек, читали вслух Коран).

Рассмотрим еще один случай использования лексемы *абыстай*:

- *Сәмигулла абыйның шушы чәй-шикәр мәсьәләсендә артык катышучанлыгы кайсы вакытта Mahitap абыстайга бик зур уңайсызлыklar да ясап куя иде* (Сәмиг: 297). / *Semigullah Amcanın bu çay, şeker meselesinde fazlasıyla işe karışması bazen Mahitap Teyzeyi çok zor durumda bırakıyordu* (Semig: 110). (Излишнее участие дядюшки Самигуллы в чайных делах иногда вводило в замешательство Махитап абыйстай).

В приведенном выше предложении лексема *абыстай* использована для уважительного обозначения жены богатого торговца. Поэтому и в переводе

вполне оправданно переводчик прибегает к замене и использует лексему *teuze* (тетушка, уважительное обращение к пожилой женщине).

Если перевод лексемы *абыстай* происходит только путем замены или описательного перевода, то лексема *хэзрэт* (мулла) преобразована путем транслитерации: *hezret*:

- *Нуриахмэт хэзрэткэ бу ошамады* (СК: 20) / *Nuriehmet Hezret bundan hoşlanmadı* (СК: 14). (Нуриахмат Хазрату это не понравилось).

Рассмотренные примеры позволяют нам утверждать, что несмотря на близость культур татарского и турецкого народа, идентичность их религии, в переводах имеют место быть переводческие трансформации при передаче лексики, обозначающей представителей духовенства и имеющих к ним отношение лиц.

Интересно исследование особенностей перевода интернациональной лексики и лексики, заимствованной из русского языка, обозначающей названия профессий, с татарского языка на турецкий. Параллельно с арабским заимствованием *табибэ* мы встречаем использование лексемы *врач*:

- *Авыл больницасының яшь, үз эшенэ чамасыз бирелгән врачы гына монның белән килешергә теләми* (ӨАЖ: 153). / *Ancak köy hastahanesinin genç, kendini var gücüyle işine veren doktoru bunu kabul etmek istemiyordu* (ВАТ: 35). (И только чрезмерно преданная своей работе молодая врач не могла смириться с этим).

В приведенном выше предложении лексема *врач* нейтральна в гендерном аспекте. При переводе также используется нейтральная лексема: *doktor* (врач, доктор).

В результате анализа других примеров было выявлено, что большинство представленных заимствованиями названия профессий в татарском варианте в переводах отражаются эквивалентами тюркского происхождения. Рассмотрим некоторые из них:

- *Түгел лә, прокурор гына бит ул!..* (ӨАЖ: 137) / *Ne doktoru canım, yalnızca savcı!* (ВАТ: 15) (Да нет же, это всего лишь прокурор!)
- *Сез фельдшер булып эшлим дигән идегез* (ӨАЖ: 137) / *Siz sağlık meturu olduğunuzu söylemişsiniz* (ВАТ: 15). (Вы говорили, что работаете фельдшером).
- *Жир, мөгаен генә, шактый еллар шулай буш килеш ятар иде, колхозга яңа председатель килде* (ЖКК: 211). / *Burası uzun yıllar böyle bomboş dururdu durmasına da kolhoza yeni yönetici geldi* (СГА: 25). (Может земля так и оставалась бы не возделанной долгие годы, но в колхоз приехал новый председатель).
- *Әллә, мин әйтәм, - диде бригадир сак кына, - Калага хәбәр итикме?* (ӨВ: 276) / *Yoksa ben mi söyleyeyim, dedi ekip başı usulca* (V: 71). (Или, я вот что говорю», - сказал бригадир с осторожностью: «Может в город сообщим?»))

Таким образом, в приведенных выше предложениях были выявлены пары лексем, обозначающих названия профессий: *прокурор / savcı, фельдшер / sağlık meturu, председатель / yönetici, бригадир / ekip başı*. Являющиеся заимствованиями в татарском языке эти лексемы в переводах представлены в большинстве своей лексикой тюркского происхождения. Однако стоит отметить, что в обоих языках данная лексика нейтральна в гендерном аспекте и принадлежность представителей названных профессий к тому или иному полу определяется исходя из контекста.

Другую группу гендерной лексики, обозначающей названия профессий, представляют слова, образованные морфологическим способом: *тракторчы* (тракторист), *кибетче* (продавец) и т. д. Их перевод осуществляется прямыми эквивалентами. В отдельных случаях имеют место быть переводческие трансформации. Так, например, лексема *кибетче* (продавец, сотрудник магазина) в текста перевода трансформирован путем описательного перевода: *dükkanı çalıştıran* (реализующий работу магазина).

Как правило данная группа лексики также имеет нейтральный гендерный аспект:

- ... өченчесе, түше белән прилавкага ятып кибетче Әсмабикәгә нидер сөйләп ялагайланып торучысы, Бибинурның игез сыңары Зөһрәбану иде... (ЖКК: 228) / *Üçüncüsü göğsüyle tezgaha yaslanmış dükkanı çalıştıran Esmabike'ye bir şeyler anlatıp dalkavukluk eden Bibinur'un ikiz kardeşi Zöhrebanu'ydu* (CGA: 46). (А третья, что-то нашептывавшая продавцу Асмабике, склонившись над прилавком, была сестра-близнец Бибинур – Зухрабану).

Подводя итоги анализа гендерной лексики, обозначающей названия профессий или сферу деятельности, стоит отметить следующее: данную лексику условно можно разделить на несколько групп. В первой группе мы рассмотрели названия профессий, которые имеют в языке культурные и традиционные корни. При отсутствии эквивалентов упоминаемых лексем переводчик обращается к описательному переводу или транслитерации.

В татарском языке отдельным лексическим пластом представлены названия профессий, заимствованные из арабского языка, а также интернациональная лексика, просочившаяся в татарский посредством русского и заимствованная из русского языка. Заимствования из арабского языка в татарском языке чаще всего представлены парой лексем, выражающих мужской и женский пол. При переводе лексем, обозначающих представительниц женского пола, на турецкий язык чаще всего добавляется гендерный маркер.

При переводе общетюркской гендерной лексики, обозначающих названия профессий, в большинстве случаев мы наблюдаем полное совпадение эквивалентов и лишь в редких случаях встречаем переводческие трансформации, такие как описательный перевод или частичная замена. Также анализ показал, что эта группа лексики имеет нейтральный гендерный маркер, а обозначение гендерной принадлежности происходит благодаря вспомогательным лексическим средствам.

Трансформация гендерной лексики, обозначающей национальную принадлежность. В татарском языке для указания на лицо женского пола при обозначении национальности используются слова *хатын*, *кыз*, к которым прибавляется аффикс принадлежности третьего лица. При употреблении существительных со значением лица мужского пола к существительному не прикрепляются никакие аффиксы и добавочные слова. Например, *вьетнам* – *вьетнам хатыны*, *кызы (кызы)*, *чечен* – *чечен хатыны (кызы)*, *грузин* – *грузин хатыны (кызы)* и т.д. В турецком языке мы наблюдаем такое же явление. Эта схожесть в употреблении данной лексики отражается и в языке переводов. Однако в отдельных случаях мы можем наблюдать и переводческие трансформации, чаще всего это прием транслитерации. Так, например, в тех случаях, когда в языке оригинала используются названия диалектов, переводчик использует транслитерацию:

- *Хәнифәнең ире, мәктәп директоры Игнат Белов асылдан керәшен иде* (ЖКК: 250). / *Hanife'nin kocası, okul müdürü İgnat Belov ashında Kireşindi* (CGA: 70). (Муж Ханифы, директор школы Игнат Белов, по сути был крещеным татаринном).

В этом предложении лексема *керәшен* (крещеный татарин) преобразована путем трансформации. Было бы намного эффективнее, если бы параллельно с этим переводчик использовал и описательный перевод, ведь не каждому турецкому читателю известно, кто такие крещеные татары. Интересен и перевод лексемы *марҗа* (русская женщина). Это один из редких примеров, когда лексика, обозначающая национальную принадлежность, гендерно маркирована. В одном из примеров, в которых употребляется данная лексема, перевод осуществлен путем замены на синоним, который является органичным для языка перевода: *Rus* (русский), но при этом стирается гендерная принадлежность лексемы.

- *Алай булгач, хатының да марҗадыр инде?* (СВ: 23) / *Hanımın da mı Rus şimdi?* (SV: 73) / (Раз так, то и жена у тебя, наверное, русская).

В другом случае использования данной лексики при переводе ее мы наблюдаем двойную трансформацию: транслитерацию *Marja* и описательный перевод *Rus kadını* (русская женщина), размещенный тут же в скобках:

- *Суфиян сугышка чаклы ук эле Саратовта хезмэт иткән чагында маржа кызына өйләнгән иде* (ӘВ: 270) / *Saftyan savaştan önceki dönemde Saratov'da askerlik yaparken Marja'yla (Rus kadını) evlenmişti* (V: 65) / (Суфиян еще до войны, во время службы в Саратове, женился на русской девушке).

Таким образом, при переводе лексики, обозначающей национальную принадлежность, использование трансформаций явление редкое. В некоторых случаях используются транслитерация и описательный перевод.

Трансформация гендерной лексики, обозначающей социальный статус. В рамках данного параграфа мы задаемся целью исследовать пласт гендерной лексики, встречающейся в анализированных нами произведениях татарской прозы и их переводах на турецкий язык, обозначающей социальное положение представителей того или иного пола. В эту группу мы включаем лексемы, обозначающие принадлежность человека к тому или иному социальному сословию (*морза, морза кызы, кулак*), тот или иной сан (*мулла, патша, илче*) и т.д.

Анализ собранных примеров показал, что в большинстве случаев гендерно маркированная лексика при переводе заменяется словарными эквивалентами. При употреблении данной лексики во множественном числе гендерная маркировка стирается:

- *Илчеләр белән яучылар жибереп эләтәп тә карады – юк!* (ТК: 233) / *Elçilerle dört bir yana düniürcüler gönderdi, ama bir sonuç alamadı* (SK: 13) / (Он направил на поиски послов со сватами, но тщетно!)

В этом примере выше лексемы *илчеләр/elçiler* (послы), *яучылар/düniürcüler* (сваты) используются во множественном числе как в тексте оригинала, так и в переводе.

В отдельных случаях при переводе лексем, обозначающих социальный статус, характерных только для представителей татарского народа и языка, переводчики прибегают к приему транслитерации. Например, лексема *мурза* (мурза – социальное сословие в татарском обществе) при переводе преобразована в *Mirza*:

- *Казанны алырга Жәнәкәй мурза белән йөргәннәр иде...* (АЭ: 193) / *Kazan'ı almak için Canakay Mirza'yla beraber ilerlemişlerdi* (БК: 141) / (Они вместе с Джанакай мурзой Казань брать ходили).
- *Авыл шул инешнең бер янына урнашкан, ә каршы яктагы калкулык өстендә, буран эшләнгән ике дәү йортта, мурзалар – Чанышевлар яши* (СК: 11) / *Köy bu derenin bir kıyısında kurulu ve karşı taraftaki yüksekçe tepe üstünde inşa edilmiş iki büyük binada Mirzalar, Çanişevler yaşıyor* (СК: 6) / (Деревня находится на этом берегу реки, а на возвышенности, расположенной на другом берегу, в двух больших домах из бревен живут мурзы Чанышевы).

С помощью транслитерации преобразована и лексема *кулак* (кулак, зажиточный крестьянин), которая изначально таким же путем попала в татарский язык из русского. В переводах мы встречаем вариант *kulak*, который передает это значение.

- *Байгураларны, шәхси милек коллары кулакларны себереп түккән агаларыбыз безне кичерерме?* (ЖКК: 214) / *Zenginlerin, mülk köleleri kulakların kökünü kazıyan büyüklerimiz bizi affeder mi?* (СГА: 30) / (Простит ли нас наше старшее поколение, преследовавшее зажиточных крестьян и кулаков?).

В отдельных случаях мы наблюдаем прием конкретизации при переводе упоминаемых лексем:

- *Хужа үзе ишек катына идәнгә утырды да борыска сөялде* (ТК: 231) / *Ev sahibi yere oturup sırtını kapının sövesine yasladı* (СК: 11) / (Хозяин сел на пол у двери и прислонился к дверному косяку).

В этом предложении лексема *хужа* (хозяин, собственник) при переводе была трансформирована путем конкретизации: *ev sahibi* (хозяин дома).

Интересна передача в переводе лексемы *патша* (монарх, царь, падишах; русский царь). Данная лексема имеет гендерную маркировку мужского пола и является производной от слова *падишах* (титул монархов в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока). Однако при переводе происходит замена синонимом, заимствованным в турецкий язык: *Çar* (царь):

- *Әти, әти әйт әле, татарларга да патшага каршы баш күтәрергә ярыймы ул?* (СК: 5) / *Baba, söylesene, Tatarların da Çar'a baş kaldırması mümkün mü?* (SK: 1) / (Папа, скажи, а татары могут восстать против царя?).

Анализ гендерной лексики, обозначающей определенный социальный статус, показал, что в большинстве случаев гендерная маркировка этих слов обеспечивается вспомогательными лексемами или считывается из контекста. При переводе данной группы лексем используются такие виды трансформации, как транслитерация, конкретизация и замена синонимами.

Трансформация гендерной лексики с оценочной маркировкой. Практически во всех языках мира можно выделить пласт гендерной лексики, которая в то же время содержит оценочную коннотацию лексемы. Так, во многих языках достаточно часто образу женщины больше приписываются отрицательные, нежели положительные качества. Особенно ярко это прослеживается во фразеологических единицах, в которых атрибутируется в основном объективность или женщинам противопоставляются мужчины как носители положительных начал и качеств. В сопоставлении с описанием женских качеств пространство положительных качеств представителей мужского пола намного шире и богаче. Это, в свою очередь, провоцирует перенос оценочных признаков, характерных для мужского пола, на представительниц женского пола. Стоит также отметить, что если оценочные признаки, стереотипно закрепленные за референтом-женщиной, переносятся

на референта-мужчину, то чаще всего наблюдается снижение негативных эмоциональных оценок.

В татарском языке существуют оценочные слова типа *мескен*, *такылдык*, *алдакчы*, *ахмак*, *елак кеше*, которые на русский язык можно перевести эквивалентами существительных общего рода: *бедняга*, *болтушка*, *бестия*, *дурачина*, *плакса*. Родовой признак подобной лексики мы можем определить лишь контекстуально. Однако для указания родového признака в отдельных случаях наблюдается добавление гендерного маркера: *малай* (мальчик), *кыз* (девочка) и т.д. Интересным представляется анализ использования в исследованных нами татарских текстах гендерной лексики с оценочным маркером и особенностей их перевода на турецкий язык.

- *Әллә ниләр уйлап чыгара бу Галикәй явыз!* (ЖКК: 228) / *Neler neler düşünüyor bu cin fikirli Ğalikey!* (CGA: 46) / (И чего только не выдумает этот злодей Галикей!)

В этом предложении присутствует лексема *явыз* (злодей, шельма, шельмец (как бранное слово)), характеризующая героя по имени Галикей. При переводе произошла замена этой лексемы устойчивой фразеологической конструкцией *cin fikirli* (с замыслами дьявола).

Анализ собранных примеров также показал, что количество случаев употребления отрицательно характеризующих лексем превосходит количество положительных. Нами были выявлены квази-обращения (обзывания), большинство из которых представляют собой оскорбительные лексические единицы, использованные по отношению к женщинам.

- *Тыңлап бетер башта, азгын хатын!* (Китүчеләр: 106) / *Önce iyice dinle azgın kadın!* (Gidenler: 155) / (Дослушай меня сначала, распущенная женщина!)

В этом примере выше мы наблюдаем полное соответствие лексемы, обозначающей оценочный характер в обоих языках.

Встречается немногочисленный пласт лексики, которая связана с обозначением женских пороков и эвфемизмами, отсылающими к понятию «проститутка»:

- *Син – сөйрәлчек, сиңа һаман җитми!.. Фахишә син, фәхишә!* (Китүчеләр: 106) / *Sen sürtüksün!.. Azgın kahpe!* (Gidenler: 155) / (Ты – потаскуха, тебе все мало!.. Ты проститутка, проститутка!).
- *Тик ул һәрбер тәүге очрашуда ук килеп ябышырга әзер җилбәзәк, җиңел акыллылардан ерак йөрде* (СВ: 10) / *Fakat o, daha ilk görüşmede sakız gibi yarışan, ciddiyetsiz, hafifmeşreplerden uzak durmuştu hep* (SV: 57) / (Однако он всегда старался держаться подальше от ветреных, легкомысленных девушек, готовых прилипнуть, словно смола, с первой встречи).

В этом предложении оценочно маркированная лексика менее эмоциональна, чем в предыдущем предложении, однако все же носит отрицательный характер. Интересно и то, что отмеченные в этих примерах оценочные лексемы в обоих языках используются по отношению к представительницам женского пола.

Однако в процессе анализа нами были выявлены оценочные лексемы, которые чаще выступают атрибутами представителей мужского пола. Одной из них является конструкция *адам актыгы* (подонок, выродок, ничтожество). При переводе конструкция трансформируется в сочетание *aşağılık herif* (подонок, тварь). В обоих языках данные атрибутивные конструкции используются только по отношению к мужчинам:

- *Башкача ул бу җирәнгеч адам актыгы белән булган мөнәсәбәтләре <...> мәңгегә онытырга сүз бирде* (СВ: 30) / *Bugün bu aşağılık herifle yaşadıklarını daha hatırlamamaya <...> söz vermişti* (SV: 81) / (Она поклялась себе не вспоминать больше об отношениях с этим подонком).

Среди оценочной лексики можно выделить примеры фразеологических конструкций, имеющих нейтральный гендерный оттенок. То есть они могут

выступать атрибутами для представителей обоих полов: *куян йөрәк / tavşan yürekli* (заячья душа = трус), *туң күчән / cahil* (бездарный и черствый; недалекий и бездеятельный человек).

- *Әгәр куян йөрәк икәнсең, монда кал!..* (ӨАЖ: 184) / *Eğer tavşan yürekliysen sen kal burada!* (ВАТ: 70) / (Если ты трус, оставайся здесь).
- *Бай шәкерт, әйттик, туң күчән булса да...* (М: 215) / *Zengin şakirt cahil bile olsa da...* (G: 45) / (Хоть богатый студент и туп, как ступа...).

Тем не менее, нельзя говорить о том, что в татарском языке существует только отрицательно ориентированная оценочная лексика. В выявленных нами примерах присутствует положительная атрибутивная лексика, характеризующая как женщин, так и мужчин.

Воспевание и восхваление красоты женщины в татарской художественной литературе отражтys в таких оценочных лексических единицах, как *төн кызы* (богиня ночи), *төн алиһәсе* (ночная богиня), *фәрештә* (ангел) и т.д.

- *Сау бул, төн кызы!* (ККК: 288) / *Hoşça kal ey gece kraliçesi!* (GGG: 170) / (Прощай, богиня ночи!).
- *Фәрештә иде минем хатыным* (ТК: 234) / *Bir melekti benim hanımım* (SK: 14) / (Моя жена была ангелом).
- *Зәһрә мин... Төн алиһәсе дигән сүз* (ККК: 287) / *Zöhre benim adım... Gece Tanrıçası demek* (GGG: 169) / (Зухра меня зовут... Означает богиня ночи...).

На примере приведенных выше предложений мы можем отследить особенности перевода гендерной лексики оценочного содержания. Так, эпитет *төн кызы* (дочь ночи) в турецком варианте трансформируется в сочетание *gece kraliçesi* (королева ночи). Здесь имеет место такой вид трансформации, как частичная замена. То есть первая лексема *төн/ gece* (ночь) сохранена, а второй компонент *кыз* (девушка, дочь) заменен на *kraliçe* (королева). Подобное преобразование не наносит ущерба содержанию самого эпитета и вполне оправданно.

В большинстве других вариантов мы наблюдаем использование прямых эквивалентов при переводе тех или иных эпитетов: *фәрештә/ melek* (ангел), *төн алиһәсе/ Gece Tanrıçası* (ночная богиня) и т.д.

Представляет интерес использование собирательного эпитета, характеризующего всех представителей прекрасного пола:

- *Бу гүзәл затларны һич тә аңламассың...* (СВ: 10) / *Bu kadın milletini anlamak çok güç...* (SV: 55) / (Эти прекрасных созданий очень сложно понять...).

В этом примере эпитет *гүзәл затлар* (прекрасные создания) переведен путем полной замены: *kadın milleti* (женское население (дословно), женский пол).

Говоря о положительной оценочной лексике с гендерными маркерами, стоит выделить и те, которые характеризуют представителей сильного пола. Так, в тексте мы выявили лексему *bahadır* (богатырь). В турецком языке данная лексема имеет созвучный эквивалент: *bahadır*:

- *Бу илдә без кырык bahadır идек* (ТК: 234) / *Zamanında bu ülkeyi kırk bahadır idare ettik biz* (СК: 14) / (Этой страной правили мы – сорок богатырей).

Таким образом, гендерная лексика с оценочной маркировкой достаточно широко представлена эпитетами, характеризующими как женщин, так и мужчин. Однако выявленные примеры и их анализ позволяют нам утверждать, что отрицательно ориентированная лексика по количеству доминирует над положительной. Чаще всего встречается немногочисленный пласт лексики, которая связана с обозначением женских пороков, реже – гендерная лексика, отрицательно характеризующая мужчин. Наряду с отрицательной лексикой имеют место эпитеты и фразеологические единицы, характеризующие женщин и выражающие по отношению к ним чувство восхищения, а также освещающие положительные качества мужчин. При переводе исследуемой группы лексем в случае отсутствия прямых эквивалентов чаще всего используются частичная или полная замена лексем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе складывается совокупная информация о потенциале разных языковых уровней как в отдельных языках, так и в аспекте сопоставления. В первой главе ведущей является мысль о том, что построение глобального полилингвального пространства зависит не столько от политики государств, сколько от внутренней мотивации самой языковой личности – прямого посредника между национальной и чужой культурой и языком. Кроме того, высказывается предположение, что антропоцентризм прослеживается главным образом в области лексикологии, семасиологии и фразеологии. Такой подход позволяет подвергнуть рассмотрению человека и языка в качестве продукта его жизнедеятельности во всем спектре его личностных качеств, эмоциональных и психических состояний, чувств и приблизить нахождение решения общетеоретических задач в сопоставлении разноструктурных языков.

Вторая глава посвящена работам в духе когнитивно-дискурсивных исследований и отстаивает точку зрения, что многие языковые феномены, например, иллокутивные конструкции, ключевые концепты и тематические пласты лексики этнокультурно маркированы теми социально-этическими нормами и коммуникативными правилами, которые приняты в том или ином этносоциуме.

В третьей главе отражены основные тенденции современного словообразования, в том числе окказиональное словообразование в современной поэзии, специфика трансформации гендерной лексики в пространстве художественного иноязычного текста, а также перспективы перевода художественных произведений.

В целом, отметим, что исследования такого рода в области разноструктурных языков и полиязычной коммуникации на сегодняшний день представляются достаточно привлекательными и имеют перспективу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература на русском языке

1. Абрамова А.Г. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Абрамова. – Чебоксары, 2005. – 181 с.
2. Александрова Ю.О. Эмотивное градуирование иллокутивной силы высказывания в английском оригинальном и переводном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 211 с.
3. Алексеева Г. Лев Толстой в переводах Констанс Гарнетт // Материалы II Международного семинара переводчиков. – Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2008. – С. 61–70.
4. Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 322–362.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 247 с.
6. Аллева А. Поезд и мужик в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Материалы VI Международного семинара переводчиков. – Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2012. – С. 15–22.
7. Аллева А. Три круглые сцены в романе «Анна Каренина» Льва Толстого // Материалы IX Международного семинара переводчиков. – Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2015. – С.91–102.
8. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков/ В.М. Алпатов// Вопросы филологии. – М, 2004. – № 2 (17). – С. 23–27.
9. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии: автореф. дис. ... д-ра ... филол. наук / Н.Н. Амосова. – Л., 1963. – 27 с.
10. Ангелова М.М. Лингвокультурологическое поле концепта «монархия» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / М.М.Ангелова. – М., 2005. – 236 с.

11. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
12. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. Вып. 28. – 1986. – С. 5–33.
13. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
14. Апресян, Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) / Ю.Д. Апресян // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М., 1992. – С. 45–64.
15. Апресян, Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия / Ю.Д. Апресян // Известия АН. Сер. лит. и языка. – 1999. – Т. 58, № 4. – С. 39–53.
16. Арнольд, И.В. Тематические слова художественного текста. // Иностранные языки в школе, 1971. № 2. С. 6–12.
17. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
19. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н.Д.Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
20. Арутюнова Н.Д. Вторичные истинности оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 67–78.
21. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
22. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

23. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
24. Бабкина А.Ю. Отражение семантических особенностей наименований чувств и эмоций человека в формировании оппозиции // итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2006 года: Сборник статей. – Казань: Казан. Ун-т, 2006. – 85 с.
25. Бабкина А.Ю. Семантические особенности наименования чувств и эмоций человека в современном русском языке. Дис. ... канд. фил. наук, Казань – 2008. – 190 с.
26. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.
27. Балашова Е.С. Концепт «бессмертие» в истории и теории культуры: дис. ... канд. филол. наук / Е.С.Балашова. – Н.Новгород, 2005. – 169 с.
28. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
29. Баранов А.Г. Текст, текстовый модуль, номинация // Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1988. – С. 94-100.
30. Барлыбаев Х. А. Глобализация: Вопросы теории и практики // «Век Глобализации». – М., 2008. – № 2.
31. Барлыбаев Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития М.: Издание Государственной думы, 2003. – 24 с.
32. Баязитова Ф.С. Лексика традиционной культуры как духовное наследие (этнолингвистический аспект) / Ф.С.Баязитова // Филологическое образование: история, современность, перспективы: сб. материалов международной науч.-практ. конф., 19 ноября 2010 г. – Республика Башкортостан, – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад. им. Зайнаб Биишевой, 2010. – С.35–38.
33. Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». – М.: Федерация, 1929. – 279 с.

34. Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания / Г.И.Берестнев // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 47–55.
35. Бижева З.Х. Культурные концепты в адыгской языковой картине мира: дис. ... докт. филол. наук / З.Х.Бижева: Изд-во Кабардино-Балкарского гос. ун-та им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 1999. – 297 с.
36. Бижева З.Х. Язык и культура / З.Х.Бижева. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского ун-та, 2000. – 47 с.
37. Биктагирова З.А. Концепт «семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.А.Биктагирова. – Казань, 2007. – 24 с.
38. Бирюков В.В. Семантика и некоторые проблемы языка и мышления / В.В.Бирюков // Язык и мышление. – Москва, 1997. – С.65–68.
39. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. – 88 с.
40. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2003. – 397 с.
41. Богус З.А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / З.А. Богус. – Майкоп, 2006. – 222 с.
42. Бодуэ де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. М.: АН ССР, 1963. – Т.1. – 391 с.
43. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – № 2. – С. 5–22.
44. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Материалы Второй Междунар. Шк.-семинара по когнитив. Лингвистике. В 2 ч. Ч.1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.

45. Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. №
46. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3.
47. Болотнова Н. С. Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте / Н. С. Болотнова / Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2000. – 158с.
48. Бондаренко М.В. Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 17 с.
49. Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: специфика представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006.
50. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
51. Брагина А.А. Некоторые семантические тенденции в современной русской лексике (на материале периодической печати и художественной литературы 50-60-е годы XX века): Автореф. дисс. канд. фил. н. /А.А. Брагина. – М.: 1968. – 21 с.
52. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс / М.П. Брандес. ИНФРА-М, 3-е издание, 2004.
53. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. Буслаев. – М.: Русский язык, 1954.
54. Бушканец Л.Е. «Он между нами жил...»: А.П. Чехов и русское общество конца XIX-начала XX века. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2012. – 755 с.
55. Вайсбергер Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсбергер – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1993. – 224 с.
56. Вандриес, Ж. Язык / Ж. Вандриес. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 404 с.

57. Василова, А.Ш. Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в татарской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / А.Ш. Василова. – Казань, 2006. – 161 с.
58. Васильева Е.В. Концептуальная оппозиция Индивид-Группа в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Е.В.Васильева. – М., 2001. – 164 с.
59. Васюк В.В. Концепт «женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка: дис. ... канд. филол. наук / В.В.Васюк. – М., 2002. – 145 с.
60. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры / пер. под. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 133–152.
61. Вежбицкая А.С. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А.С. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
62. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // А. Вежбицкая Язык. Культура. Познание. – М.: Русское слово, 1996.
63. Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов / А.Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
64. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А.Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
65. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
66. Велиева З.А. Владимир Набоков: диалектика раздвоенности // Известия Уральского государственного университета. – № 1/2 (63). – Екатеринбург, 2009. – С. 147–153
67. Венедиктова Л.Н. К вопросу о содержании понятия «концепт» / Л.Н. Венедиктова // Мир человека и мир языка. – Кемерово: ИПК Графика. – С. 24–32.
68. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке / З.Н. Вердиева. – М., 1986. – 120 с.

69. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
70. Вилюнас В.К. Основные проблемы психической теории эмоций / В.К.Вилюнас // Психология эмоций. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 287 с.
71. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1976. – 143 с.
72. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. /В.В. Виноградов // Вопросы филологии. 1986. – № 2. – С. 28 – 39.
73. Виноградов В.В. Избранные труды: лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
74. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
75. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Высшая школа, 1980. 360 с.
76. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. /В.Н. Виноградова. – М.: 1984. – С. 156 – 183.
77. Виноградова Т.Ю. Национальный образ мира и идентификация личности / Т.Ю. Виноградова // Ученые записки Казанского университета. – Т. 135. – Казань: Унипресс, 1998. – С. 157.
78. Винокур Г.О. Закономерности стилистического использования языковых единиц. /Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
79. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка // О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Винокур Т. Г.; Предисл. В. П. Григорьева. – М., Высш. шк., 1991.
80. Винокур Г.О. Форма слова и части речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: 1959. – С. 111 – 238.
81. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
82. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 1989. – 263 с.

83. Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2/3. – С. 14-26.
84. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2004. – №1. – С. 64–72.
85. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимосвязи / В.В. Воробьев. – М.: Инст-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1991. – С. 40–46.
86. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
87. Воронин Л.В. Концепт «страх» в русском и немецком языках (контрастивный анализ на материале произведений М.Булгакова и К.Тухольского и их переводов на английский язык): дис. ... канд. филол. наук / Л.В.Воронин. – М., 2005. – 197 с.
88. Гак В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология / В.Г. Гак. – В кн. : Рус. язык за рубежом. – 1974. – №3.– С. 52–58.
89. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
90. Галиева Ж. Граница между небом и землей. Вопросы литературы, 2009, № 6
91. Галич Г.Г. Градуальные характеристики качественных прилагательных, глаголов и существительных современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. – 206 с.
92. Гарипова Л.Р. Концепты татарской языковой картины мира: репрезентации в лексеме «день»: дис. ... канд. филол. наук / Л.Р.Гарипова. – Казань, 2007. – 208 с.
93. Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус // Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 159–289.
94. Гачев Г. Национальные образы мира / Г.Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.

95. Гвоздева А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов): дис. ... канд. филол. наук / А.А.Гвоздева. – Тамбов, 2004. – 151 с.
96. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию / сост. С. П. Капица. М.: Наука, 1973. – 208 с.
97. Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 528 с.
98. Голованивская М.К Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М.К. Голованивская. – М.: Academia, 1997. – 214 с.
99. Гончарова Ю.Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Л.Гончарова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 162 с.
100. Грабарова Э.В. Концепт *savoir vivre* во французской лингвокультуре и его русские соответствия: дис. ... канд. филол. наук / Э.В. Грабарова. – Волгоград, 2004. – 190 с.
101. Гумбольдт В. Форма языков // Избранные труды по языкознанию – М.: Прогресс, 1984.
102. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
103. Гуревич П.С. Философия культуры : учеб. для высшей школы / П.С. Гуревич. – М., 2001. – 352 с.
104. Даниленко В.П. Общее языкознание. Курс лекций. 2-е изд. / В.П. Даниленко. – Иркутск: Иркутс. гос. универ., 2002. – 240 с.
105. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
106. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
107. Денмухаметова Э.Н. Некоторые вопросы герменевтики в переводоведении / Э.Н. Денмухаметова, А.Ш. Юсупова // Современный перевод: лингвистические и историко-культурные аспекты: сб. трудов

Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. – Казань: "Казанский университет", 2013. – С.18-23.

108. Джиоева, А.А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «Privacy» / А.А. Джиоева // Вестник Московского гос. ун-та. – Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – С. 40–46.

109. Диброва Е.И. Избранные работы: В 2-х т.» Т.1.: «Художественный текст. Структура. Содержание. Смысл». – М., 2008.

110. Диброва Е.И. Современный русский язык / Е.И.Диброва. – Москва, 1996. – С. 3–10.

111. Добровольский Д.О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков: дис. ... канд. филол. наук / Д.О. Добровольский. – М., 1990.– 441 с.

112. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – №6. – С. 37–48.

113. Додонов Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоции направленности личности / Б.И. Додонов // Вопросы психологии. – 1975. – № 6. – С. 21–33.

114. Додонов Б.И. Эмоции как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.

115. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Дорофеева. – Краснодар, 2002. – 214 с.

116. Дубичинский В.В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: дис. ... докт. филол. наук / В.В.Дубичинский. – Краснодар, 1995. – 311 с.

117. Евсеева И.В. Связь концептов и категорий в сознании человека / И.В. Евсеева // Филологический сборник. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2000. – С. 19.

118. Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / О.А.Евтушенко. – Волгоград, 2006. – 197 с.
119. Егоршина Е.Е. Прагмалингвистические особенности лексических усилителей в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1997. – 16 с.
120. Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика (опыт исследования понятия в методологических целях) / Г.В.Елизарова. – СПб.: Бельведер, 2000. – 140 с.
121. Ермакова О.П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / под. ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2005. – С. 272–279.
122. Ермолаева Е.Н. К вопросу об онтологическом статусе концепта в современной лингвистике / Е.Н.Ермолаева // Концепт и культура. – Кемерово, 2003. – С. 93–97.
123. Ерофеев В. Мужчины. М., 1997.
124. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1990.
125. Жаркова О.С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина. Дис. канд. филол. наук. М., 2005. – 248 с.
126. Жданова Н.В. Национальная специфика концепта «судьба» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Жданова. – Великий Новгород, 2006. – 19 с.
127. Жирмунский В. М. Введение в метрику: Теория стиха. – Л.: Советский писатель, Ленингр. Отд., 1975. – 664 с.
128. Житков А. В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина: автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.01.01 Текст. / А. В. Житков - Екатеринбург, 1999в. – 19с.

129. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук / С.В.Зайкина. – Волгоград, 2004. – 188 с.

130. Закиев М.З. Татары: Проблемы истории и языка. Сборник статей по проблемам лингвоистории, возрождения и развития татарской нации / М.З.Закиев. – Казань, 1995. – 464 с.

131. Закирова Р. Р. Концепт «Моң» в татарской языковой картине мира: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2008. – 227 с.

132. Закирова Р. Р. Концепт в контексте национальной культуры // Иностранные языки в современном мире: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / под ред. С. С. Тахтаровой, А. В. Фахрутдиновой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 298–302.

133. Закирова Р.Р. Вербализация концепта «Моң» в лексико-деривационных структурах татарского языка / Р.Р.Закирова // Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д.И.Менделеева, 2008. – С. 138–141.

134. Закирова Р.Р. К проблеме изучения лингвокультурологического поля концепта: структура, мнения / Р.Р.Закирова // Иностранные языки в школе и вузе: модернизация содержания и технологии обучения / Под общ. ред. Л.О.Свириной. Казань: Изд-во ТГГПУ, 2008. – С. 112–115.

135. Закирова Р.Р. Концепт «Моң» в фразеологических единицах и паремиях / Р.Р.Закирова // Тенишевские чтения – 2008: Сб. научных статей – Казань: ТГГПУ, 2008. – С. 152–156.

136. Закирова Р.Р. Лингвокультурологический концепт «Моң» в татарской языковой картине мира / Р.Р.Закирова // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – №. – С. 188–194.

137. Залевская А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований / А.А.Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 23–39.

138. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания / А.А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование. – Воронеж: ИнЯз, 1998. – С. 35–54.

139. Замалетдинов Р.Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. – 208 с.

140. Замалетдинов Р.Р. К проблеме сопоставительной лингвокультурологии / Р.Р.Замалетдинов // Полилингвизм и система профессионального образования в Республике Татарстан. Материалы научно-практической конференции, 14 ноября 2003 г. – Набережные Челны: Изд-во Набережночелнинского гос. пед. ун-та, 2003. – 160 с. – С. 22–25.

141. Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: дисс. ... докт. филол. наук / Р.Р.Замалетдинов. – Казань, 2004. – 500 с.

142. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении / Р.Р. Замалетдинов. – М.: Гуманит. издат. центр Владос, Казань: Магариф, 2004. – 239 с.

143. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом сознании / Р.Р. Замалетдинов. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. – 239 с.

144. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1994. – С. 131-136.

145. Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании /Е.А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – С. 84 – 133.

146. Земская Е.А. Словообразование. Учебное пособие /Е.А. Земская. –М.: Просвещение, 1973. – 307 с.

147. Зэкиев М.З. Төрки-татар этногенезы / М.З.Зэкиев. – Казан: Инсан, 1998. – 624 б.

148. Зиангирова Э.М. Лингвокультурологическое поле «Өй» в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук / Э.М.Зиангирова. – Казань, 2006. – 229 с.
149. Зинченко П. Восприятие // Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
150. Зыкова И.В. Гендерные исследования в современной лингвистике / И.В. Зыкова // Филологические науки. – 2002. – С. 58–74.
151. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М., 1995. – 283 с.
152. Иванова И.А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Иванова. – М., 2006. – 25 с.
153. Иванова С.В. Лингвокогнитология и лингвокультурология: сопряжение парадигм: Уч. пособие / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
154. Иванова–Лукьянова Г.Н. О ритме прозы // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1971. – С. 128–147.
155. Изард К. Эмоции человека: Пер. с англ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 440 с.
156. Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологические и лексикографические аспекты: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Ипанова. – СПб., 2005. – 225 с.
157. Исаев М.И. Актуальные аспекты рассмотрения комплексной проблемы «Язык и культура» / М.И.Исаев // Язык и культура: II междун. науч. конф. – М., 2003. – С. 24–25.
158. Исанбет Ю.Н. Две основные формы татарской народной песни / Ю.Н. Исанбет // Народная песня. Проблемы изучения. – Л., 1983. – С. 59.
159. Исмагилова Г. К. Лексика романов Г. Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» автореф. диссер. канд. филол. наук / Г. К. Исмагилова. – Казань, 2008 – 25 с.
160. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. – М.: Флинта, 2009. – 224 с.

161. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке: дис. ... докт. филол. Наук / В.И.Казарина. – Воронеж, 2003. – 429 с.
162. Казнина Е.Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе / Е.Б. Казнина. – М., 2004. – 249 с.
163. Калниязов М.У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования /М.У. Калниязов // Актуальные проблемы русского словообразования: Ученые записки Ташкентского педагогического института. – Ташкент, 1975, вып. 143, т.1. – С. 285 – 292.
164. Камалетдинова Э.И., Сабирова Д.Р. Особенности функционирования английского языка Chinglish в Китае / Э.И. Камалетдинова, Д.Р. Сабирова // Terra Linguae. – Казань, 2015. – Вып. 2. – С. 193–195.
165. Кандель Б.Л. Библиография переводов романа «Анна Каренина» на иностранные языки // Толстой Л.Н. «Анна Каренина». – М. 1970. – С. 891 – 893.
166. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект. На материале русскоязычной прозы. Дис. ... канд. фил. наук. Уфа, 2000. – 247 с.
167. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
168. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3–16.
169. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 75–80.
170. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
171. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

172. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним / А.Г. Каримуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 126 с.
173. Карябкина И.Н. Обзор понятия «концепт» в современной лингвистике и принципы выделения этических концептов / И.Н. Карябкина // Язык. Миф. Этнокультура. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 145.
174. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М., 1958.
175. Каюмова Э.Р. Татарская народно-песенная культура Нового времени (Проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции): дис. ... канд. наук искусствоведения / Э.Р.Каюмова. – Казань, 2004. – 285 с.
176. Кирьян А.Д. Градация как способ организации лексико-семантических групп: дис. ...канд. филол. наук. – М., 1981. – 190 с.
177. Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: Кол. монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 255 с.
178. Кожанов Д.А. Концепт «Homeland» в американской картине мира и способы его языковой репрезентации: дис. ... канд. филол. наук / Д.А.Кожанов. – Барнаул, 2006. – 159 с.
179. Кожин А. Н. Введение в теорию художественной речи Текст. / А. Н. Кожин. – М.,2007. – 233с.
180. Кожина М. Н. Стилистика русского языка Текст. / М. Н. Кожина. М.: Флинт: Наука, 2008. – 462 с.
181. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 364 с.
182. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В.В. Колесов. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2000. – 326 с.
183. Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
184. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. – Барнаул: БГПУ, 2008.

185. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.

186. Кондратьева О.Н. Основные направления в области концептуальных исследований / О.Н. Кондратьева // Филологический сборник. Кемер. гос. ун-т. – Вып. 2. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 83–87.

187. Коновалова Т.В. Концепт VERTRAVEN в немецком языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Коновалова. – Иркутск, 2006. – 135 с.

188. Конрад Б., Титце Р. На подступах. «Война и мир» и «Анна Каренина» (дуэт переводчиков) // Материалы II Международного семинара переводчиков. – Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2008. – С. 21-28.

189. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 349-383.

190. Корман Е.А. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в испанском языке: функционально-прагматический и когнитивный аспекты дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Корман. – Ростов-на-Дону, 2007. – 305с.

191. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О.А.Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

192. Костюк А.П. Организационно-педагогические условия разработки регионального компонента государственного стандарта среднего образования. Дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 1999. – 198 с.

193. Котелова Н.З. Первый опыт, лексикографического описания русских неологизмов /Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – 873 с.

194. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: ИГУ, 1996. – 160 с.

195. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

196. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
197. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М., 1960. – С. 252–258.
198. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М.: ИЯЗ РАН, 1992.
199. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке. М.: ИЯЗ РАН, 1994.
200. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: РАН Ин-т языкознания, 1997. – 327 с.
201. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. – 555 с.
202. Кузнецов А.М. Национально-культурное своеобразие слова / А.М. Кузнецов // Язык и культура: Сб. обзоров АН СССР Институт научной информации по общественным наукам. – М., 1987. – С. 10–35.
203. Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Л.Э. Кузнецова. – Краснодар, 2005. – 206 с.
204. Кузьмина Е.А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Кузьмина. – Тамбов, 2002. – 196 с.
205. Кульд И.В. Смягчение категоричности констатирующих высказываний (на материале современного испанского языка) // Вестник ЛГУ. – 1990. – Вып.3 (№16). – С. 81–85.
206. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В.Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа, 1996. – 446 с.

207. Кушу С.А. Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира (на материале языка оригенов и переводов произведений Т. Керашева с адыгейского на русский и английский языки): дис. ... канд. филол. наук / С.А. Кушу. – Краснодар, 2004. – 203 с.

208. Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англоязычной поэзии VII-XI веков (лингво-этнический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Л.Р.Лаврентьева. – Владивосток, 2006. – 192 с.

209. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. – В сб.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. М., 1988. – 320 с.

210. Лакофф Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–416.

211. Ланская О.В. Концепт «дом» в языковой картине мира: на материале повести А.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика»: дис. ... канд. филол. наук / О.В.Ланская. – Калининград, 2005. – 199 с.

212. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения / А.А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 46–73.

213. Леонтьев А.А. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1976. – 262с.

214. Лисицин А.Г. К проблеме концептуального анализа / А.Г. Лисицин // Язык и культура: III междун. конф.: Доклады и тезисы докладов. – Киев, 1994. – С. 98–100.

215. Лихачёв Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачёв // РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин Дом). 2-е изд., доп. – СПб.: Блиц, 1999. – 191 с.

216. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

217. Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – 203 с.

218. Лопатин В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. /В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
219. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
220. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С.-Петербург, 1996. – 846 с.
221. Лук А.Н. Эмоция и личность / А.Н. Лук. – М.: Знание, 1982. – 175 с.
222. Лукин В.А. Концепт истины и слово ИСТИНА в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В.А. Лукин // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63–68.
223. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. – 320 с.
224. Лурье С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М.: Аспект пресс, 1997. – 448 с.
225. Луценко Р.С. Концепт «пейзаж» в структуре англоязычного прозаического текста: дис. ... канд. филол. наук / Р.С.Луценко. – Иваново, 2007. – 206 с.
226. Лыков А.Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи /А.Г. Лыков // Филологические науки. 1971. – №5. – С. 70 – 81.
227. Лыков А.Г. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики /А.Г. Лыков // Лексикология: тезисы II-й межвузовской конференции. – М.: 1990. – С. 76 – 80.
228. Ляпин С.Х. (а) Концептологическая формула факта / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Вып. № 2. – Архангельск: Изд-во Поморск. гос. ун-та, 1997. – С. 5–71.
229. Ляпин С.Х. (б) Концептология: к становлению подхода / С.Х.Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Вып. № 1. – Архангельск: Изд-во Поморск. гос. ун-та, 1997. – С. 11–35.
230. Марков В.М.О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск, 1981. – 32 с.
231. Марцелли А.А. О влиянии интра- и экстралингвистических факторов эмоциональной оценки на семантику лексической единицы / А.А. Марцелли //

Семантика языковых единиц разных уровней: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д.: РГПИ, 1987. – С. 177–181.

232. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. Уч. пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1991. – 207 с.

233. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001. – 208 с.

234. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебн. пособие для студентов вузов / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 204 с.

235. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): Монография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

236. Мезенина М.В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 206 с.

237. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка / В.Ю. Меликян. Учебное пособие. – Флинта, 2013.

238. Метафора в языке и тексте. – М., 1988.

239. Мечковская Н.Б. Градуально-количественная семантика в грамматике, лексике и фразеологии: уровневое своеобразие и межуровневые корреляции // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство Индрик, 2005. – С. 448–465.

240. Милли моңнар. Төрки-татар көйләре (С.Габәши язмалары буенча) / Төз. авт. Г.М.Макаров. – Казан: Мәгариф, 2002. – 207 б.

241. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 196 с.

242. Милянчук Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: дис. ...канд. филол. наук. – Владивосток, 2005. – 214 с.

243. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. М.: Мир, 1978.

244. Мир через культуру / ред. Н.Г. Багдасарьян. – М.: Изд-во МГТУ, 1993. – 124 с.

245. Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007b. – 356 с.
246. Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В.М. Мокиенко. – Вестник Кемеровского государственного университета Выпуск № 4. Том 4, 2012.
247. Мотыгуллина З.А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / З.А.Мотыгуллина. – Казань, 2007. – 158 с.
248. Мубаракшина А.М. Парадигматические отношения лексем со значением «нравственность» // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 4(34). С. 76 – 81.
249. Мубаракшина А.М. Синтагматические отношения лексем, вербализующих категорию «нравственность» // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. № 9 (150). С.14 – 18.
250. Мубаракшина А.М. Смысловое поле категории «нравственность» в романах Сергея Минаева // Вестник ВятГГУ. 2015. № 1. С. 118 – 124.
251. Муняева Е. И. Анализ конструкций с глаголом see в свете теории концептуальной интеграции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2007. – 141 с.
252. Муравьева Н.Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2008.
253. Мухин М.Ю. Синтагматическое напряжение в романах Владимира Набокова: дис. ... канд. филол. Наук. Екатеринбург, 1998.
254. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1990. – 110 с.
255. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. – М.: Независимая газета, 1996. – 438 с.
256. Набоков, В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999. – 440 с.
257. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. /Р.Ю. Намитокова. – Ростов-на-Дону: 1986. – 156 с.

258. Немов Р.С. Психология. Учеб. Для студентов высш. Уч. Заведений. В 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. – 2-е изд. – М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995. – 576 с.

259. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Межвуз. сб. науч. тр. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998 – С. 80–85.

260. Нещименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов и дифференциации // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн.1. М., 2006. – 65 с.

261. Нигметзянов М.Н. К характеристике жанров татарских народных песен / ред. М.Н. Нигметзянов, сост. А.Л. Алмазова // Музыка и современность (Актуальные вопросы татарской музыки). – Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1980. – С. 98–116.

262. Нигметзянов М.Н. Народные песни волжских татар: Исследования / М.Н. Нигметзянов. – М.: Советский композитор, 1982. – 135 с.

263. Нигметзянов М.Н. Татарские народные песни / М.Н. Нигметзянов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. – 240 с.

264. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. – 2-е изд-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.

265. Никитин М.В. Метафора: уподобление vs интеграция концептов / М.В. Никитин // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – С. 255–269.

266. Носовец С.Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002.

267. Носуленко В.Н. Психология слухового восприятия. М., 1988.

268. Павиленис Р.И. Проблема смысла / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 287 с.

269. Павлова Н.Д., Григорьева А.А., Пескова Е.А. Психолингвистика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса // Общение и познание. – М.: Инст-т психологии РАН, 2007. – С. 353–372.
270. Панасова Е.П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук / Е.П.Панасова. – Екатеринбург, 2007. – 194 с.
271. Перевозникова А.К. Концепт душа в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / А.К.Перевозникова. – М., 2002. – 184 с.
272. Пешковский А.М. Понятие отдельного слова // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. – М. –Л., 1925а. – С. 122–140.
273. Пешковский А.М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М. –Л., 1925б. – С. 153–166.
274. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... док. филол. наук / М.В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
275. Планк М. Единство физической картины мира / М. Планк. – М., 1966. – С 48–50.
276. Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. /Л.И. Плотникова. – Белгород, 2000. – 242 с.
277. Подзолкова Н.В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Подзолкова. – Волгоград, 2005. – 223 с.
278. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
279. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 148 с.
280. Попова З.Д., Стернин И.А. Концептосфера и картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 4–72.

281. Пospelova A.G. Речевые приоритеты в английском диалоге: дис. ... докт. филол. наук в форме науч. доклада. – СПб., 2001. – 73 с.
282. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
283. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
284. Потебня А.А. Собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.
285. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – 342 с.
286. Прищепенко М.В. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / М.В. Прищепенко. – Волгоград, 2006. – 196 с.
287. Психология: Учебник для вузов / В.М. Аллахвердов, С.П. Безносков, В.А. Богданов и др. – Изд. 2, перераб, доп. – М.: Проспект, 2008.
288. Пфетцер С.А. Нужна ли защита процессам глобализации в XXI веке // Альманах современной науки и образования. – 2007 – №7(7). – 150 с.
289. Радченко Г.И. Языковые средства выражения категории интенсивности и их стилистическая роль в произведениях писателей XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2007. – 23 с.
290. Раевский Д.С. Модель мира скивской культуры / Д.С. Раевский. – М.: 1995. – 415 с.
291. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 415 с.
292. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
293. Репин И.Е. О графе Льве Николаевиче Толстом: Мои личные впечатления и воспоминания // Литература русского зарубежья: Антология в 6 тт. – Т.1, кн. 2. – М.: Книга, 1990. – 432 с.

294. Ройзензон С.И. Русская фразеология / С.И. Ройзензон. – Самарканд: Казахгосиздат, 1977. – 169 с.
295. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
296. Романенко О.В. Олицетворения и овеществления в языке романа Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего»: дис. ... докт. филол. наук / О.В. Романенко. – Краснодар, 2002. – 149 с.
297. Рубенштейн С.Л. Эмоции / С.Л. Рубенштейн // Психология эмоций: Тексты. – М.: МГУ, 1984. – С. 152–155.
298. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
299. Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2003. – 213 с.
300. Руднев В.Г. Словарь культуры XX века / В.Г. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
301. Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1995.
302. Русский язык / Под. ред. Л.Л. Касаткина. – М.: АCADEMIA, 2004. – 768 с.
303. Рыбникова В.А. Языковая концептуализация социума (на материале английских дидактических текстов): дис. ... канд. филол. наук / В.А. Рыбникова. – Краснодар, 2001. – 260 с.
304. Рыцарева А.Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка): автореферат дисс. кандидата филологических наук. – Волгоград, 2002. – 19 с.
305. Рябкова А.В. Лексико-семантическая таксономия фреймов радость – печаль: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Рябкова. – Тюмень, 2002. – 187 с.

306. Рябцева Н.К. Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка. Истина и истинность в языке и культуре / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1995. – С. 139–151.
307. Рябцева Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Под редакцией А.С. Нариньяни. Т.1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. – С. 268–273.
308. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. – 639 с.
309. Рябцева Р.К. Вопрос: Протипическое значение концепта / Р.К.Рябцева // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 73–74.
310. Сабирова Д.Р. Функционирование английского языка в условиях глобализации: изменения исторического нарратива // Филология и культура. – 2013. – № 1 (31). – С. 256–259.
311. Сакаева Л.Р. Отражение антропоцентризма во фразеологии английского, русского и таджикского языков: дис. ... канд. филол. наук / Л.Р. Сакаева. – Казань, 2004. – 217 с.
312. Сафиуллина Ф.С. Хэзерге татар эдэби теле. Лексикология. (югары уку йортлары студентлары өчен). – Казан: Хэтер, 1999. – 288 б.
313. Саяхова Л.Г. К проблеме идеографического и тематического описания лексики / Л.Г.Саяхова // Рус. яз. в нац. школе. – 1981. – № 5. – С. 36–42.
314. Свердловск: [б. и.], 1984. – 72 с.
315. Свинцицкая Е.В. Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М.А. Булгакова. Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. – 200 с.
316. Семенова М.Ю. Принципы изучения лексики англоязычного происхождения в современном русском языке: автореферат дисс. кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
317. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

318. Сергеева Д.В. Концепт «радость» в русском и английском языках (сопоставительный анализ на материале произведений Ф.М. Достоевского и Ч. Диккенса): дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Сергеева. – М., 2004. – 207 с.
319. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике / Е.В. Сергеева // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – С. 126–130.
320. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира: сб. науч. тр. / Б.А. Серебренников [и др.]. – М., 1988. – С. 85–108.
321. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986а. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – С. 170 – 194.
322. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986б. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – С. 195 – 222.
323. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. – С. 242–263.
324. Сибгатуллина В.М., Сабирова Д.Р. Особенности функционирования английского языка в Индии / В.М. Сибгатуллина, Д.Р. Сабирова // *Terra Linguae Et Reliquiae*. – Казань, 2014. – С. 191-194.
325. Скиба М.Е. Концепт «Идеология» в американском языковом отражении: дис. ... канд. филол. наук / М.Е. Скиба. – Н.Новгород, 2003. – 185 с.
326. Скарнёв Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами : Проблемы семантики и прагматики: дис. ... канд. филол. наук / Д.С. Скарнёв. – Челябинск, 2006. – 240 с.
327. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под. ред. Т.Н. Ушаковой и Н.Д. Павловой. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.

328. Слышкин Г.Г. Лингвокультурологические концепты и метаконцепты: дис. ... докт. филол. наук / Г.Г.Слышкин: Изд-во Волгоградского гос. пед. ун-та. – Волгоград, 2004. – 323 с.

329. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

330. Соколовская, Ж.П. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики»? / Ж.П. Соколовская. – Симферополь: Таврия, 1993. – 232 с.

331. Солнышкина М.И. Концепт как когнитивная и лингвокультурологическая категория / М.И. Солнышкина // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-практ. конф.: Труды и материалы. – Казань: Алма-Лит, 2006. – С. 355–357.

332. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): дис. ... д-ра филол. наук / Ю.П. Солодуб. – М., 1986. – 406 с.

333. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Тривола; Либерия, 2002. – 600 с.

334. Сопрыкина В.И. Национальная специфика языкового отражения концепта в художественной картине мира (на материале вербализации концепта «музыка» в русской и немецкой поэзии XIX – XX веков): дис. ... канд. филол. наук / В.И. Сопрыкина. – Воронеж, 2005. – 225 с.

335. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

336. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проспект, 2004.

337. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

338. Стернин И.А. Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления / И.А. Стернин // Языковая семантика и образ мира: Сборник ст. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1997. – С. 62.

339. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.

340. Стернин И.А. Национально-культурные компоненты в структуре значения слова / И.А. Стернин // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного: Сб. ст. / Изд-во Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 1984. – С. 140–145.

341. Сунгатуллина Р.Р. Вербализация концепта «Моң» в татарской языковой картине мира / Р.Р.Сунгатуллина // Казань и Алтайская цивилизация. 50-я ежегодная междунар. научная алтаистическая конф. (Казань, 1-6 июля 2007 г.). – Казань: Алма-Лит, 2007. – С. 198–199.

342. Сунгатуллина Р.Р. / «Моң» в контексте татарской национальной культуры / Р.Р. Сунгатуллина // Проблемы современного филологического образования. Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 7.– Москва – Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 116–119.

343. Сунгатуллина Р.Р. / Проблемы исследования концепта “Моң” в татарской языковой картине мира / Р.Р.Сунгатуллина // Проблемы филологии народов Поволжья: Межвуз. сб. науч. ст. – Москва – Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 190–194.

344. Сунгатуллина Р.Р. О лексеме «Моң» в татарской языковой картине мира / Р.Р.Сунгатуллина // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языкознание: труды и материалы. Международ. науч. конференция (Казань, 4-7 мая 2007 г.). В 2-х томах, Т.2 / Казан. гос. ун-т; Ин-т языкознания РАН; Ин-т лингвист. исслед. РАН; под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева.– Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И.Ульянова-Ленина, 2007. – С. 121–123.

345. Сунгатуллина Р.Р. Репрезентация концепта «Моң» в татарской языковой картине мира / Р.Р.Сунгатуллина // Языковые и культурные контакты

народов Республики Башкортостан в условиях двуязычия: Материалы Всероссийской научной конф. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 404–408.

346. Сунгатуллина Р.Р. Эмоциональный концепт «Моң» татарского языка / Р.Р.Сунгатуллина // Билингвизм как явление межкультурной коммуникации: реалии и перспективы (Международ. науч.-практ. конференция, Казань, 21-22 сент. 2007 г.). – Казань: Алма-Лит, 2007. – С. 199–201.

347. Суперанская А. Имя через века и страны / А. Суперанская. – М.: Наука, 1990. – 188 с.

348. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. - Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1998. – 276 с.

349. Сущинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория «акцентирования» и средства её реализации в современном немецком языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1991. – 45 с.

350. Сущинский И.И. Система средств выражения высокой степени признака (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 24 с.

351. Сыщикова Е.С. Пословицы и поговорки в испанской периодической печати : дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Сыщикова. – М., 2007. – 205 с.

352. Тарасова Е.А. Коммуникативная компетенция и выражение волеизъявления в немецком языке // Вестник ВГУ. – 2005. – Сер. Филология, журналистика. – № 1, – С. 97-104.

353. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время. Очерки по русскому и общему языкознанию / З.К.Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1993. – 222 с.

354. Татарская грамматика: в 3-х томах. Т.1. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – 583 с.

355. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

356. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.

357. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–25.

358. Терпак М.А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале семантического поля «Родственные отношения»): дис. ... канд. филол. наук / М.А. Терпак. – Самара, 2006. – 204 с.

359. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (Поэзия Ф.И. Тютчева): дис. ... канд. филол. наук / Ю.Д. Тильман: Изд-во Моск. гос. ун-та. – М., 1999. – 232 с.

360. Тихонова В.Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / В.Я. Тихонова. – М., 2005. – 238 с.

361. Томашевский Б. В. Русское стихосложение: Метрика. – Пг., 1923. – 157 с.

362. Точилова Ю.Н. Концепт ZEIT в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Точилова. – Кемерово, 2005. – 253 с.

363. Трофимова А.В. Концепт «Огонь» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Трофимова. – М., 2005. – 212 с.

364. Трофимова Ю.В. Концепт «политика» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Трофимова. – Барнаул, 2004. – 152 с.

365. Убин И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 23 с.

366. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М., 1977.

367. Улуханов С.И. Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке /С.И. Улуханов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Том 51. – №1. 1992. – С. 3 – 17.

368. Уорф Б.Л. Лингвистика и логика / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып I. – М.: Иностранная литература, 1960. – С. 183–198.

369. Урманчеев Ф.И. Вопросы изучения татарских народных песен / Ф.И. Урманчеев // Вопросы татарского языка и литературы. – Т. 4. – Казань, 1969. – С. 96–102.

370. Урысон Е.В. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 713 – 758.

371. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

372. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

373. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление // М.: Логос, 2001. – 66 с.

374. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира: сб. науч. тр. – М., 1988. – С. 52–59.

375. Уфимцева Н.В. Русские: Опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. – М., 1996. – С. 42–48.

376. Федосова Е.Ю. Полисемия русских фразеологизмов в когнитивном аспекте: на материале фразеосочетаний глагольного типа: дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Федосова. – Воронеж, 2007. – 284 с.

377. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография /Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. 1957. – № 4. – С. 64 – 73.

378. Филатова К.Л. Когнитивное исследование зрительной метафоры во французском языке в сравнении с русским языком. Дисс. канд. фил. наук. Екатеринбург, 2009. – 236 с.

379. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.

380. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: «ИКАР», 2007. – 480 с.

381. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1984. – 456 с.

382. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М.Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. – М., 1992. – С. 28–43.

383. Фурс Л.А., Назарова И.В. (б) Когнитивные аспекты формирования категории градуальности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 33–37.

384. Хабибуллина Э.К. Грамматические замены при переводе татарской прозы на турецкий язык (на примере падежных категорий) / Э.К. Хабибуллина // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: материалы VIII Международной тюркологической конф. (Россия, РТ, г. Елабуга, 22 апреля 2016г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 261–264.

385. Хабибуллина Э.К. Замены как грамматические трансформации, используемые при переводе татарской художественной прозы на турецкий язык / Э.К. Хабибуллина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015 – № 11/2. – С. 265–268.

386. Хабибуллина Э.К. Особенности грамматических трансформаций при переводе произведений татарской литературы на турецкий язык / Э.К. Хабибуллина // Прикладные аспекты сопоставительной лингвистики: обучение иностранному языку с опорой на родной язык: (материалы II Международной науч.-практ. конф., проводимой в рамках IV Международного научно-

практического форума «Сохранение и развитие языков и культур», КФУ. – Казань, 2015. – С. 107–110.

387. Хабибуллина, Э.К. Особенности лексических трансформаций при переводе татарской литературы на турецкий язык / Э.К. Хабибуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2015 – № 1. – С. 210–216.

388. Хакимзянова Д.Ф. Семантическое развитие слова на примере глагольной лексики // Хакимзянова Д.Ф., Хованская Е.С. Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2.

389. Хакимова Г. Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Уфа, 2005. – 160 с.

390. Халеева И.И. Гендер как интрига познания / И.И. Халеева // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 446. – М., 1999. – С. 7–13.

391. Холл М. НЛП-мастер. Полный сертификационный курс. Высшая магия НЛП. / Холл М., Боденхаммер Б.; пер. Н. Миронова. – Спб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

392. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив / Отв.ред. В.Б.Касевич. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

393. Хузина Э.С. Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке (на материале паремий и авторских афоризмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Э.С. Хузина. – Казань, 2012. – 25 с.

394. Цзюнь Т. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Цзюнь. – Волгоград, 2001. – 24 с.

395. Цримова З.Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / З.Р. Цримова. – Нальчик, 2003. – 145 с.

396. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л.О.Чернейко // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 73–83.

397. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О.Чернейко. – М.: Б.и., 1997. – 320 с.
398. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1977. – 678 с.
399. Чулкина Н.И. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание / Н.И.Чулкина. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 256 с.
400. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста /В.М. Шаклеин – М., 1999. – 183 с.
401. Шаклеин В.М. Лингвокультурное содержание языка: к проблеме мотивации содержания лингвокультурной картины мира / В.М. Шаклеин // Россия и Запад: Диалог культур. Вып. 6. – М., 1998. – С. 275–295.
402. Шамраев Н.А. Лингвострановедческие основы классификации и лексикографического описания реалий арабского языка в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Шамраев. – Москва, 1997 – С 7-10.
403. Шанский Н.В. Очерки по русскому словообразованию. – М.: МГУ, 1968.
404. Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Семантика и прагматика языковых единиц. – Калуга: КГПУ, 2004. – С. 262 – 274.
405. Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики / С.Г.Шафиков. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1998. – 251 с.
406. Шаховский В.И. Эмотивность и модальность в семантике слова / В.И. Шаховский, В.И. Карасик // Семантика слова и синтаксической конструкции: сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.
407. Шаховский В.И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах / В.И.Шаховский // Русистика. Вып. 1. – Киев, 2001. – С.13–19.

408. Шаяхметова Л.Х. Концепт «Ут» («Огонь») в художественной картине мира (лирической поэзии) Роберта Миннуллина как отражение национальной духовной культуры: дис. ... канд. филол. наук / Л.Х.Шаяхметова. – Казань, 2007. – 201 с.
409. Шейгал Е.И. Градация в лексической семантике: учебное пособие к спецкурсу. – Куйбышев: Куйбыш.гос.пед.ин-т, 1990. – 96 с.
410. Широкова И.А. Эмоциональный концепт «Любовь» в идиостиле А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук / И.А.Широкова. – Тюмень, 2006. – 259 с.
411. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). /Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
412. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
413. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В.Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265–304.
414. Эмих, Т.А. Концепт «обида» в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / Т.А.Эмих. – С.Пб., 2005. – 191 с.
415. Эренбург Н.Р. Концепт успех и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.Р.Эренбург. – Воронеж, 2005. – 234 с.
416. Юнг К. Подход к бессознательному / К.Юнг //Антология культурологической мысли. – М.: РОУ, 1996. – С. 210–211.
417. Юсупов Р.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков / Р.А.Юсупов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. – 255 с.
418. Язык и культура: Учебное пособие / Под ред. Л.Г.Саяховой. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1995. – 170 с.
419. Язык и структура значения. Сб. науч. тр. // Отв. ред. Р.М.Фрумкина. – М.: Изд-во ИЯ РАН СССР, 1990. – 191 с.
420. Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциолингвистические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. – Казань: Магариф, 2002. – 208 с.

421. Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография. Коллективная монография / Под ред. В.В.Воробьева, Л.Г. Саяховой. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 252 с.

422. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии /Р.О. Якобсон. – М.: 2001. – 574 с.

423. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 327 с.

424. Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. – М., 1972. С. 254–255.

425. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. – С. 413–418.

426. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. /Н.А. Янко-Триницкая. – М.: 2001. – 442 с.

Литература на иностранном языке

1. Adedimeji M. A. The uniting role of English in a multilingual nation: the case of Nigeria / M. A. Adedimeji // Department of Modern European Languages, University of Ilorin, Ilorin, 2003. – 10 p.

2. Batibo H.M. Reversing attitudes as a key to language preservation and safeguarding in Africa / H.M. Batibo // University of Botswana, 2008.

3. Beukes A.M. The First ten years of democracy: Language policy in South Africa/ A.-M. Beukes // Department of Linguistics and Literary Science RAU University, 2004. – 21 p.

4. Bisong J. Language choice and cultural imperialism: a Nigerian perspective/ J. Bisong *IELT Journal* – 1995. – Vol.49.2 – P. 122–132.

5. Blench R.M. Endangered languages in West Africa/ R.M. Blench //Language Diversity Endangered. //M. Brenzinger ed. – 2007 – P. 140-162.

6. Bluhm-Kulka Sh. Fragen der Anwendung und Vergleichbarkeit von Höflichkeit im familialen Diskurs. Eine interkulturelle Betrachtung // Höflichkeit. Aktualität und Genese von Umgangsformen / Hrsg. von B. Felderer u. Th. Macho. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2002. – S. 237–252.
7. Bolinger D. Degree words – The Hague: Mouton, 1972. – 324 p.
8. Caffi C. Mitigation. – Amsterdam: Elsevier, 2007. – 342 p.
9. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 1998. – 459 p.
10. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Desde la idea a la palabra; desde la palabra a la idea. Barcelona, 1959.
11. Cogburn D.L. Globalisation, knowledge, education and training in the information age/ D.L. Cogburn // International Forum on Information and Documentation 23, –1998 – P. 23–29.
12. Corpas Pastor G. Acerca de la (in)traducibilidad de la fraseología// Las lenguas de Europa: estudios de fraseología, fraseografía y traducción. Ed. G. Corpas Pastor. Editorial Comares, Granada, 2000, p. 483–520.
13. Corpas Pastor G. Manual de fraseología española. Madrid, Gredos, 1996.
14. Crystal D. English as a Global Language // Second Edition, Cambridge University Press. – 2003. – 212 p.
15. Culturally Speaking Managing Rapport through Talk across Cultures / Edited by Helen Spencer-Oatey. – London, New York continuum, 2004. – 281 p.
16. Eckert T. Is English a «Killer Language»? - The Globalisation of a Code //T. Eckert, Cornelia J. A, Kanzig A., Kting M., Muller B., Schwald N.- 2004. – Vol . – 13 p.
17. Fraser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 4. North-Holland, 1980. – P. 341–350.
18. Fraser B., Nolen W. The association of deference with linguistic form // International Journal of the Sociology of Language. – 1981. – 27. – The Hague. – P. 93–109.
19. Freeborn D. From Old English to Standard English: A Course Book in

Language Variation Across Time (2nd ed.) // Basingstoke – Macmillan, 1998. – 502p.

20. Gordon R. G., Jr. Ethnologue: Languages of the World (Fifteenth edition), 2005, web edition - <http://www.ethnologue.com/>

21. Graddol D. The Future of English/ London: The British Council, 1997. –394p.

22. Greenberg J. H. The Languages of Africa // Bloomington IN: Indiana University Press, 1963, – P.69–89.

23. Günther S. Höflichkeitspraktiken in der interkulturellen Kommunikation – am Beispiel chinesisch-deutscher Interaktion // Höflichkeitsstile. Hrsg. H. –H.Lüger. – Frankfurt a.M.: Peter Lang Verlag, 2002. – S. 295–314.

24. Hakimcanova Diana. Dilde Semantik Türemeler Üzerine//Türkoloji Üzerine Araştırmalar – Тюркологические исследования. – Afyonkarahisar, 2014. – №9. – S.27–40.

25. Halliday M.A.K. Beiträge zur funktionalen Sprachgebrauch. - Hannover, Dortmund, Darmstadt, Berlin: Hermann Schroedel Verlag, 1973. – 168 s.

26. Haverkate H. Impositive sentence in Spanish: theory and description in Linguistic Pragmatics. – Amsterdam, NY: North-Holland Pub., 1979. – 194 p.

27. Heelas Paul. 1984. "Emotions across Cultures: Objectivity and Cultural Divergence." In Objectivity and Cultural Divergence, ed. Stuart C. Brown, 21-42.

28. House J., Kasper G. Politeness markers in English and German // F.Coulmas (ed.) Conversational Routine. – The Hague: Mouton, 1981. – P. 157–185.

29. Kachru B. The Alchemy of English: The spread, functions and models of non-native Englishes / Urbana: University of Illinois Press, 1990, – 200 p.

30. Khabibullina E.K. Lexical transformations in the translations of the modern Tatar literature into the Turkish language / Elmira Khabibullina //Journal of Sustainable Development. – 2015, Том: 8, Выпуск: 5, С. 164 – 168.

31. Khabibullina Elmira. SUBSTITUTIONS AT THE LEVEL OF CASE CATEGORIES DURING THE TRANSLATION OF TATAR PROSE INTO TURKISH / Elmira Khabibullina // TURKISH ONLINE JOURNAL OF DESIGN ART AND COMMUNICATION. – 2016, Том: 6, С. 2226 – 2232

32. Lakoff G. On generative semantics/In O.O. Steinberg and L.A. Jakobovits, editors, *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Linguistics, Philosophy and Psychology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
33. Lakoff George, Jonson Mark. 1980. *Metaphors We Live by*. – Chicago: University of Chicago Press, – 425 p.
34. Langner M. *Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: pragma- und soziolinguistische Untersuchungen*. – Münster: Nodus-Publ., 1994. – 253 s.
35. *Language Vitality and Endangerment // International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages, Paris – 2003*, – 25p.
36. Lodhi A. Y. *The Language Situation in Africa Today /A. Y. Lodhi //Nordic Journal of African Studies –1993. – № 2(1) – P.79–86.*
37. Lyons, J. 1997. *Language and Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, – 356 p.
38. Mair C.H. *The continuing spread of English: Anglo-American conspiracy or global grassroots movement. Perspectives on English as a World Language // Ed. D.J. Allerton et al., 2002. – P.159–169.*
39. Mair C.H. *The Politics of English as a World Language. New Horizons in Postcolonial Cultural Studies./ Mair Christian (Ed.) Amsterdam //NewYork, NY, 2003. – XXI. – 497 p.*
40. McKay S.L. *Teaching English as an international language: Rethinking goals and approaches // Oxford: Oxford University Press, 2002. – 150p.*
41. Moon R. *Fixed Expressions and Idioms in English / R. Moon. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 338 p.*
42. Moseley C. *Encyclopedia of the world's endangered languages// Routledge, 2007. – 688 p.*
43. Mous M. *Loss of linguistic diversity in Africa / M. Mous // In M. Janse & Tol S. (eds.) Language Death and Language Maintenance – Benjamins, 2000, P. 157–170.*
44. Mubarakshina A. *Syntagmatic aspect of the Russian vocabulary // Anastasiya Mubarakshina, Aliya Abdrakhmanova, Tatiyana Marsheva , Svetlana Peretochkina*

/4th international multidisciplinary scientific conference on social sciences, 2017. Book 3. Science and society. Volume 1. – pp.251–259.

45. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics* / A. Naciscione. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 283 p.

46. Negash G.H. *Globalization and the Role of African Languages for Development*/ Gh. Negash // Institute of European Studies. University of California, Berkeley, 2005. – 20 p.

47. Nettle D. and Romaine S. *Vanishing Voices: The Extinction of the World's Languages*// Oxford: Oxford University Press, 2000. – 258 p.

48. Pennycook A. *The cultural politics of English as an international language.* // London: Longman, 1994. – 365 p.

49. Perkins M.R. *Modal expression in English.* – London: Frances Pinter & Norwood, NJ: Ablex, 1983. – 192 p.

50. Popham P. *The day a language died* // «Independent», London – 1996. –102 p.

51. Schneider St. *Reduced parenthetical clauses as mitigators. A corpus study of spoken French, Italian, and Spanish.* – Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2007. – 238 p.

52. Seidl J. *English Idioms and How to Use Them* / J. Seidl, W. McMordie. – Moscow, 1983. – 155 p.

53. Stig H. *The Globalization of Language: How the Media Contribute to the Spread of English and the Emergence of Medialects* / H. Stig // Plenary Session III Media, Globalization and Identity, Goteborg University, 2001. – 24 p.

54. Stockwell R. and Minkova D. *English words: History and structure.* // New York: Cambridge University Press, 2001. – 208 p.

55. Todd L. *Modern Englishes: pidgins and Creoles.* / Oxford: Blackwell, 1984. – 286p.

56. Tomkin S., McCarter R. 1964. *What and Where the Primary Affects? Some evidence ...* Los Angeles: University of California press. – Pp. 120–122.

57. Tomlinson J. *Globalization and Culture* // The University of Chicago Press, 1999. – P. 20–30.

58. Trask R.L. Language Change // London: Routledge, 1994. – P. 50–53.
59. Trudgill P. and Hannah J. International English: A Guide to Varieties of Standard English (2nd ed.) // London: Edward Arnold, 1985. – 130 p.
60. Waltereit R. Abtönung. Zur Pragmatik und historischen Semantik von Modalpartikeln und ihren funktionalen Äquivalenten in romanischen Sprachen // Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie (ZrP). – 2006. – B. 338. – 203 s.
61. Webb V. N. Language in South Africa. The contribution of language to the transformation, reconstruction and development of South Africa // Amsterdam/New York: John Benjamins, 2002. – 367 p.
62. Weber G. Top Languages: The World's 10 Most Influential Languages // Language Today, 1997. – Vol. 2.
63. Wunderlich D. Arbeitsbuch Semantik. – Königstein/Ts.: Athenäum, 1980. – 368 s.
64. Zuluaga A. Estudios generativo-transformativistas de las expresiones idiomáticas, 1975.
65. Zuluaga A. Intraducción al estudio de las expresiones fijas. Frankfurt am Main, 1980.
66. Zuluaga A. La fijación fraseológica, 1975.

Литература на татарском языке

1. Абдуллин И.А. Г.Камал драмаларының теле (Язык драм Г. Камала) / И.А.Абдуллин. – Казан, 1971. – 192 б.
2. Дәүләтшин Г. Төрки-татар рухи мәдәнияты тарихы / Г.Дәүләтшин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 512 б.
3. Әлхужаш Н. Ике йөз елдан соң инкыйраз / Н. Әлхужаш . – Әл-Гасрел Жәдид. – Уральски, 1906. – 101 б.
4. Жамалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре / Р.Р.Жамалетдинов. – Казан: Мәгариф, 2006. – 351 б.

5. Заһидуллина Д.Ф. Дөнъя сурәте үзгәрү: XX йөз башы әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография / Д.Ф.Заһидуллина. – Казан: Мәгариф, 2006. – 191 б.

6. Кузьмина Х.Х. Этноска һәм телгә хас гендер сыйфатламасы / Х.Х.Кузьмина. //Туган тел җаме – яшәү яме. – Казан, 2007. – 47–48 б.

7. Сөнгатуллина Р.Р. «Моң» концептының татар җырларында чагылышы / Р.Р.Сөнгатуллина // Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем) – 2005: Ежегодник / Редкол. Хакимянов Ф.С., Кузьмина Х.Х., Хакимянова Д.Ф. – Казань: Gumanitarya, 2006 – С. 61–65.

8. Сөнгатуллина Р.Р. Татар телендә «Моң» концепты (Г.Әпсәләмовның «Ак чәчәкләр» романы нигезендә) / Р.Р.Сөнгатуллина // Университетское образование в мире: современные инновационные подходы к его развитию: Международная научно-практическая конференция, посвященная 130-летию ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Казань, 23-25 октября 2006 г.): Труды и материалы. – Казань: Алма-Лит, 2007. – С. 231–233.

9. Сөнгатуллина Р.Р. Татар телендә «Моң» сүзе: килеп чыгышы һәм мәгънәләре / Р.Р.Сөнгатуллина // Яшь галимнәр һәм аспирантлар эшләре җыентыгы: Тел, әдәбият һәм халык иҗаты мәсьәләләре (28 май 2007 ел). – Чыг. 4 – Казан, 2007. – Б. 156–160.

10. Сөнгатуллина Р.Р. Татар халкының күзаллавында «Моң» концептының чагылышы / Р.Р.Сөнгатуллина // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Международная научно-практическая конференция (Казань, 23-24 июня 2006 г.): Труды и материалы. В 2-х томах. Т. 2. / Под общ. ред. Р.Р.Замалетдинова. – Казань: Изд-во Мастер-Лайн, 2006. – С. 98–100.

11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге/Ф.Ә.Ганиев ред. – Казан: Матбугат йорты, 2008. – 883 б.

12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Т.1.– Казан: Татар. кит.нәшр., 1977. – 476 б.

13. Хәкимжан Ф.С. Татар теленең аңлатмалы омонимнар сүзлеге. – Казан: Gumanitarya, 2004. – 216 б.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

На русском языке

1. Агишев Х.Г. Русско-татарский словарь словосочетаний / Х.Г. Агишев. – Казань: Дом печати, 1998. – 512 с.
2. Алёхина А.И. Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь / А.И. Алёхина. – Мн.: Изд-во БГУ, 1980. – 400 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: [ок. 7 тыс. терминов] / О. С. Ахманова. – 3-е изд., стер. – М.: УРСС: [КомКнига], 2005. – 569 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
5. Ахмеров К.З. Орфографический словарь башкирского литературного языка: 2-е перераб. и доп. изд. / К.З. Ахмеров. – М.: Гос изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 235 с.
6. Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь / Л.К. Байрамова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 158 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1535 с.
8. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл.ред. Прохоров А. М. – М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. – 1991–863 с.
9. Большой энциклопедический словарь: в 2-х томах / Гл. ред А.М. Прохоров. – М.: Совет. энциклопедия, 1991. – 1456 с.
10. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Научн. изд-во «Большая Рос. энциклопедия», 1998. – 685 с.
11. Быстрова Е.А. Краткий фразеологический словарь русского языка / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – СПб.: отделение изд-ва «Просвещение», 1994. – 271 с.
12. Всемирная энциклопедия: Философия XX в. / Глав. науч. ред. сост. А.А.Грицанов. – М.: АСТ, Харвест, Современный литератор, 2001. – 976 с.

13. Габдреева Н.В. Словарь композитов русского языка новейшего периода / Н.В. Габдреева, М.Т. Гурчиани. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 280 с.
14. Гуревич В.В. Русско-английский фразеологический словарь / В.В. Гуревич, Ж.А. Дозорец. – М.: Эксмо, 2004. – 656 с.
15. Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
16. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / Л.А.Карпенко, Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – Москва, 1985. – 200 с.
17. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь / Д.И. Квеселевич. – М. : Рус. язык, 1998. – 705с.
18. Киселёв И.А. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Киселёв. – Минск: Народная асвета, 1985. – 128 с.
19. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И.Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
20. Крысин 1998 – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М.: Рус. яз., 1998. – 847 с.
21. Кубрякова Е.С., Демьяненко В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. – 245 с.
22. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац и др. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
23. Кузнецов С.А Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002. – 1260с.
24. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М. : Рус. язык, 1984. – 944с.
25. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Совет. энциклопедия, 1990. – 685 с.
26. Литвинов П.П. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией: продвинутый английский – через фразеологию : учеб. пособие для самообразования / П.П. Литвинов. – М.: Яхонт, 2000. – 448с.

27. Логический словарь / Под ред А.А.Ивина. – М.: Мысль, 1994. – 265 с.
28. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь / С.И. Лубенская. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 1020 с.
29. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Русский язык, 1986. – 546 с.
30. Музыкальный словарь – музыкаль сүзлек / Науч. ред. А.А.Алмазов. – Казань: Мастер-Лайн, 2004. – 252 с.
31. Мюллер В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 23-е изд., стер. – М.: Алькор+, 1991. – 843 с.
32. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53000 слов. – 20-е изд., стереотип. / В.К.Мюллер – М.: Русский язык, 1985. – 864 с.
33. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия: РИПОЛ классик, 2006. – 1456 с.
34. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2004. – 944 с.
35. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006.
36. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4 томах. – Т. IV, Ч. 2. / В.В. Радлов. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1911 – С. 2133; 2177–2182.
37. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. – Т. III, Ч. 2. / В.В. Радлов.– М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 1261 с.
38. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд. испр. и доп. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
39. Русско-татарский словарь / Под ред. Ф.А. Ганеева. – М.: Русский язык, 1991. – 722 с.
40. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Рус. яз., 1986. 796 с.
41. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. Изд-е 3-е. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 848 с.

42. Словарь русского языка: В 4-х т. – Т. 2: К–О. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Русский язык, 1982. – 736 с.
43. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. (Т.2) / Гл.ред. К.С. Горбачевич. – М.: Русский язык, 1991–1993.
44. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Совет. энциклопедия, 1989. – 1632 с.
45. Степанова М.И. Фразеологический словарь русского языка / М.И. Степанова. – СПб.: Виктория Плюс, 2003. – 608 с.
46. Татарско-русский полный учебный словарь / Под ред. Р.А. Сабирова. – Казань: Меддок, 2006. – 636 с.
47. Татарско-русский словарь: 25000 слов / И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев, Р.А. Юналеева. / Под ред. Ф.А. Ганиева. – Казан: Тат. кн.издат., 2002. – 448 с.
48. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х томах. – Т. II. – М.: Астрель; АСТ, 2000. – 528 с.
49. Толковый словарь татарского языка: В 3 т. Т 3.– Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. – Б. 406–408.
50. Турецко-русский словарь: 48000. – М.: Русский язык, 1994. – 950 с.
51. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – 3-е изд., стер. – СПб.: Азбука: Терра, 1996. – Т. 1. – 592 с.; Т. 2. – 672 с.; Т. 3. – 830 с.; Т. 4. – 863 с.

На татарском языке

1. Ахунжанов, Г.Х. Татар теленең идиомалары / Г.Х.Ахунжанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – 119 б.
2. Әхәтов, Г.Х. Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлегенә / Г.Х.Әхәтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. – 174 б.
3. Әхмәтьянов, Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлегенә / Р.Г.Әхмәтьянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

4. Жамалетдинов, Р.Р. Татар теленең этнокультура лексикасы: сүзлек-белешмәлек / Р.Р.Жамалетдинов. – Казан: Алма-Лит, 2003. – 144 б.
5. Исаев, М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. / М.И.Исаев. 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 200 с.
6. Исәнбәт, Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда. – Т. I / Н.С.Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
7. Исәнбәт, Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда. – Т. II / Н.С.Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 368 б.
8. Корбангалиев, М., Газизов Р., Кулеев И. Татарча-урисча сүзлек. 15 000 сүз / М.Корбангалиев, Р.Газизов, И.Кулеев. – Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1927. – 219 б.
9. Сафиуллина, Ф.С. Антонимнар сүзлеге: Хәзерге татар поэзиясе һәм мәкаләләрдән / Ф.С.Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 2005. – 235 б.
10. Сафиуллина, Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С.Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда, Т. 3 – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – Б. 406–408.
13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда, Т. 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 726 б.
14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. – Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр, 1977. – 476 б.
15. Татар энциклопедия сүзлеге / Баш мөхәррир М.Х.Хәсәнев. – Казан: Татар. энциклопедия инст-ты, 2002. – 830 б.
16. Татарча-төрөкчә сүзлек – Татарско-турецкий словарь / Төз. Ф.А.Ганиев, Р.Г.Әхмәтьянов, Х.Ачыкгөз. – М., ИНСАН, 1997. – 496 б.
17. Хәмзин, К.З. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / К.З.Хәмзин, М.И.Мәхмүтов, Г.Ш.Сәйфуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 496 б.

На английском языке

1. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1995. – 1774 p.
2. The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford University Press, 1996. – 1025 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

На русском языке

1. Вера Полозкова. Непоэманье. М.: Livebook, 2013. – 224 с.
2. Толстой Л. Дневники молодости Л. Толстого. Т.1. М., 1917.
3. Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. (юбилейное) / под общей ред. В.Г. Черткова. – М.-Л.: Гос. изд-во Художественная литература, 1928-1959. Т. 18. — 1934. 557 с. Т.19. — 1935. 520 с.
4. Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки 1904—1906 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. (юбилейное) / под общей редакцией В. Г. Черткова. – М.: Гос. изд-во Художественная литература. Т. 55. 1937. 636 с.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1977. – 678 с.

На иностранном языке

1. Apperson G.L. English Proverbs and Proverbial Phrases / G.L. Apperson. – Published in London & Toronto by J.M. Dent and sons Limited and in New York by E.P. Dutton & Co. INC, 1929. – 721 p.
2. Hazlitt W.C. English Proverbs and Proverbial Phrases / W.C. Hazlitt. – London : Reeves and Turner, 1882. – 532 p.
3. Magnuson W. English Idioms. Sayings and Slang / W. Magnuson. – Plairie House Books. Calgary, 1995. – 368 p.
4. Ruiz Gurillo L. El español coloquial y su fraseología: los sintagmas prepositivos fraseológicos y su incidencia funcional. Tesis doctoral. Valencia, Universitat de Valencia, 1995.
5. Ruiz Gurillo L. La fraseología del español actual. Barcelona, 1998.
6. Ruiz Gurillo L. Las locuciones en español actual. Madrid, 2001, p. 111.

На татарском языке

1. Апакова Л. Моң – мәңгелек сер / Л.Апакова // Сөембикә. – 2007. – №2. – Б. 25.
2. Ахунов А Ялгызак / А.Ахунов // Татарстан. – 2004.– № 4. – Б. 60.
3. Ахунов А. Одиночка / А. Ахунов // Татарстан. – 2004.– № 4. – С. 60.
4. Ахунов Г.А. Акча күктән яумый / Г.А.Ахунов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 288 б.
5. Әгъләмов М. Кан тамырын кистем: Шигырьләр, балладалар / М. Әгъләмов. – Казан: Рухият, 2001. – 656 б.
 - а. Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр / Ф.Әмирхан. – Казан: ТаРИХ, 2002 – Б. 297 – 308.
 - б. Әпсәләмов Г. Ак чәчәкләр / Г.Әпсәләмов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 510 с.
 - в. Әпсәләмов Г. Газинур / Г.Әпсәләмов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 340 с.
 - а. Батулла Р. Алып Батыр мажаралары : тылсымлы әкиятләр : [кече яшьтәге мәкт. балаларына] / Р. Батулла. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1986. – 159 б.
 - б. Батулла Р. Елантау : әкиятләр, мажаралы хикәяләр / Р. Батулла. - Казан : Татар. кит. нәшр., 2005. – 534 б.
8. Бәширов Г.Б. Жидегән чишмә. Роман / Г.Б.Бәширов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 336 б.
9. Бәширов Г.Б. Сайланма әсәрләр: 5 т. / Г.Б.Бәширов. 2 т. Туган ягым – яшел бишек.: повесть. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 398 б.
10. Бәширова И.Г. Жидегән йолдыз нуры / И.Г.Бәширова // Жидегән чишмә моңы... Г.Бәшировның ижат лабораториясеннән. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 144 б.
11. Булатова К.Г. Каурый канат – жыл атым / К.Г.Булатова – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 286 б.

12. Г. Исхакый Әсәрләр: 15 томда. / Г. Г. Исхакый. – Казан, 2001. – 8 т. – 447 б.
13. Габделхакова, Р. Китүчеләр: Хикәя / Р.Габделхакова // Сөембикә. – 2005 – №3. – 35 – 38 б.
14. Галиев М. Балачак әсирлегендә. Ерак урман авазы : хикәяләр һ. повесть / М. Галиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1983. – 232 б.
15. Галиев М.Б. Догалы еллар / М.Б.Галиев. – Казан: Татар. газета-журнал. нәшр., 1998. – 430 б.
16. Гыйләжев А. Жомга көн, кич белән... Повестьлар / А.Гыйләжев. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1982. – 360 б.
17. Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр / А.Гыйләжев. – Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияте (ТаРИХ), 2004. – 511 б.
18. Гыйләжев А.М. Йәгез, бер дога! Роман-хәтирә / А.М.Гыйләжев – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 448 б.
 - a. Гыйльманов Г. Китек ай: повестьлар, хикәяләр, парчалар / Г.Гыйльманов. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2005. – 234 б.
 - b. Гыймадиев А. Телефонлы кәжә / А.Гыймадиев. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2013. – Б. 48-51
 - c. Еники Ә. Юлчы: Хикәяләр / Ә.Еники. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1979. – Б. 214 – 224, 267- 308
19. Еники Ә.Н. Әсәрләр: 5 томда. – Т. 1 / Ә.Н.Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 447 б.
20. Еники Ә.Н. Әсәрләр: 5 томда. – Т. 2 / Ә.Н. Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 447 б.
21. Еники Ә.Н. Әсәрләр: 5 томда. – Т. 3 / Ә.Н.Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 400 б.
22. Еники Ә.Н. Әсәрләр: 5 томда. – Т. 4 / Ә.Н.Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 479 б.
23. Еники Ә.Н. Әсәрләр: 5 томда. – Т. 5 / Ә.Н. Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 479 б.

24. Жәлил М. Әсәрләр / М.Жәлил. – Казан: Мәгариф, 2004. – 271 б.
25. Жәлил М. Моабит дәфтәрләре. Шигырьләр, поэмалар, жырлар / М.Жәлил. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1969. – 744 б.
26. Жәлил М. Сайланма әсәрләр: Өч томда, Т. I. / М.Жәлил. – Казан: Таткнигоиздат., 1955. – 640 б.
27. Жәлилов М.М. Әсәрләр: Биш томда. Т. 3 Шигырьләр, поэмалар, тәржемәләр / М.Жәлил. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2006. – 386 б.
28. Жырлыйк әле / Төз. И. Надиров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 654 б.
 - a. Зәйдулла Р. Ил: Хикәяләр, әдәби-публицистик мәкаләләр / Р.Зәйдулла. – Казан : Татар.кит.нәшр., 1999. – 358 б.
29. Зыятдинова Ф. Утның яшизе килә: шигырьләр / Ф. Зыятдинова – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 175 б.
30. Ибраһимов Г. Әсәрләр: 1 том / Г.Ибраһимов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – С. 50–150.
31. Ибраһимов Г. Әсәрләр: 2 том / Г.Ибраһимов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – С. 10–60.
32. Ибраһимов Г. Әсәрләр: 3 том / Г.Ибраһимов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – С. 75–100.
33. Ибраһимов Г. Әсәрләр: 5 том / Г.Ибраһимов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – 616 б.
34. Ибраһимов, Г. Сайланма әсәрләр: 3 том / Г.Ибраһимов. – Казан: ТАРИХ, 1957. – 528 б.
35. Ибраһимов Г. Табигать балалары / Г.Ибраһимов // Татар хикәясе антологиясе. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2001. – Б. 71-80
36. Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т. I / Н.С.Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 915 б.
37. Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т. II / Н.С.Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – 959 б.

38. Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т. III / Н.С.Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. – 1016 б.
39. Исхакый Г. Әсәрләр: 15 томда. I том. / Г.Исхакый. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. – 399 б.
40. Исхакый Г. Г. Әсәрләр: 15 томда. /Г. Г. Исхакый. – Казан, 2001. – 3т. – 448 б.
41. Камал Г. Әсәрләр җыентыгы: 2 том / Г.Камал. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 544 б.
42. Ключаров А. Татар халык җырлары / А.Ключарев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 488 б.
43. Мәһдиев М. Бәхилләшү: повестьлар. / М. Мәһдиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 640 б.
44. Миңнуллин К.М., Кәлимуллин, Ж.Х., Урманче, Ф.И. Әйтем – чәчәк, мәкаль – җиләк: Халык афоризмнары. Икенче китап. / К.М.Миңнуллин, Ж.Х.Кәлимуллин, Ф.И.Урманче – Казан: Мәгариф, 2002. – 191 б.
45. Миңнуллин Р.М. Сандугачның туган көне / Р.М.Миңнуллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 192 б.
46. Миңнуллин Т.А. Сайланма әсәрләр: 10 томда. – Т. 4 / Т.А.Миңнуллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2002 – 415 б.
- а. Мөхәммәдиев Р. Сират күпере / Р.Мөхәммәдиев – Казан: Татар.кит.нәшр., 1994. – 512 б.
- б. Саттар-Мулиле Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? (Татар исемнәренәң тулы аңлатмалы сүзлегә) / Г.Ф. Саттар-Мулиле. – Казан: Раннур, 1998. – 448 б.
- с. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология / Ф.С.Сафиуллина – Казан: Хәтер нәшрияты, 1999. – 289 б.
- д. Сәлах Ә. Каеннар юлы: Повестьлар / Ә.Сәлах. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2006. – 208 б.
47. Сәхәбиева-Бигичева З. Җидегән чишмәдән иңгән моң / З.Сәхәбиева-Бигичева // Идел, 2006. – № 10. – 98 с.

48. Сез яраткан жырлар: II чыгарылыш. / Төз. Р.Газизов. – Казан: Раннур, 1993.– 64 б.
49. Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре / Төз. Л.Жәләй, Н.Борһанова, Л.Мәхмүтова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1957. – 244 б.
50. Татар халык ижаты: Йола һәм уен жырлары / Төз. И.Н.Надиров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 319 б.
51. Татар халык ижаты: Кыска жырлар (дүртыюллыклар) / Төз. И.Н.Надиров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 392 б.
52. Татар халык ижаты: мәкальләр һәм әйтемнәр / Төз. Х.Ш.Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – 592 б.
53. Татар халык ижаты: Тарихи һәм лирик жырлар / Төз. И.Н.Надиров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 488 б.
54. Тинчурин К. Сайланма әсәрләр / К.Тинчурин. – Казан: ТаРИХ, 2003. – 495 б.
55. Тукай Г. Әсәрләр: Т. 2 / Г.Тукай. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 400 б.
- а. Хәким З. Чын ярату. Сайланма әсәрләр: 3 томда. Т. 2 / З. Хәким. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 384 б.
56. Хәким С. Истәлекләр, шигырьләр / С.Хәким. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2001. – 184 б.
57. Юзеев И.Г. Бөркетләр кыяга оялый: Пьесалар / И.Г.Юзеев. – Татар. кит. нәшр., 1975. – 271 б.
58. Юзеев И.Г. Сайланма әсәрләр: 5 томда. – Т. 5 / И.Г.Юзеев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 415 б.
59. Яруллин Ф.Г. Яралы язмышлар / Ф.Г.Яруллин. – Казан: Рухият нәшр., 2000. – 440 б.
60. Яхин Ф. Ак әбиләр догасы: Хикәяләр,повестьлар / Ф. Яхин. – Казан: Татар.кит.нәшр.,2000. – 255 б.

На туреџком языке

1. Altın Sincap. İlköğretim Öğrencilerine Tatar Çocuk Hikayeleri. Çeviri: Fatih Kutlu. – Ankara, 2014. – 293 s.
2. Gıylecev, Ayaz. Bir avuç toprak. Çeviri: Fatih Kutlu / A.Gıylecev – Ankara: BENGU matbaası, 2013. – 113 s.
3. Gıylecev Ayaz. Cuma günü, akşam. Çeviri: Fatih Kutlu / A.Gıylecev – Ankara: BENGU matbaası: 2013. – 202 s.
4. Muhammedi Rinat. Sırat Köprüsü. Sultan Galiyev. Çeviri Mustafa Öner / R.Muhammedi. – İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1993. – 444 s.
5. Sessiz Kuray. Çağdaş Tatar Edebiyatından Seçmeler. Çeviri Fatih Kutlu. – Ankara, 2014. – 188 s.
6. Vasiyet. Çeviri: Fatih Kutlu. – İzmir: Çağlayan Matbaası, 2005. – 144 s.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Авдевина О.Ю. Перцептивный компонент в формировании художественной картины мира // Языковая картина мира: анализ семантики слова, предложения, текста. – Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ustu.ru/science/online-conf/russian-conf/vol3/>
2. Балакай А.Г. Что мы говорим, когда говорим «ничего...». 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kuzspa.ru/balaka-page/_private/hto.doc.
3. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург – 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/ritmicheskaya-organizatsiya-suggestivnogo-teksta>
4. Бурукина О.А. Гендерный аспект перевода / О.А. Бурукина // Гендер как интрига познания: сб. статей Моск. гос. лингв. ун-та, Изд. «Рудомино». – М., 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/002t.html>
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <http://vidal.agava.ru>
6. Испанско-русский словарь. Режим доступа: <http://www.diccionario.ru/>
7. Карпов И.П. Семантическое поле зрения (Л. Андреев) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russofile.ru/articles/article_142.php.
8. Кругосвет. Онлайн энциклопедия. Режим доступа: www.krugosvet.ru
9. Лаврова С.Ю. Перцептивный образ как аксиологический знак художественного мира (на материале «Очерков» К.Д. Бальмонта). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://balmontoved.ru/k-balmont-v-zerkale-filologii/32-sju-lavrova-pertseptivnyj-obraz-kak-aksiologicheskij>.
10. Мультитран. Режим доступа: http://www.softkey.ru/catalog/program_ver.php?ID=200209&singleOID=696584&referer2=232607&compid=1&referer1=yandex&utm_source=y
11. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Под

ред. Т.Ф. Ефремовой. Режим доступа: <http://www.efremova.info>

12. Психология ощущений и восприятия. Сенсорные и перцептивные системы человека. Режим доступа: www.effecton.ru

13. Русский язык. Энциклопедия русского языка. Режим доступа: <http://rusliyyazik.ru>

14. Русско-испанский словарь. Режим доступа: http://gufo.me/rues_a

15. Семкова А.В. Семантическая вариативность конструкций, категоризирующих слуховое восприятие / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/177/semanticheskaya_variativnost_konstrukcij_kategorizuyuwih_sluhovoe_vospriyatie/

16. Словарь испанских слов с переводом. Режим доступа: <http://w2mem.com/langrevers/es>

17. Словарь-разговорник испанского сленга. Режим доступа: <http://www.masterspanish.ru/ispanskij-sleng.html>

18. Тырышкина Е.А. Ассоциативное поле как элемент поэтической картины мира В. Набокова/ автореф. Дис. ... канд. Фил. Наук. Барнаул, 2002. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/assotsiativnoe-pole-kak-element-poeticheskoi-kartiny-mira-v-nabokova#ixzz2vae7FFMH>

19. Эйгес И. Воззрение Толстого на музыку. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/ejges-vozzrenie-tolstogo-na-muzyku.htm>

20. Эткинд Е. Проза о стихах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/83844-proza-o-stixah.html>

21. Языки под угрозой исчезновения: Специальный выпуск // «Нематериальное наследие. Вестник» // Бюро ЮНЕСКО в Москве. Режим доступа: http://www.unesco.ra/files/docs/clt/2008/publications/IHM_4_rus_ISSN.pdf

На иностранном языке

1. Berufskunde ЭР – сайт по профориентации. Режим доступа: <http://www.berufskunde.com> или <http://www.fachschulzentrum.de>
2. Neologismenwoerterbuch // OWID. Режим доступа: <http://www.owid.de/wb/neo/start.html>
3. OWID/grammis_ЭР – OWID/grammis // Электронный проект Маннгеймского института немецкого языка [на нем. яз.]. Режим доступа: http://www.owid.de/elexiko_/beGlossar.html
4. OWID_ЭР – OWID // Электронный корпус немецкого языка Маннгеймского института немецкого языка [на нем. яз.]. Режим доступа: <http://www.owid.de/wb/owid/start.html>
5. The Language of Linguistics «Dictionary and Research Guide». Режим доступа: <http://www.123exp-comm.com/t/23394354927/>
6. Tolstoy L. Anna Karenina (Penguin Classics) by Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, John Bayley). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=117>
7. Tolstoy Leo. Anna Karenina. Translated by Constance Garnett. Harvard classics shelf of fiction, Volume XVI. New York: P.F. COLLIER & SON, 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bartleby.com/316/>
8. Tutti i romanzi, Sansoni, 1967. – 672 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/785587/>
9. Wikipedia«Languagedeath»//http://en.wikipedia.org/wiki/Language_death

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

На русском языке

АРС 1990 – Мюллер В. К.. Англо-русский словарь : [53000 слов] / В. К. Мюллер. – изд. 23-е стер. – М.: Алькор+, 1991. – 843 с.

КСКТ – Кубрякова, Е.С. Концепт / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянкова, Ю.Г.Панкрац и др. // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 90–93.

МБ – произведения Г. Исхаки «Мулла бабай»

Н – произведение Г. Исхаки «Нищенка»

НРЛ 1985 – Новое в русской лексике: словарные материалы – 1985 / под ред. Н. З. Котеловой, Ю. Ф. Денисенко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Сб. 9. – 351 с.

НРЛ 1986 – Новое в русской лексике: словарные материалы – 1986: сб. ст. / под ред. Н. З. Котеловой, С. И. Алаторцевой, Т. Н. Бурцевой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Сб. 10. – 381 с.

НРЛ 1987 – Новое в русской лексике: словарные материалы – 1987 / под ред. Н. З. Котеловой, Ю. Ф. Денисенко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Сб. 11. – 352 с.

НРЛ 1988 – Новое в русской лексике: словарные материалы – 1988 / под ред. Е. А. Левашова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Сб. 12. – 420 с.

НСЗ 2009 – Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. / отв. ред. Т. Н. Бурцева; РАН. Ин-т лингв. исследований. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – Т. 1: (А–К). – 815 с.

НСРЯТС – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Под ред. Т.Ф. Ефремовой. – URL: <http://www.efremova.info>, свободный (дата обращения - 24.10.2014).

ОГ – ономаσιологическая группа

ОПг – ономаσιологическая подгруппа

ПС – Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

РГ 1980 – Русская грамматика: [в 2 т.] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.; Т. 2. – 714 с

РГ-80 – Русская грамматика. 1980.

РЯЭ ЭР – Русский язык. Энциклопедия русского языка.

СГД – Словарь гендерных терминов

Скляревская 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской; РАН, Ин-т лингв. исследований. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.

СНЛ – сложные наименования лица

СНРЛ – словари серии «Новое в русской лексике» (85-88 гг)

ССЭНЯ 1979 – Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. [и с предисл.] М. Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979. – 536 с.

ССЭРЯ 1990 – Тихонов А. Н. Словарь словообразовательных элементов русского языка / А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – Т. 1. – 856 с.; Т. 2. – 887 с.

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Т. 1 – Казан: Татар. кит. нәшр, 1977. – 476 б.

ТТС – Татарча-төрөкчә сүзлек – Татарско-турецкий словарь: 22 000 слов / Төз. Ф.А.Ганиев, Р.Г.Әхмәтъянов, Х.Ачыкгөз. – М.: ИНСАН, 1997. – 496 б.

На иностранном языке

Duden-DUW 1989 – Duden. Deutsches Universalwörterbuch = Немецкий универсальный словарь / hrsg. u. bearb.vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim; Wien; Zürich; Dudenverl., 1989. – 1056 s.

Duden-HW 1989 – Duden. Das Herkunftswörterbuch – Etymologie = Словарь происхождения – этимологии немецкого языка. – Dudenverlag, 1989. – Band

GDF 2003 – Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Das einsprachige Woerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Neubearbeitung / hrgs. D. Goetz, G. Haensch, H. Wellmann. – Berlin, Muenchen: In Zusammenarbeit mit der Langenscheidt-Redaktion. Langenscheidt KG, 2003. – 1253 s.

LGDF 1998 – Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache = Большой толковый словарь немецкого языка / hrsg. D. Götz [et al.]. – Berlin [etc.]: Langenscheidt; M.: МАРТ, 1998. – XXVI, 1248 p

NW_ЭР – Neologisenwoerterbuch

WDW 1981 – Wahrig G. Deutsches Worterbuch. Verlagsgruppe Bertelsmann GMBH / G. Wahrig. – München: Mosaik Verlag GMBH, 1980–1981. – 4358 s.

На татарском языке

М – Матурлык

АӘД – Ак әбиләр догасы

АЭ – Ак эт

БӘ – Балачак әсирлегендә

ӘВ – Әйтелмәгән васыять

ЖКК – Жомга көн кич белән (Гыйләжев А.)

Китүчеләр – Китүчеләр...

ККК – Күңел күзең күрәме

ӨАЖ – Өч аршин жир (Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр)

СВ – Соңгы вальс

Сәмиг – Сәмигулла абзый

СК – Сират күпере

ТБ – Табигать балалары

Телефонлы – Телефонлы кәжә

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге

XГ – Хәерче Габәш

ЧЯ – Чын ярату

На турецком языке

BAT – Bir Avuç Toprak

BK – Beyaz Köpek

CGA - Cuma Gün Akşam

ÇE – Çocukluğun Esaretinde

EDDBV – Elbet Duayı Duya Biri Var

G – Güzellik

GG –Gariban Gabeş

GGG – Gönül Gözün Görüyor mu

GS – Gerçek Sevgi

KÇ – Köy Çocukları

Semig – Semigulla Amca

SK – Sirat Köprü

SV – Son Vals

Telefonlu – Telefonlu Keçi

V – Vasıyet

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, директор Высшей школы иностранных языков и перевода ИМОИиВ КФУ; e-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий ИМОИиВ КФУ; e-mail: liliyasakaeva@rambler.ru

Яхин Марат Айдарович - преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий ИМОИиВ КФУ; e-mail: Yakhinmarat94@gmail.com

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений ИМОИиВ КФУ; e-mail: Lija.Bushkanetz@ksu.ru

Исмагилова Гулюса Курбангалиевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий ИМОИиВ КФУ; e-mail: GKIsmagilova@kpfu.ru

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода ИМОИиВ КФУ; e-mail: SSTahtarova@kpfu.ru

Мубаракшина Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий ИМОИиВ КФУ; e-mail: blondy010888@mail.ru

Фахрутдинова Анастасия Викторовна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков для социально-гуманитарного направления ИМОИиВ КФУ; e-mail: Anastasiya.Fahrutdinova@kpfu.ru

Закирова Роза Рафаиловна – кандидат филологический наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для социально-гуманитарного направления ИМОИиВ КФУ; e-mail: RoRZakirova@ksu.ru

Кондратьева Ирина Германовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для естественно-научного направления ИМОИиВ КФУ; e-mail: i-kondrateva@yandex.ru

Хакимзянова Диана Фаридовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий ИМОИиВ КФУ; e-mail: Diana.Khakitzyanova@kpfu.ru

Иванова Татьяна Константиновна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ИМОИиВ КФУ; e-mail: Tatiana.Ivanova@kpfu.ru

Абдрахманова Алия Альбертовна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий ИМОИиВ КФУ; e-mail: z_aliya@mail.ru

Хабибуллина Эльмира Камильевна – кандидат филологических наук, директор Высшей школы международных отношений и востоковедения ИМОИиВ КФУ; e-mail: minabova@mail.ru